

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 1
ВЫПУСК 2

2018

УДК
ISSN

Типология морфосинтаксических параметров
том 1, выпуск 2

Издаётся с 2018 года
Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<http://journal.pushkin.institute/tmp/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Подписной индекс журнала по Объединённому каталогу «Пресса России» —
ПИ № от ДД.ММ.ГГГГ

© Авторы, 2018

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018

Pushkin State Russian Language Institute

**T Y P O L O G Y
O F M O R P H O S Y N T A C T I C
P A R A M E T E R S**

VOLUME 1
ISSUE 2

2018

ISSN

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 1, issue 2

First published in 2018

The journal is published 2 times a year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<http://journal.pushkin.institute/tmp/>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate ПИ № as of ДД.ММ.ГГГГ

© The authors, 2018

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница на сайте МПГУ](#)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте МПГУ](#)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D., профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

<https://linguistics.stonybrook.edu/people/bios/linguistics-faculty/john-bailyn.php>

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Елизавета Григорьевна Былинина —

Ph.D., научный сотрудник Лейденского университета, Лейден, Нидерланды

<http://bylinina.com/#recent>

Яцек Виткощ —

Ph.D., профессор университета г. Познань, Польша

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Атле Грённ —

Ph.D., профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://folk.uio.no/atleg/>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D., доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Мария Полинская —

Ph.D., профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

кандидат филологических наук, заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on the Moscow Pedagogical State University Website](#)

[Personal page on Istina.msu.ru](http://Istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://Academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on the Moscow Pedagogical State University Website](#)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](#)

[Personal page on Academia.edu](https://Academia.edu)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

data engineer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](http://Istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://Academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D., professor at the Stony Brook University, New York, USA

<https://linguistics.stonybrook.edu/people/bios/linguistics-faculty/john-bailyn.php>

Oleg I. Belyaev —

Ph.D., lecturer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Lisa Bylinina —

Ph.D., researcher at the Leiden University, the Netherlands

<http://bylinina.com/#recent>

Jacek Witkoś —

Ph.D., professor at the Poznań University, Poland

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Atle Grønn —

Ph.D., professor at the Oslo University, Norway

<https://folk.uio.no/atleg/>

Nerea Madariaga —

Ph.D., professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Maria Polinsky —

Ph.D., professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrey V. Sidel'tsev —

Ph.D., deputy director of the Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. В. Буденная</i> Похоже, разные: о развитии внешне схожей референциальной модели в русском, латышском и ижорском языках	11
<i>Ф. В. Голосов</i> Дистрибуция лёгких глаголов <i>keäš</i> 'уйти' и <i>koltaš</i> 'послать' в горномарийском языке	28
<i>А. Б. Летучий</i> Сентенциальные актанты имён в русском языке.....	46
<i>И. В. Неткачев</i> Позиция счетного комплекса в индонезийском языке.....	67
<i>А. Б. Панова</i> Две клаузы в одном слове: предварительная типология морфологически связанной комплементации	84
<i>П. С. Плешак</i> Маркирование именной множественности в какчикеле.....	100
<i>К. А. Студеникина</i> Синтаксис сочинения русских именных групп: эллипсис или малые конъюнкты?.....	115
<i>И. А. Хомченкова</i> Соединение именных групп в горномарийском языке.....	134
<i>А. В. Циммерлинг, Д. А. Дахин</i> Система клитик в языке древнескандинавских законов	153

CONTENTS

<i>Evgeniya Budennaya</i>	
Likely different: On the development of a similar referential pattern in Russian, Latvian and Ingrian.....	11
 <i>Theodore Golosov</i>	
Distribution of light verbs <i>keäš</i> ‘to go’ and <i>koltaš</i> ‘to send’ in Hill Mari	28
 <i>Alexander Letuchiy</i>	
Complement clauses of nouns in Russian.....	46
 <i>Ivan Netkachev</i>	
The syntactic position of numerative complex in Indonesian	67
 <i>Anastasia Panova</i>	
Two clauses in a single word: Preliminary typology of morphologically bound complemenation	84
 <i>Polina Pleshak</i>	
Nominal plural marking in Kaqchikel	100
 <i>Ksenia Studenikina</i>	
Syntax of Russian DP-coordination: Ellipsis approach vs. small conjunct hypothesis.....	115
 <i>Irina Khomchenkova</i>	
NP conjunction in Hill Mari	134
 <i>Anton Zimmerling, Dmitrij Dahin</i>	
The system of clitics in the language of Old Scandinavian law codes.....	153

**ПОХОЖЕ, РАЗНЫЕ:
О РАЗВИТИИ ВНЕШНЕ СХОЖЕЙ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
В РУССКОМ, ЛАТЫШСКОМ И ИЖОРСКОМ ЯЗЫКАХ***

Е. В. Буденная

Институт языкознания РАН

Данная статья посвящена сопоставительному диахроническому исследованию субъектной референции в русском, латышском и ижорском языках. В этих языках произошла типологически редкая перестройка субъектной референциальной модели — от аффиксального к местоименно-аффиксальному типу. Для каждого из языков анализируются внутри- и внешнеязыковые сценарии, способствовавшие изменению референциального маркирования. Итоговый анализ показывает, что в русском и (по всей вероятности) латышском языке экспансия местоимений была обусловлена внутренними факторами — утратой глагольных связок в перфекте и именных клаузах в русском, разрушением лично-числовой парадигмы сослагательного наклонения в латышском — тогда как для ижорского языка главным триггером оказывается внешний контакт с носителями русского.

Ключевые слова: субъектная референция, личное местоимение, глагольная связка, древнерусский язык, латышский язык, ижорский язык, диахронический анализ.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)».

**LIKELY DIFFERENT:
ON THE DEVELOPMENT OF A SIMILAR REFERENTIAL PATTERN
IN RUSSIAN, LATVIAN AND INGRIAN***

*Evgeniya Budennaya
Institute of Linguistic RAS*

This article deals with a comparative diachronic study of subject reference in Russian, Latvian and Ingrian. In these languages, a typologically rare restructuring of referential pattern took place — from an affixal to a pronoun-affixal type. For each language, internal and external scenarios of further referential type change are analyzed. The analysis shows that in Russian and (most likely) Latvian, the expansion of pronouns was due to internal factors — copular loss in perfect and noun clauses in Russian, loss of subjunctive inflectional paradigm in Latvian, whereas for Ingrian the main trigger is an external contact with native speakers of Russian.

Keywords: subject reference, personal pronoun, verb copula, Old Russian, Latvian, Ingrian, diachronic study.

* The study has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant # 17-06-00460.

1. Введение

В современном русском, латышском и ижорском (прибалтийско-финская ветвь, финно-угорская группа) языках представлена схожая стратегия маркирования редуцированной субъектной референции. В большинстве случаев (от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ вхождений для русского языка [Kibrik 1996; Grenoble 2001]; о схожей модели в латышском см. [Luís, Spencer 2012: 142]; об аналогичной системе в ижорском — см. данные полевых записей Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского (2011 г.)) во всех трех языках используется двойное маркирование с помощью личных местоимений и глагольных аффиксов:

(1) русский

Я считаю, что портал **мы** создали вместе. [НКРЯ]

(2) латышский

a. *par k-o t-u domā?*
 про что-ACC ты-NOM думать.PRS.2SG
 ‘О чем ты думаешь?’

b. *viņa vaicāj-a*
 она.NOM спросить.PRS-3
 ‘спросила она’ [Milions2.0m]

(3) ижорский¹

miä penži-n šā-n hīvā-n
 я.NOM пенсия-GEN.SG получать.PRS-1SG хороший-GEN.SG
 ‘Я хорошую пенсию получаю’

Тем не менее среди языков мира в целом данная местоименно-аффиксальная модель является очень редкой: в основном ведущим способом маркирования субъектной референции являются либо только глагольные аффиксы (61% языков, согласно данным типологического атласа [Dryer 2011]), либо личные местоимения (14% языков в выборке [ibid]). Модель же с двойным местоименно-аффиксальным маркированием присутствует, главным образом, в австронезийских, папуасских [Siewierska 2004: 268], чукотском языке [Luís, Spencer 2014: 142], с одной стороны,

¹ Все современные ижорские примеры приводятся по данным полевых записей Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус (2011 г.), если не указано обратное.

а также в восточнославянских, западно-германских, латышском [ibid] и некоторых прибалтийско-финских языках, с другой стороны. Ареальная близость последних языков и общая типологическая редкость их субъектной референциальной стратегии позволяет предположить ее общее происхождение [Kibrik 2013: 243].

На данный момент известно, что для русского и, по всей вероятности, латышского и ижорского языков современная местоименно-аффиксальная стратегия не является исконной. Так, в древнерусском языке, по сравнению с современным русским, субъектная референция маркировалась преимущественно глагольными аффиксами, а не сочетанием местоимения и аффикса: *чему не восолешши* (берестяная грамота № 644, XII в.) VS *почему ты не присылаешь* (современный перевод [Зализняк 2004: 267]). Во всех письменно засвидетельствованных древних индоевропейских языках личные местоимения также в немаркированном контексте опускаются, а референт кодируется глагольными аффиксами — что позволяет реконструировать данную модель и для праиндоевропейского языка [Walkden 2014: 230]. Местоименно-аффиксальная модель в современном латышском языке, с учетом этих данных, также представляется результатом диахронической эволюции. Для финно-угорских языков, к которым относится исследуемый в работе ижорский, древних памятников не сохранилось (самые древние тексты на языках этой группы в массе своей относятся лишь к XVI-XVII вв., за редким исключением в виде единичных венгерских памятников XIII в.), однако тот факт, что в подавляющем большинстве современных финно-угорских и самодийских языков представлена аффиксальная модель маркирования референции (см. обзор [Kibrik 2013: 245]), можно считать высоковероятным наличие этой модели и в языке-предке — что, в свою очередь, позволяет считать современную местоименно-аффиксальную модель в ижорском языке результатом позднейшей эволюции.

Исходя из этого, в нашей работе была поставлена задача максимально проследить истоки диахронической референциальной перестройки в русском, латышском и ижорском языках, с целью ответа на вопрос: является ли современная местоименно-аффиксальная модель в трех исследуемых языках результатом некоторого единого процесса или же речь идет об изначально разных явлениях. В качестве возможных причин эволюции допускались внутренние (прежде всего, теория [Müller 2005], называющая причиной экспансии местоимений системную утрату личной глагольной флексии хотя бы в некоторых лицах) и внешние факторы.

Для установления искомого триггера эволюции был осуществлен диахронический статистический анализ (древне)русских, латышских и ижорских текстов. В последующих разделах статьи будут подробно проиллюстрированы результаты исследования для каждого из языков, соответственно.

2. Русский язык

Среди всех клауз русского языка, затронутых экспансией местоимений, можно выделить три основных типа — именные (*князь есмь / я князь*), глагольные презентные (*даю / я даю*) и глагольные перфектные², ставшие впоследствии клаузами нового прошедшего времени на -л (*дал есмь / я дал / ø дал*). В именных презентных и глагольных перфектных (претеритных) клаузах личные местоимения заняли место утратившейся глагольной связки, ранее выполнявшей референциальную функцию, тогда как в презентных клаузах местоимения стали дополнительным членом, дублирующим референциальную функцию глагольных аффиксов. В целом же восточнославянскую референциальную эволюцию можно представить в следующей таблице:

Таблица 1. Раннедревнерусская и современная русская стратегия маркирования субъектной референции (на примере 1-го и 3-го лица единственного числа)

	лицо	древнерусский (XII в.)	современный русский
именные клаузы	1SG	виновать ³ есмь	я виноват
	3SG	виновать есть	он виноват
глагольные презентные клаузы	1SG	даю	я даю
	3SG	даеть	он дает
глагольные претеритные клаузы	1SG	даль есмь	я дал
	3SG	даль есть	он дал

Самым ранним засвидетельствованным процессом, имеющим отношение к перестройке русской референциальной модели, является утрата глагольной связки в 3-м лице перфекта [Борковский, Кузнецов 2006: 323; Зализняк 2008: 256]. Уже в самых ранних памятниках (XI–XII вв.) в 3-м лице, как правило, отсутствует связка *есть* и представлена только л-форма:

² Во избежание путаницы (в частности, в современном русском языке перфект утрачен) в качестве общего понятия для древнерусских перфектных клауз и современных русских клауз с глаголом в прошедшем времени в работе будет использован термин **претеритные** клаузы.

³ Здесь и далее древнерусские примеры даются в современной орфографии.

- (4) мене **игоумене не поустиле** ([БГ-605], нач. XII в.)
'меня игумен не пустил'
- (5) ать ти **възьль** оу Иванькова съмърьда 3 гривнъ ([БГ-907], нач. XII в.)
'ан ведь он взял у Иванкова смерда три гривны'

С учётом этого факта ряд исследователей [Jakobson 1971/1935: 21; Lindseth 1998: 65; Kibrik 2004, 2013] высказывают общую гипотезу о том, что именно утрата глагольных связок стала триггером всей дальнейшей экспансии местоимений в древнерусском языке. Согласно этой теории, падение глагольных связок в 3-м лице перфекта повлекло за собой аналогичную утрату связок в остальных лицах, что привело к внешней референциальной неразличимости бывших причастных *л*-форм, маркировавшихся только по числу и роду. В силу этого экспансия местоимений естественным образом должна была начаться в новом прошедшем времени и впоследствии по аналогии, по-видимому, распространилась и на все остальные клаузы.

Тем не менее при более детальном анализе данная теория сталкивается с рядом трудностей. Так, нулевой показатель 3-го лица, отличный от эксплицитно выраженных показателей 1-го и 2-го лиц, чрезвычайно распространён в языках мира [Stassen 1997: 111] и, отдельно взятый, не вызывает никакой референциальной неоднозначности: «A zero copula signals 3rd person» [Lindseth 1998: 67]. В силу этого подобная модель с нулевым маркером 3-го лица и выраженными маркерами 1-го и 2-го лица в том или ином виде присутствует в большинстве славянских языков, сохранивших архаичную аффиксальную модель. В частности, в чешском и польском претерите она доминирует начиная с XIV–XV вв. [Andersen 1987: 28; Скорвид 2005: 236], однако никакой аналогичной утраты аффиксальных показателей 1-го и 2-го лица и дальнейшей экспансии местоимений в этих языках не произошло.

Кроме того, вызывает вопросы временная лакуна между утратой перфектной глагольной связки 3-го лица и связок 1-го и 2-го лица. Все исследователи экспансии местоимений в истории русского языка, отмечают, что существенное падение связок 1-го и 2-го лица в перфекте приходится лишь на XVI в. [Зализняк 2008: 247; Meyer 2011: 130], что приблизительно на 400 лет позже аналогичного процесса для 3-го лица. В этой связи гипотеза о нулевом показателе 3-го лица как изначальном триггере всей дальнейшей экспансии местоимений оказывается уязвимой.

При этом примечательным выглядит то, что, по наблюдению А. А. Зализняка, в клаузах с именным сказуемым-существительным, где глагольная связка 3-го лица в ходе времени также была утрачена, местоимения распространились существенно раньше перфектных клауз [Зализняк 2008: 247]:

(6) ты мой брат ([БГ-749], XIV в.)

Несмотря на это наблюдение, именные клаузы в силу существенно меньшего количества практически никогда детально не исследовались с точки зрения субъектной референции. Однако в данной работе было принято включить их в анализируемый корпус данных. К итоговому корпусному анализу были привлечены бытовые, деловые и книжные тексты XII–XX вв. (всего в общей сложности 252 памятника, ок. 3000 релевантных клауз⁴). При этом в процессе отбора данных были отфильтрованы те клаузы, где местоимение было фактически обязательным и опущено быть не могло, а также клаузы с неоднозначной семантикой бытийного глагола (подробнее о критериях фильтрации клауз см. [Буденная 2018: 63–69]).

Анализ выявил следующую картину (наиболее показательные данные были выявлены на материале не книжных текстов): глагольная связка 3-го лица в именных клаузах была утрачена значимо позже (χ -квадрат, p -value < 0.05), чем в перфектных клаузах. Так, если в 3-м лице перфекта глагольная связка отсутствует уже в древнейших текстах XII в., то аналогичная связка в именных клаузах сохраняется до XIV в. Лишь после этого начинается ее массовая утрата — и одновременно распространяются соответствующие местоимения 3-го лица (рис. 1). Местоимения же 1-го и 2-го лиц распространяются в XVI в., одновременно с падением соответствующих связок.

Тем самым, анализ показал, что непосредственной причиной экспансии местоимений в восточнославянских языках действительно послужила утрата глагольной связки 3-го лица — но не в отдельно взятом перфекте, а в системном сочетании с именными клаузами. Данная особенность ярко отличает восточнославянские языки от чешского и польского, где выраженный показатель 3-го лица в перфекте также был утрачен, однако на именные клаузы это явление не распространилось:

⁴ Полный список проанализированных произведений соответствует данным, приведенным в [Буденная 2018], за исключением Киевской летописи по Ипатьевскому списку. О причинах исключения этого памятника из общей выборки см. [Буденная 2017].

(7) a. чешский

Franz je ztělesněním Evropy: jeho matka pocházela z Vídně, jeho otec byl Francouz, **on sám je Švýcar**.

b. русский

Франц — олицетворение Европы: его мать родилась в Вене, отец был француз, сам же **он — швейцарец**. [М. Кундера, «Невыносимая легкость бытия», перевод Н. Шульгиной]

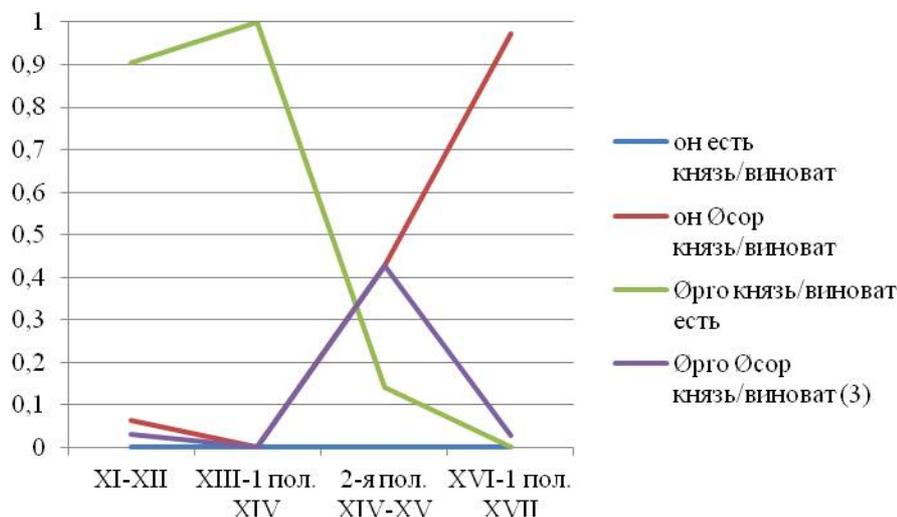

Рисунок 1. Эволюция субъектной референции в именных клаузах с субъектом 3-го лица в не книжных текстах

Таким образом, экспансия местоимений в истории русского языка оказывается результатом внутреннего сценария, связанного с «двойной» системной утратой связок 3-го лица (перфект + именные клаузы).

3. Латышский язык

В отличие от русского языка, где экспансия местоимений достаточно давно обсуждается в научном дискурсе, для латышского языка никаких аналогичных диахронических исследований данного вопроса не проводилось. Во многом это объясняется тем, что самые ранние памятники латышского языка (XVI–XVII вв.) были написаны немецкими священниками, которые зачастую слабо владели языком и во многом калькировали немецкий синтаксис [Сталтмане 2001: 157].

Тем не менее с течением времени категоричность, с которой эти памятники однозначно отвергались в качестве потенциального объекта исследования, существенно сгладилась: было установлено, что даже за несовершенными в языковом плане произведениями XVI–XVIII вв. всё равно можно видеть оригинальные черты, не имеющие аналогов в немецких первоисточниках (см., в частности, обзор [Andronova 2007]). Было выяснено, что степень искажений в латышских памятниках также не является одинаковой: в наибольшей мере немецкие кальки характерны для первой переводной религиозной литературы XVI в., однако для более поздней оригинальной литературы на латышском языке — первых грамматик, словарей, разговорников — процент немецких калек значительно ниже. Исходя из этого, в данной работе было принято итоговое решение привлечь к анализу те старолатышские тексты, для которых можно было предполагать потенциально большее, чем для остальных памятников, количество оригинальных черт.

В конечном итоге в выборку вошли следующие произведения из корпуса старолатышских текстов SENIE⁵:

1. Георг Манцель⁶ “Phraseologia Lettica” (далее Manc1638_PhL), — первый немецко-латышский разговорник, 1638 г.

2. Георг Манцель “10 sarunas” (далее Manc1638_Run), — сборник 10 кратких диалогов.

3. Франц Йохан Цекел “Kartupeļu dārzs” (‘Картофельный сад’, далее KD_1790; перевод с немецкого Фридриха Даниэля Вара) — практические советы крестьянам по выращиванию картофеля. Одно из первых светских произведений, отличающееся «народным», разговорным языком.

Итоговый анализ отразил, что в XVII в. в латышском языке уже преобладала местоименная референциальная модель, аналогичная той, что представлена в современных латышских текстах (в качестве современных данных были взяты отдельные произведения латышской детской литературы XX в. из параллельного русско-латышского корпуса на платформе НКРЯ (далее — Para-LV)):

⁵ <http://www.korpuss.lv/id/Senie>, ок. 1 млн словоупотреблений.

⁶ Г. Манцель (1593–1654) — основоположник системы латышской орфографии, использовавшейся до конца XIX в., автор первого немецко-латышского словаря и множества духовных произведений. В предисловии к «Долгожданному сборнику латышских проповедей» он прямо советует немецким священникам лучше освоить латышский язык, чтобы прихожане понимали обращенную к ним речь.

Таблица 2. Сопоставление некоторых современных и старолатышских произведений на предмет референциальной стратегии: статистически доказано⁷ отсутствие значимых изменений в презенсе и претерите 1-го и 2-го лица (выделены серым)

тип модели произведение	1-2 PRS/PT + pronoun	1-2 PRS/PT -pronoun	3 PRS/PT + pronoun	3 PRS/PT -pronoun
Manc1638_Run	60 (75%)	20 (25%)	5	2
KD_1790	23 (60%)	15(40%)	N/A	N/A
Regīna Ezera, <i>Zemdegas</i> (‘Невидимый огонь’), 1977	62 (70%)	27 (30%)	179	9
Andris Puriņš, <i>Nevaicājiet man neko</i> (‘Не спрашивайте меня ни о чем’), 1977	64 (74%)	22 (26%)	121	15

В силу этих данных эмпирически установить изначальный триггер экспансии местоимений в латышском языке оказывается невозможным, и поэтому дальнейшая работа происходила на основе анализа косвенных данных и общей теории.

Не позволяя однозначно установить изначальный триггер экспансии местоимений, данные латышского языка тем не менее четко отражают, что в этом случае нельзя говорить о каком-либо падении глагольной связки по типу древнерусского языка: в современных латышских текстах глагольная связка в подавляющем большинстве случаев сохранена и в перфекте, и в именных клаузах (61% для 1-го и 2-го лица, 78% для 3-го лица в именных клаузах, χ -квадрат, p -value < 0.01):

(8) *Jū-s esat rakstniek-s?*
вы-NOM AUX.PRS.2PL писатель-NOM.SG.
‘Вы писатель?’ [Para-LV]

(9) *varbūt viņi pat ir laimīg-i*
возможно они.NOM даже AUX.PRS.3 счастливый-NOM.MPL
‘Возможно, они даже счастливы’ [Para-LV]

По сути, немаркированная латышская модель аналогична немецкой, с той разницей, что в латышском языке в ряде случаев местоимение все же может опускаться. Однако имеющиеся социолингвистические данные не позволяют сделать вывод о немецком происхождении латышской местоименной стратегии: несмотря на вековое германское господство (с XIII в. Ливония

⁷ Критерий χ -квадрат, p -value > 0,95.

была захвачена рыцарями Ордена) и совместное сосуществование с немцами, латыши в массе своей не знали нижненемецкого и потенциально возможный билингвизм был крайне ограниченным и редким явлением [Balode, Holvoet 2001: 10]. Во многом это было обусловлено сильнейшим социальным неравенством (привилегированная немецкая «верхушка» VS коренные жители-крестьяне). Данная станция прекрасно осознавалась и самими немцами, и латышами: первые всегда стремились держаться максимально обособленно от коренных народов и никогда не теряли связи с родиной; те же редкие латыши, которые решались на «германизацию», впоследствии стремились максимально дистанцироваться от своих бывших соплеменников. В этой связи неслучайно, что те редкие заимствования из нижненемецкого языка, которые проникли в латышский, относятся в основном к культурной лексике (реалии церковной жизни, некоторые предметы одежды и домашнего обихода [Schwers 1936]), а не к базовой лексике и морфологии.

В этой связи поиск триггера экспансии местоимений в латышском языке был вновь перенесен во внутриязыковую область. При этом в расчет были приняты некоторые разработанные в науке положения, связанные с корреляцией между развитой / неразвитой глагольной флексией и наличием / отсутствием субъектного местоимения. Данная связь, наиболее полно описанная в формальном подходе [Rizzi 1986], была уточнена Г. Мюллером [Müller 2005], который показал, что материал многих языков мира (в т. ч. германских и восточнославянских) позволяет говорить о том, что для распространения местоименной стратегии достаточно системного упрощения хотя бы одной пары личных глагольных аффиксов (т. н. «обеднение глагола»), которое делает невозможной однозначную идентификацию нулевого подлежащего. С этой точки зрения системная утрата глагольных связок в истории русского языка (см. раздел 2) является частным случаем такого «обеднения». В этой связи при исследовании латышских данных встал вопрос о том, было ли в истории латышского языка нечто схожее.

Итоговый анализ дал положительный ответ: системная утрата аффиксов в латышском языке действительно имела место, однако не в перфекте / именных клаузах, а в сослагательном наклонении. В современном латышском языке данная парадигма имеет единую синтетическую форму для всех лиц — суффикс *-tu*, однако в старолатышской грамматике [Adolphi 1685] можно еще видеть остатки личных окончаний в 1PL и 2PL. Сопоставительный анализ латышского с литовским языком, не испытавшим аналогичной экспансии местоимений, показывает, что, в отличие от латышского, личные

окончания сослагательного наклонения в литовском языке сохранены полностью — и это единственное системное отличие литовской и латышской глагольной парадигмы (во всех остальных случаях в обоих языках имеется системная дифференцированная флексия):

Таблица 3. Спряжение старолатышского глагола *redzēt* ‘видеть’ в сослагательном наклонении [Adolphi 1685: 81] в сопоставлении с современным латышским и литовским

	литовский	старолатышский (XVII в.)	современный латышский
1SG	<i>es regēčiau</i>	<i>es redzētu</i>	<i>es redzētu</i>
2SG	<i>tu regētu-m</i>	<i>tu redzētu</i>	<i>tu redzētu</i>
3SG	<i>jis/ji regētu</i>	<i>viņš/viņa redzētu</i>	<i>viņš/viņa redzētu</i>
1PL	<i>mes regētu-me</i>	<i>mes redzētu-m</i>	<i>mes redzētu</i>
2PL	<i>jūs regētu-te</i>	<i>jūs redzētu-t</i>	<i>jūs redzētu</i>
3PL	<i>jie/jos regētu</i>	<i>viņi/viņas redzētu</i>	<i>viņi/viņas redzētu</i>

Хронологические рамки разрушения парадигмы сослагательного наклонения в латышском языке и экспансии местоимений, по имеющимся данным, совпадают (и тот и другой процесс датируется ранее XVII в.). В совокупности с общими типологическими данными других языков, а также с учетом того, что подобное упрощение парадигмы является единственным «радикальным» изменением, отличающим латышскую систему от соседнего литовского языка, для латышского можно считать правдоподобной гипотезу о первоначальном триггере к экспансии местоимений в «обеднении» условного наклонения.

4. Ижорский язык

Первые памятники ижорского языка относятся только ко 2-й половине XIX в., что не позволяет провести непосредственный сопоставительный анализ с самыми ранними данными ни древнерусского, ни латышского языков. Тем не менее было принято решение изучить ижорские данные отдельно. В качестве самого раннего ижорского памятника была привлечена сказка «Золотая птица» из грамматики [Porkka 1885]⁸, в качестве современного — две полевые записи, сделанные Ф. Б. Рожанским и Е. Б. Маркус в 2011 г. Общий объем проанализированных клауз составил 271 единицу. В силу единичных вхождений именных клауз к анализу в данном корпусе привлекались только глагольные презентные и претеритные клаузы, с разделением на 1-е / 2-е VS 3-е лицо.

⁸ Перевод и глоссирование сказки было осуществлено в [Маркус, Рожанский 2012].

Полученные результаты отразили следующую картину: в XIX в. в ижорских претеритных клаузах с субъектом 3-го лица констатируется преимущественно аффиксальная стратегия маркирования референции, тогда как в современном языке здесь уже доминирует местоименная стратегия (13, значимое⁹ изменение в субъектной референции 3-го лица выделено серым). Ситуация же в 1-м и 2-м лице остается без изменений — и в XIX, и в XX вв. в этих формах немаркированной является местоименная модель. Тем самым, в истории ижорского языков констатируется значимая экспансия местоимений в 3-м лице.

Таблица 4. Ижорский язык, распределение местоименных и безместоименных моделей 1-го / 2-го VS 3-го лица в текстах XIX и XXI вв.

	1885 г., количество вхождений	%	2011 г., количество вхождений	%
1-2 PRS + pronoun	18	62%	46	46%
1-2 PRS –pronoun	11	38%	54	54%
3 PRS + pronoun	0	N/A	31	97%
3 PRS –pronoun	2	N/A	1	3%
1-2 PST + pronoun	8	50%	19	70%
1-2 PST –pronoun	8	50%	8	30%
3 PST + pronoun	9	20%	15	75%
3 PST –pronoun	36	80%	5	25%
всего	92		179	

Тем не менее ижорские данные отражают отсутствие какой-либо системной утраты глагольной флексии: финитный глагол как XIX, так и XX в. сохраняет идентичную дифференцированную парадигму личных окончаний:

Таблица 5. Ижорский язык, система личных форм финитного глагола [Лаанест 1993: 60]

1SG	- <i>n</i>
2SG	- <i>t</i>
3SG	- <i>V</i> ¹⁰ , <i>pi</i>
1PL	-(<i>m</i>) <i>man</i> / -(<i>m</i>) <i>män</i>
2PL	- <i>tta</i> / - <i>ttä</i>
3PL	- <i>Vt</i> , <i>vat</i> / - <i>vät</i>

⁹ Критерий χ -квадрат, p -value < 0.01.

¹⁰ Конечный гласный основы.

С учетом этих данных поиск триггера для экспансии местоимений в ижорском языке был перенесен в социолингвистическую сферу. Анализ имеющихся фактов показал, что в этом отношении ижорский язык коренным образом отличается от русского и латышского. В частности, XX век, на который приходится экспансия местоимений 3-го лица, совпадает с массовым переходом ижорцев на русский: начиная с 30-х гг. XX века происходит интенсивная русификация Ингерманландии; последующая Великая Отечественная Война и осуществленное по инициативе «сверху» переселение ингерманландских народов в Финляндию приводят к массовому сокращению ижорского населения. В силу этого в бывших моноэтнических ижорских деревнях стали селиться русские жители, возросло количество межнациональных браков, и на протяжении всей своей дальнейшей истории ижорский язык активно вытеснялся более престижным русским языком.

С точки зрения типа контакта, происходившего между русскими и ижорцами, можно с достаточной уверенностью утверждать, что в этой случае не было никакого социального расслоения, характерного для ситуации латышско-нижненемецкого сценария. Контакты сельского прибалтийско-финского и русского населения, массово возросшие в период XX в., обладали высокой социальной стабильностью; для обеих групп населения были характерны общие культурные и бытовые знания. Эти параметры языковых изменений, согласно [Trudgill 2011], в совокупности свидетельствуют о тенденции языкового изменения в сторону увеличения сложности. В этой связи появление дополнительных субъектных местоимений, в дополнение к имеющейся аффиксальной стратегии в истории ижорского и водского языков может служить примером «усложнения» языка, вызванного подобным типом контакта. Тем самым эволюция малых прибалтийско-финских языков, в отличие от латышского и русского, наиболее правдоподобно объясняется с позиций внешнего контакта, а не внутриязыковых процессов, имевших место в истории двух других рассмотренных ранее языков.

Условные обозначения и сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; GEN — генитив; M — мужской род; N — средний род; NOM — номинатив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PT — претерит; SG — единственное число.

Источники

- БГ — корпус берестяных грамот XI-XV вв. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/>
НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>
KD_1790 — Ф. Д. Вар “Kartupeļu dārzs”
Manc1638_PhL — Г. Манцель “Phraseologia Lettica”
Manc1638_Run — Г. Манцель “10 sarunas”
Milions2.0m — морфологически размеченный сбалансированный корпус латышского языка. URL: <http://www.korpuss.lv/>
Para-LV — параллельный русско-латышский корпус на платформе Национального корпуса русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/saas/search-para-lv.html>

Литература

- Борковский, Кузнецов 2006 — Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006/1963. [Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian]. Moscow: KomKniga, 2006/1963.]
- Буденная 2017 — Буденная Е.В. Древнерусские именные клаузы в процессе экспансии местоимений: исключение, подтверждающее правило? // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. Вып. 4. М., 2017. С. 199–208. [Budennaya E.V. Drevnerusskie imennye klauzy v protsesse ekspansii mestoimenii: isklyuchenie, podtverzhdayushchee pravilo? [Old Russian nominal clauses in the process of the pronouns expansion: An exception that confirms the rule?]. Vestnik MGU. Ser. 9: Filologiya. Iss. 4. Moscow, 2017. P. 199–208.]
- Буденная 2018 — Буденная Е.В. Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: МГУ, 2018. [Budennaya E.V. Evolyutsiya sub"ektnoi referentsii v yazykakh baltiiskogo areala [Evolution of subject reference in the languages of Baltic area]. Ph.D. thesis. Moscow: MGU, 2018.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: ЯСК, 2004. [Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskii dialekt [Old Novgorod dialect]. Moscow: YaSK, 2004.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008. [Zaliznyak A.A. Drevnerusskie enklitiki [Old Russian enclitics]. Moscow: YaSK, 2008.]
- Лаанест 1993 — Лаанест А. Ижорский язык // Елисеев Ю.С. и др. (ред.). Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 55–63. [Laanest A. Izhorskii yazyk [Ingrian]. Eliseev Yu.S. et al. (eds.). Yazyki mira. Ural'skie yazyki. M.: Nauka, 1993. S. 55–63.]
- Маркус, Рожанский 2012 — Маркус Е.Б., Рожанский Ф.И. «Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. VIII. Ч. 1. СПб.: Наука, 2012. [Markus E.B., Rozhanskii F.I. «Zolotaya ptitsa» (publikatsiya izhorskoj skazki, zapisannoi v XIX veke) [“A golden bird” (Ingrian fairy tale, documented in 19th century)]. Acta Linguistica Petropolitana. Vol. VIII. Iss. 1. Saint Petersburg: Nauka, 2012.]
- Скорвид 2005 — Скорвид С.С. Чешский язык // Молдован А.М. и др. (ред.). Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 234–273. [Skorvid S.S. Cheshskii yazyk [Czech]. Moldovan A.M. et al. (eds.). Yazyki mira: Slavyanskije yazyki. Moscow: Academia, 2005. P. 234–273.]
- Сталтмане 2001 — Сталтмане В.Э. Латышский язык // Топоров В.Н. и др. (ред.). Языки мира: Балтийские языки. М.: Academia, 2001. С. 155–192. [Staltmane V.E. Latyshskii yazyk [Latvian]. Toporov V.N. et al. (eds.). Yazyki mira: Baltiiskije yazyki. Moscow: Academia, 2001. P. 155–192.]

- Adolphi 1686 — Adolphi H. Erster Versuch einer kurtz-verfasseten Anleitung zur lettischen Sprache. Mitau: Radetzky, 1685.
- Andersen 1987 — Andersen H. From auxiliary to desinence. Harris M., Ramat P. (eds.). Historical development of auxiliaries. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987. P. 21–51.
- Andronova 2007 — Andronova E. The corpus of Early Written Latvian: current state and future tasks. Proceedings of corpus linguistics. Birmingham, 2007. URL: [http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/245 Paper.pdf](http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/CL2007/paper/245%20Paper.pdf).
- Balode, Holvoet 2001 — Balode L., Holvoet A. The Latvian language and its dialects. Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Circum-Baltic Languages. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 3–40.
- Dryer 2011 — Dryer M.S. Expression of Pronominal Subjects Dryer M., Haspelmath M. (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. URL: <https://wals.info/feature/101A#2/18.0/148.2> (accessed on 2018-11-05).
- Grenoble 2001 — Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. Glossos 1. URL: https://slaviccenters.duke.edu/sites/slaviccenters.duke.edu/files/media_items_files/grenoble.original.pdf (accessed on 2018-15-05).
- Jakobson 1971 — Jakobson R. Les enclitiques slaves. Selected writings. Vol. II. The Hague: Mouton, 1971. P. 16–22. (Original publication: Atti del Congresso di linguistica tenuto in Roma il 19-26 Settembre 1933. Firenze, 1935).
- Kibrik 1996 — Kibrik A.A. Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account. Fox B.A. (ed.). Studies in anaphora. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 266–303.
- Kibrik 2004 — Kibrik A.A. Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: A chicken/egg dilemma? Branco A., Mitkov R., McEnery T. (eds.). Proceedings of the 5th Discourse anaphora and anaphor resolution colloquium (DAARC). Lisbon: Edicoes Colibri, 2004. P. 87–90.
- Kibrik 2013 — Kibrik A.A. Peculiarities and origins of the Russian referential system. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.
- Lindseth 1998 — Lindseth M. Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian. München: Sagner, 1998.
- Luís, Spencer 2012 — Luís A., Spencer A. Clitics: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Meyer 2011 — Meyer R. The history of null subjects in North Slavonic (a corpus-based diachronic investigation). Habilitation Thesis. Regensburg: University of Regensburg, 2011.
- Müller 2005 — Müller G. Pro-drop and impoverishment. Brandt P., Fuss E. (eds.) Form, structure and grammar. A Festschrift presented to Günther Grewendorf on the occasion of his 60th birthday. Tübingen: Narr. P. 93–115.
- Porkka 1885 — Porkka V. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der ubrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885.
- Rizzi 1986 — Rizzi L. Null objects in Italian and the theory of pro. Linguistic Inquiry 17. 1986. P. 501–557.
- Sehwers 1936 — Sehwers J. Sprachlich-kulturhistorische Untersuchungen vornehmlich über den deutschen Einfluß im Lettischen. Leipzig: Kommissionsverlag, O. Harrassowitz, 1936.
- Siewierska 2004 — Siewierska A. Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Stassen 1997 — Stassen L. Typology versus mythology: the case of the zero-copula. Nordic Journal of Linguistics. 1997. Vol. 17. No. 2. P. 105–126.
- Trudgill 2011 — Trudgill P. Sociolinguistic typology: Social determinants of linguistic complexity. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Walkden 2014 — Walkden G. Syntactic reconstruction and Proto-Germanic. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Евгения Владимировна Буденная

кандидат филологических наук; младший научный сотрудник, Институт
языкознания РАН

Evgeniya V. Budennaya

Ph.D.; junior researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sci-
ences

jane.sdrv@gmail.com

ДИСТРИБУЦИЯ ЛЁГКИХ ГЛАГОЛОВ KEÄŠ ‘УЙТИ’ И KOLTAŠ ‘ПОСЛАТЬ’ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ф. В. Голосов

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Эта статья посвящена проблеме дистрибуции лёгких глаголов *keäš* ‘уйти’ и *koltaš* ‘послать’. В статье подробно доказывается, что выбор лёгкого глагола определяется синтаксическим статусом субъекта лексического глагола.

Ключевые слова: лёгкие глаголы, теория неаккузативности.

DISTRIBUTION OF LIGHT VERBS KEÄŠ ‘TO GO’ AND KOLTAŠ ‘TO SEND’ IN HILL MARI

Theodore Golosov

National Research University Higher School of Economics

This article is dedicated to the problem of the distribution of light verbs *keäš* ‘to go’ and *koltaš* ‘to send’. It is argued that light verb selection is defined by the syntactical status of the subject of the lexical verb.

Keywords: light verbs, unaccusativity theory.

1. Введение

Наша статья посвящена распределению лёгких глаголов *keäš* ‘уйти’ и *koltaš* ‘послать’ в горномарийском языке. Лёгкими глаголами мы называем вершины сложных глагольных конструкций, которые управляют лексическим глаголом в форме деепричастия и некоторым образом модифицируют его грамматическую и/или семантическую структуру (подробнее о таких конструкциях в горномарийском см. [Bradley 2016]). Так, в примере (1) глагол *keäš* ‘уйти’ используется в качестве полнозначного лексического глагола, а в примере (2b) — в качестве лёгкого глагола (в данном случае он модифицирует структуру события глагола *amalaš* ‘спать’, превращая его в сложный предикат *amalân keäš* ‘уснуть’):

- (1) *pi opt-alal-ân ke-š-∅*
 собака лаять-АТТ-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Собака ушла, полаяв.’

- (2) a. *tädä amal-ân-∅*
 тот спать-PRF-3SG
 ‘Он спал / *уснул.’

- b. *tädä amal-ân ke-š-∅*
 тот спать-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Он уснул / *спал.’

Как было показано в [Голосов, в печати], лёгкие глаголы *keäš* ‘уйти’ и *koltaš* ‘послать’ грамматикализовались в телисизаторы, то есть они вводят или специфицируют предельную интерпретацию в структуре события лексического глагола. Поскольку подробное доказательство телисизирующей функции рассматриваемых лёгких глаголов приведено в [ibid], приведём лишь по паре примеров для демонстрации телисизирующей функции:

- (3) a. *pört väs minut / *minut-âštâ jâl-en-∅*
 дом 5 минута минута-IN гореть-PRF-3SG
 ‘Дом горел 5 минут / *сгорел за 5 минут.’

- b. *pört väs *minut / minut-âštâ jâl-en ke-š-∅*
 дом 5 минута минута-IN гореть-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Дом сгорел за 5 минут / *горел 5 минут.’

(4) a. *tädä lemä-m lu minut / *minut-äštä kačk-än-Ø*
 тот суп-ACC 10 минута минута-IN есть-PRF-3SG
 ‘Он ел суп 10 минут / *съел суп за 10 минут.’

b. *tädä lemä-m lu *minut / minut-äštä kačk-än kolt-äš-Ø*
 тот суп-ACC 10 минута минута-IN есть-CVB послать-AOR-3SG
 ‘Он съел суп за 10 минут / *ел суп 10 минут.’

Так, глаголы *jälaš* ‘гореть’ и *kačkaš* ‘есть’ не могут описать ситуацию достижения предела — для этого каждому из них нужен лёгкий глагол. При этом с точки зрения грамматической семантики никакой разницы между *keäš* и *koltaš* обнаружено не было: оба лёгких глагола являются простыми телесизаторами и не вводят никаких обязательных оттенков значения. Однако интересно, что в большинстве случаев употребления *keäš* и *koltaš* находятся в отношении дополнительной дистрибуции, то есть с каждым конкретным лексическим глаголом сочетается либо один, либо другой глагол, но почти никогда — оба сразу.

В статье [Голосов, в печати] предлагается семантическая теория, которая способна объяснить распределение лёгких глаголов лишь до определённой степени. В той же самой статье приводятся контексты, в которых семантическое распределение работает неточно. Цель настоящей статьи — предложить теорию, объясняющую дистрибуцию лёгких глаголов *keäš* и *koltaš* с большей предсказательной силой.

На горномарийском языке говорят около двадцати трёх тысяч человек, в основном проживающих в Горномарийском районе республики Марий Эл, на её юго-западе, на границе с Нижегородской областью и Чувашией. Вместе с близкородственным луговомарийским (преобладающим в остальных тринадцати районах Марий Эл) он входит в марийскую группу финно-угорской семьи языков.

Данные, на которых основана эта статья, были собраны в ходе совместных экспедиций 2017-2018 гг. отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М. В. Ломоносова и школы лингвистики НИУ ВШЭ в село Микряково Горномарийского района республики Марий Эл. Мы выражаем огромную благодарность информантам, согласившимся с нами работать.

Статья будет построена следующим образом. В разделе 2 мы разберём предложенную в [Голосов, в печати] семантическую теорию распределения лёгких глаголов и укажем на её недостатки. В разделе 3 мы введём базовые понятия и инструментарий Теории неаккузативности, чтобы в разделе 4

использовать её достижения для более точного объяснения распределения лёгких глаголов *koltaš* и *keäš*. Раздел 5 будет посвящён основным выводам настоящей статьи.

2. Семантическая теория распределения¹

Согласно [Голосов, в печати], дистрибуция глагола *keäš* ограничена моновалентными предикатами с семантической ролью пациенса, а с остальными глаголами (в частности, с переходными) сочетается глагол *koltaš*:

(5) *pört vəc minut-äštä oxär-än ke-š-Ø / *kolt-äš-Ø*
 дом 5 минут-IN пустеть-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Дом опустел за 5 минут.’

(6) *tädä vedrä-m čäm-al-Ø *ke-š-Ø / kolt-äš-Ø*
 тот ведро-ACC пинать-ATT-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Он пнул ведро.’

В частности, именно *koltaš*, а не *keäš*, сочетается с глаголами перемещения объекта в пространстве как акциональный модификатор:

(7) *vas'a kâdal-Ø kolt-äš-Ø*
 Вася уезжать-CVB послать-AOR-3SG
 ‘Вася уехал.’

Глагол *keäš* тоже может сочетаться с глаголами перемещения объекта, но не в качестве лёгкого глагола, а как маркер директива со значением «отдаление от дейктического центра», выделяемым в [Bradley 2016]:

(8) *anžâ, mašinä mändär-kä kâdal-Ø ke-ä*
 смотреть.IMP.SG машина далеко-ILL уезжать-CVB уйти-NPST.3SG
 ‘Смотри, машина уезжает вдаль.’

Заметим, что глагол *keäš* в директивной функции отличается от телисизатора *keäš* набором акциональных интерпретаций. Как показывает пример (8), сложный глагол *kâdal keäš* имеет длительную интерпретацию, которая проявляется в том, что форма непрошедшего времени может отсылать к ситуации в настоящем. Сложные глаголы с телисизирующим *keäš* такой интерпретации лишены:

¹ Данный раздел представляет из себя несколько переработанный отрывок из статьи [Голосов, в печати].

- (9) *tädä amal-ân ke-ä*
 тот спать-CVB уйти-NPST.3SG
 1. ‘Он уснёт.’
 2. #‘Он засыпает.’
 3. #‘Он спит.’

Моновалентные экспериенциальные предикаты сочетаются с *koltaš*, а не с *keäš*:

- (10) *tädä sâlâk-lan-en kolt-âš-∅ / *ke-š-∅*
 тот грусть-VBZ-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘Он загрустил.’

Чувствительность телисизаторов *keäš* и *koltaš* к набору семантических ролей актанта можно продемонстрировать на примере глагола *kâlmaš* ‘мёрзнуть’. В своём экспериенциальном значении ‘испытывать дискомфорт от чрезмерно низкой температуры’ он сочетается только с глаголом *koltaš*, а в пассивном значении ‘обледенеть, физически измениться под воздействием низкой температуры’ — только с глаголом *keäš*:

- (11) *väd kâlmen ke-š-∅ / *kolt-âš-∅*
 вода замерзнуть-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Вода замёрзла.’

- (12) *män' kâlm-en kolt-âš-âtm / ??ke-š-em*
 я замерзнуть-CVB послать-AOR-1SG уйти-AOR-1SG
 ‘Я замёрз.’

Таким образом, на первый взгляд распределение лёгких глаголов *keäš* и *koltaš* можно объяснить семантическими ролями субъектов: *keäš* сочетается с моновалентными пассивными предикатами, а *koltaš* — со всеми остальными. Такое объяснение распределения всегда делает верные предсказания, но оно не предсказывает некоторые случаи нарушения дополнительной дистрибуции.

В горномарийском языке есть суффикс инхоатива *-em*, который образует моновалентные предикаты от адъективных основ со значением ‘становиться X’, где X — свойство, описываемое производящей основой [Дьячков 2017]. Абсолютное большинство инхоативов на *-em* приписывает своему единственному аргументу семантическую роль Пациенса: *šitemäš* ‘становиться чёрным’, *kätäkemäš* ‘становиться короче’ и т.д. Закономерно с такими глаголами сочетается телисизатор *keäš* и не сочетается — *koltaš*:

- (13) *tädä kuž-em-∅ ke-š-∅*
 тот длинный-INCH-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Он стал длиннее.’

Интересными с точки зрения анализа оказываются те относительно редкие случаи, когда суффикс *-em* образует глагол с единственным актантом-Экспериенцером. В таких случаях становится допустим *koltaš*, но, что важнее, не становится недопустим *keäš*:

- (14) *tädä susu-em-∅ ^{ok}ke-š-∅ / kolt-äš-∅*
 тот рад-INCH-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Он загрустил.’

Ещё одна группа глаголов, среди которых некоторые могут сочетаться с обоими телисизаторами — это детранзитивы на *-alt*. Поскольку в ходе детранзитивизации субъектом становится Пациент исходного глагола, такие глаголы сочетаются с *keäš*:

- (15) *tädä tãgãrã-m kãšked-ãn-∅*
 тот рубашка-ACC рвать-PREF-3SG
 ‘Он порвал рубашку.’

- (16) *tãgãr kãšked-ãlt-∅ ke-š-∅ / *kolt-äš-∅*
 рубашка рвать-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Рубашка порвалась.’

Однако в тех случаях, когда субъектом детранзитива становится Экспериенцер, возможно употребление и *keäš*, и *koltaš*:

- (17) *vas'a obižaj-alt-∅ ke-š-∅ / kolt-äš-∅*
 Вася обижать-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Вася обиделся.’

Итак, проблема семантического анализа очевидна: как объяснить сочетаемость лёгкого глагола *keäš* с экспериенциальными детранзитивами на *-alt* и инхотативами на *-em*? Существует ли теория, способная решить эту проблему и при этом наследующая все преимущества семантической модели?

Мы предлагаем анализировать горномарийские данные в рамках теории неаккузативности [Levin, Rapoport Novav 1995]. Можно выдвинуть гипотезу, что распределение глаголов *keäš* и *koltaš* определяется не столько набором семантических ролей и их качеством, сколько синтаксическими свойствами аргументов глагола.

В пользу этого говорит прежде всего сочетаемость *keäš* с детранзитивами на *-alt*, не зависящая от семантической роли итогового субъекта. Так, глагол *obižajaltaš* ‘обижаться’, образованный от переходного *obižajaš* ‘обижать’, сочетается и с *keäš*, и с *koltaš*, хотя с семантической точки зрения его субъект имеет семантическую роль экспериенцера.

В разделе 3 мы дадим подробное описание базовых принципов теории неаккузативности, на которых мы будем основывать дальнейшие теоретические построения.

3. Теория неаккузативности

Теория неаккузативности (в данном случае мы следуем теории, которой придерживаются авторы работы [Levin, Rappaport Hovav 1995]) разделяет непереходные глаголы на 2 группы: **неаккузативные** (такие непереходные глаголы, у которых подлежащее по своим синтаксическим свойствам напоминает дополнение переходного глагола) и **неэргативные** (такие непереходные глаголы, у которых подлежащее по своим синтаксическим свойствам напоминает подлежащее переходного глагола). Так, например, в английском языке неаккузативные глаголы могут участвовать в т.н. локативной инверсии, а неэргативные — нет:

(18) In the garden stood a statue.

‘В саду стояла статуя.’

(19) *In the garden worked a gardener.

Ожидаемое значение: ‘В саду работал садовник.’

Теория неаккузативности утверждает, что разница в синтаксическом поведении неаккузативных и неэргативных глаголов объясняется различным синтаксическим статусом их единственного аргумента. Так, они занимают разное положение в глагольной группе (VP): субъект неэргативного глагола занимает позицию спецификатора, а субъект неаккузативного глагола — позицию комплемента. Далее в ходе синтаксической деривации субъект как неэргативного, так и неаккузативного глагола переносится в позицию спецификатора группы TP — то есть позиции подлежащего клаузы — и получает там именительный падеж, что объясняет одинаковое маркирование субъектов.

Синтаксическая позиция субъекта неаккузативного глагола (комплемента в глагольной группе (VP)) структурно тождественна синтаксической

позиции объекта глагола переходного. Такое структурное тождество аргументов действительно обоснованно. Помимо теста на локативную инверсию, в котором субъект неаккузативного глагола стоит в том же месте, где и объект переходного глагола, синтаксическое сходство рассматриваемых аргументов можно усмотреть и в образовании пассивных причастий в английском языке:

- (20) eaten apples
'съеденные яблоки'
- (21) fallen leaves
'упавшие листья'
- (22) *worked people
Ожидаемое значение: 'работающие люди'

Как можно заметить, вершиной пассивного причастия могут выступать и субъект неаккузативного глагола, и объект переходного глагола, но не субъект неэргативного глагола.

Немного более релевантным для нашего исследования оказывается другой тест на неаккузативность / неэргативность, а именно сочетаемость лексических глаголов со связками. Так, например, во французском языке при образовании перфекта неаккузативные глаголы сочетаются с глаголом *être* 'быть', а неэргативные — с глаголом *avoir* 'иметь' (примеры взяты из [Лютикова 2007]):

- (23) a. Marie est morte en misère.
'Мари умерла в нищете.'
- b. Marie a beaucoup travaillé.
'Мари много работала.'

При этом пассивный перфект образуется так же, как и перфект глаголов неаккузативных — с помощью глагола *être* 'быть':

- (24) a. Marie a vendu ce livre.
'Мари продала эту книгу.'
- b. Ce livre est vendu.
'Эта книга продана.'

Именно дистрибуция глаголов *être* и *avoir*, определяющаяся синтаксическим статусом аргумента глагола, навела нас на следующую мысль: распределение лёгких глаголов-телисизаторов *keäš* и *koltaš* также основано на принадлежности лексического глагола к неаккузативному / неэргативному классу.

Чтобы определить, какие именно глаголы окажутся неаккузативными, а какие — неэргативными, в работе [Levin, Rappaport Hovav 1995] были введены **linking rules** (общепринятого перевода этого термина на русский нет, с некоторой долей условности можно использовать термин **правила отображения**). Правила отображения — это такие семантические правила, которые предсказывают структурный тип аргумента глагола, подпадающий под их сферу действия.

В работе [Levin, Rappaport Hovav 1995] приводятся 4 таких правила:

- (25) **Правило непосредственной причины**²: аргумент глагола, обозначающий непосредственную причину события, описанного глаголом, является его внешним аргументом (далее обозначается как IC — immediate cause).
- (26) **Правило направленного изменения**³: аргумент глагола, соответствующий сущности, претерпевающей направленное изменение, описываемое глаголом, является его прямым внутренним аргументом (далее обозначается как DC — directed change).
- (27) **Правило существования**⁴: аргумент глагола, чьё существование утверждается или отрицается, является его прямым внутренним аргументом (далее обозначается как E).
- (28) **Дефолтное правило**⁵: аргумент глагола, не попадающий в сферу действия двух предыдущих правил, является его внутренним аргументом (далее обозначается как Z).

² **Immediate Cause Linking Rule**: The argument of a verb that denotes the immediate cause of the eventuality described by that verb is its external argument. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 135].

³ **Directed Change Linking Rule**: The argument of a verb that corresponds to the entity undergoing the directed change described by that verb is its direct internal argument. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 146].

⁴ **Existence Linking Rule (revised)**: The argument of a verb whose existence is asserted or denied is its direct internal argument. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 153].

⁵ **Default Linking Rule**: An argument of a verb that does not fall under the scope of any of the other linking rules is its direct internal argument. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 154].

Рассмотрим каждое из правил подробнее. Правило IC включает в свою сферу действия моновалентные глаголы, аргумент которых является непосредственным каузатором действия. Таким образом, в сферу действия правила IC по умолчанию попадают агентивные предикаты, а также глаголы эмиссии, где участник является хоть и не контролирующим, но всё же непосредственным каузатором действия. В качестве демонстрации неэргативной природы данных глаголов приведём примеры с английской конструкцией *X's way*. Согласно работе [Levin, Rappaport Hovav 1995], сочетаемость непереходного глагола с конструкцией *X's way* выявляет его неэргативную природу, поскольку является своего рода дополнением, а неаккузативы не способны приписывать аккузатив:

- (29) Three dozen Hare Krishnas danced and sang their way through Gorky Park on Sunday ... [Levin, Rappaport Hovav 1995: 137]
'Тридцать шесть харе кришн танцевали и пели, гуляя по парку Горького в воскресенье.'
- (30) At Victoria Falls the Zambezi is rife with tumult, boiling and bubbling its way through basalt gorges ... [Levin, Rappaport Hovav 1995: 139]
'У водопада Виктория Замбези преисполнена грохотом, кипя и пузырясь на своём пути сквозь базальтовые ущелья.'

Правило DC включает в свою сферу действия пациентивные предикаты (поскольку актант таких предикатов, пациенс, терпит направленное изменение физического состояния) и глаголы направленного перемещения (поскольку направленно изменяется параметр местонахождения объекта). Таким образом, пациентивные глаголы и глаголы направленного перемещения относятся к классу неаккузативных глаголов, что можно показать на примере того же теста с конструкцией *X's way*:

- (31) *The oil rose its way to the top. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 148]
- (32) *The ice melted its way to the bottom.

Правило E определяет глаголы существования в класс неаккузативных. Так, например, они не проходят всё тот же тест на сочетаемость с конструкцией *X's way*:

- (33) a. *Andrea appeared her way to fame.
[Levin, Rappaport Hovav 1995: 149]

b. *The explosions occurred their way onto the front page.

[Levin, Rappaport Hovav 1995: 149]

Дефолтное правило (оно же правило Z) относит глаголы, не попавшие в сферу действия остальных правил, к классу неаккузативных. Так, глаголы ненаправленного перемещения, актанты которых — неагентивные участники, не попадая ни под одно из остальных связывающих правил, не сочетаются с конструкцией *X's way*:

(34) a. *The pebbles rolled their way into the stream.

b. *The ball bounced its way into the street.

Как показано в работе [Levin, Rappaport Hovav 1995], для английского языка эти правила действуют согласно следующей иерархии: DC, E > IC > Z. Так, глаголы направленного перемещения, единственный аргумент которых реферирован к каузатору действия, (например, *stand up* 'встать') оказываются неаккузативными, это можно показать тестом на каузативную альтернативу:

(35) Children stood up.

'Дети встали.'

(36) Teacher stood the children up.

'Учитель заставил детей встать.'

Примеры (35)–(36) показывают, что правило DC доминирует над правилом IC: направленное изменение положения детей оказывается более важным фактором, чем их контроль над этим действием. Доминирование же правила E над правилом IC можно продемонстрировать на примере локативной инверсии:

(37) There remained three people in the library.

'В библиотеке осталось три человека.'

Несмотря на то, что люди лично приняли решение остаться, то есть сами послужили непосредственной причиной описываемой ситуации, глагол допускает локативную инверсию, допустимую лишь при неаккузативном глаголе.

Таким образом, английские данные предлагают следующую шкалу связывающих правил: DC, E > IC > Z. Авторы работы [Levin, Rappaport Hovav 1995] склонны считать такую шкалу универсальной. Тем не менее, например, в работе [Arkadiev 2008] показано, что существуют языки, во-первых, с другой иерархией связывающих правил, во-вторых — с другой направленностью этих правил (тип аргумента, который присваивает правило, может быть разным в разных языках). Тем не менее, релевантность самих правил подтверждается на довольно большой выборке языков.

В следующем разделе мы предложим анализ дистрибуции горномарийских лёгких глаголов *keäš* и *koltaš* в рамках теории неаккузативности и, в частности, ответим на вопрос, в каком виде правила отображения работают в горномарийском языке.

4. Объяснение дистрибуции лёгких глаголов в рамках Теории неаккузативности

Главное преимущество анализа в рамках Теории неаккузативности над анализом в рамках синтаксических ролей состоит в том, что он объясняет, откуда у детранзитивов на *-alt* типа *obižajaltaš* ‘обидеться’ появляется способность сочетаться с *keäš*. Абстрагированная семантическая модель, определяющая сочетаемость глагола *keäš* с моновалентными предикатами с семантической ролью пациенса, в данном случае терпит крах: семантическая роль субъекта у глагола *obižajaltaš* — не пациенс, а экспериенцер. Теория неаккузативности же даёт следующее объяснение: объект переходного глагола синтаксически тождествен субъекту неаккузативного глагола, поэтому такой процесс, как детранзитивизация, удаляя внешний аргумент и возводя внутренний аргумент в позицию спецификатора группы TP, позволяет полученному глаголу сочетаться с телисизатором *keäš*. Проще говоря, лёгкий глагол *keäš* ‘уходить’ реагирует не просто на семантическую роль субъекта, а на его глубинную синтаксическую позицию — и если это комплемент VP, то сочетается с таким глаголом.

С точки зрения правил отображения горномарийский как раз является примером языка, в котором эти правила действуют, но с другой иерархией и (в одном случае) с другим типом аргумента на выходе.

Тем не менее, начнём со сходств с английской системой. Так же, как и в английском, в горномарийском правило DC определяет аргумент как внутренний, в связи с чем предикаты неконтролируемого изменения состояния оказываются неаккузативными:

(38) *i šāl-en ke-š-∅ / *kolt-āš-∅*
 лёд таять-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Лёд растаял.’

(39) *pört oxār-ān ke-š-∅ / *kolt-āš-∅*
 дом пустеть-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Дом опустел.’

Правило IC в горномарийском также идентично английскому, поскольку присваивает аргументу статус внешнего:

(40) *vas'a lü-en kolt-āš-∅ / *ke-š-∅*
 Вася стрелять-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘Вася выстрелил.’

(41) *pi opt-alt-∅ kolt-āš-∅ / *ke-š-∅*
 собака лаять-ATT-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘Собака гавкнула.’

Наконец, правило E также, как и в английском, определяет глаголы существования как неаккузативные:

(42) *kornā-štā imnieškā kaj-en *kolt-āš-∅ / ke-š-∅*
 дорога-IN всадник казаться-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘На дороге показался всадник.’

Теперь перейдём к различиям. Прежде всего, как мы уже отмечали ранее, в горномарийском правила отображения образуют иерархию, отличную от английской. Так, правило IC оказывается доминирующим над DC, поскольку в горномарийском языке с глаголами контролируемого направленного перемещения сочетается глагол *koltaš*, а с глаголами неконтролируемого направленного действия — *keāš*:

(43) *vas'a šagal-∅ kolt-āš-∅ / *ke-š-∅*
 Вася встать-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘Вася встал (решил подняться).’

(44) *vas'a kān'āl-∅ ke-š-∅ / *kolt-āš-∅*
 Вася встать-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Вася встал (внезапно, с испуга).’

Правило E в горномарийском языке оказывается доминирующим над IC, поскольку распределяет глаголы существования в класс неаккузативных:

- (45) *volšebn'ik* *čever-ən* *mən-ən*
 волшебник прощаться-CVB говорить-CVB
- jam-ən-∅* *ke-š-∅* / **kolt-əš-∅*
 исчезать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
- ‘Волшебник попрощался и исчез.’

Так, в примере (45) волшебник исчезает по своей воле, то есть является каузатором действия, но глагол для описания ситуации выбирается неаккузативный, что показывает нам доминирование правила E над правилом IC.

Кроме того, дефолтное правило горномарийского языка определяет не внутренний, а внешний аргумент глагола. Так, например, глаголы ненаправленного неволитивного движения, не попадающие ни под одно из остальных правил, сочетаются только с глаголом *koltaš*:

- (46) *poezd* *tärvän-ən* *kolt-əš-∅* / **ke-š-∅*
 поезд тронуться-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
- ‘Поезд тронулся.’
- (47) *vəd* *jog-en* *kolt-əš-∅* / *#ke-š-∅*
 вода литься-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
- ‘Вода вылилась.’

Таким образом, можно заключить, что *linking rules* для горномарийского языка выглядят следующим образом:

- (48) **Правило непосредственной причины:** аргумент глагола, обозначающий непосредственную причину события, описанного глаголом, является его внешним аргументом. (IC)
- (49) **Правило направленного изменения:** аргумент глагола, соответствующий сущности, претерпевающей направленное изменение, описываемое глаголом, является его прямым внутренним аргументом. (DC)
- (50) **Правило существования:** аргумент глагола, чьё существование утверждается или отрицается, является его прямым внутренним аргументом. (E)
- (51) **Дефолтное правило:** аргумент глагола, не попадающий в сферу действия двух предыдущих правил, является его внешним аргументом. (Z)
- (52) Иерархия правил: E > IC > DC > Z

Обратим внимание, что объяснение распределения лёгких глаголов *keäš* и *koltaš* через правила отображения, в отличие от объяснения через семантические роли, предсказывает сочетаемость экспериенциальных инхоативов на *-em* с *keäš*, поскольку инхоативы, образованные по модели ‘становиться X’, обозначают направленное изменение параметра X и таким образом оказываются неаккузативными:

- (53) *vas'a kok cäs-äštä susu-em-∅ ke-š-∅*
 Вася 2 час-IN радость-INCH-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Вася за 2 часа стал радостнее.’

Почему же с такими предикатами возможен и *koltaš*? Прежде всего стоит отметить, что в сочетании с экспериенциальными инхоативами типа *susuetaš* ‘стать радостней’ лёгкий глагол *keäš* всегда оказывается предпочтительным вариантом. Во-первых, при элицитации первой реакцией информанты выдают предложения с *keäš* и сами оценивают этот вариант как более частотный. Во-вторых, косвенным свидетельством предпочтительности *keäš* оказывается озвончение начального *k*: информанты произносят сложный глагол *susem keäš* ‘стать радостней’ как *susuem geäš*. При образовании же сложного глагола *susuem koltaš* ‘стать радостным’ аналогичного озвончения не происходит, притом, что в более типичных для лёгкого глагола *koltaš* оно совершенно закономерно: например, сложный глагол *ken koltaš* ‘уйти’ произносится как *ken goltaš*. Озвончение начального согласного вершинного глагола после суффикса деепричастия — свойство, характерное исключительно для лёгких глаголов: такого не происходит в случае сочетания двух лексических глаголов.

Сочетаемость экспериенциальных инхоативов с *koltaš*, по-видимому, можно объяснить через альтернативную интерпретацию изменения состояния, описываемую лексическим глаголом: не как направленное изменение состояния, а как моментальное вхождение в устойчивое состояние ‘быть грустным’.

Прейдём к последнему проблематичному контексту — детранзитивам на *-alt*. Согласно [Жорник 2016], горномарийский суффикс *-alt* может образовывать, в частности, декаузативы, пассивы, автокаузативы, рефлексивы и реципроки (терминология наследуется из [Плунгян 2011]).

С точки зрения сочетаемости с лёгкими глаголами следует в первую очередь выделить рефлексивные и реципрокальные дериваты на *-alt*: особенность их поведения заключается в том, что они не сочетаются ни с *keäš*, ни с *koltaš*.

- (54) **vas'a mășk-ălt-∅ ke-š-∅ / kolt-ăš-∅*
 Вася мыть-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 Ожидаемое значение: 'Вася помылся.'

- (55) **tăng-vlä zborovoj-ălt-∅ kevă / kolt-evă*
 друг-PL приветствовать-DETR-CVB уйти.AOR.3PL послать-AOR.3PL
 Ожидаемое значение: 'Друзья поздоровались.'

Остальные дериваты на *-ălt* ведут себя следующим образом. Прежде всего, любой детранзитив на *-ălt*, не являющийся ни рефлексивом, ни реципроком, сочетается с *keăš*. Сочетаемость с *koltaš* определяется правилами отображения, то есть он возможен в тех случаях, когда субъект детранзитива попадает в сферу действия правил IC или Z.

Таким образом, если детранзитив не является ни рефлексивом, ни реципроком и при этом его субъект попадает в сферу действия правила IC (то есть является непосредственной причиной, каузатором ситуации, описываемой глаголом), то такой глагол может сочетаться с обоими лёгкими глаголами:

- (56) *vas'a kăm-ăkt-ălt-∅ ke-š-∅ / kolt-ăš-∅*
 Вася клониться-CAUS-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 'Вася наклонился.'

Заметим, что в примере (56) суффикс *-ălt* имеет автокаузативное, а не рефлексивное значение. Согласно [Плунгян 2011], рефлексивом называется такая понижающая актантная деривация, при которой агентивный и пациентивный участник совпадают, но событийная структура при этом не меняется (сравните русские *мыться* и *мыть себя*, которые семантически идентичны). Автокаузатив же — это такая понижающая деривация, в которой объект приобретает свойства каузатора и становится инициатором описываемой ситуации, и отдельного события каузации нет, поэтому структура события переходного глагола и автокаузатива от него не тождественны (так, например, *наклониться* не значит *наклонить себя*).

Если субъект детранзитива подпадает под сферу действия правила DC, то есть претерпевает изменение состояния, такой глагол сочетается только с *keăš*:

- (57) *tăgâr kăšked-ălt-∅ ke-š-∅ / *kolt-ăš-∅*
 рубашка рвать-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 'Рубашка порвалась.'

Наконец, если субъект детранзитива не подпадает ни под действие правила IC, ни под действие правила DC, то есть ни терпит направленное изменение состояния, ни является каузатором события, то с таким глаголом сочетаются оба телисизатора — *koltaš* по дефолтному правилу и *keäš* как с декаузативом:

- (58) *püšängä* *lāpš-alt-∅* *ke-š-∅* / *kolt-āš-∅*
 дерево качать-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Дерево качнулось.’

5. Заключение

Итак, как мы постарались доказать, Теория неаккузативности справляется с задачей объяснения дистрибуции лёгких глаголов *koltaš* и *keäš* лучше, чем теория, базирующаяся на семантических ролях. Лёгкий глагол *keäš* сочетается с неаккузативными глаголами, состав которых определяется правилами DC (49) и E (50), и — дополнительно — со всеми детранзитивами на *-alt*, кроме рефлексивов и реципроков. Лёгкий глагол *koltaš* сочетается с неэргативными глаголами, состав которых определяется правилами IC (48) и Z (51), а также с переходными глаголами.

Тем не менее, некоторые проблемы пока остались нерешёнными. Прежде всего, непонятно, как именно устроен синтаксис детранзитивов на *-alt*, коль скоро некоторые из них сочетаются с обоими телисизаторами. Нам кажется перспективным подход, обращённый к структуре события, который использует Джиллиан Рэмченд при анализе бенгальских сложных предикатов в [Ramchand 2008].

Условные обозначения и сокращения

1,2,3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; DETR — детранзитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инэссив; INCH — инхоатив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; PRF — перфект; SG — единственное число; VBZ — вербализатор.

Литература

Голосов, в печати — Голосов Ф.В. Лёгкие глаголы-телисизаторы горномарийского языка: грамматическая семантика и дистрибуция // Acta Linguistica Petropolitana. В печати. [Golosov F.V. Legkie glagoly-telisizatory gornomariiskogo yazyka: grammaticeskaya semantika i distributsiya [Telicizing light verbs in Hill Mari: Semantics and distribution]. Acta Linguistica Petropolitana. In press.]

- Дьячков 2017 — Дьячков В.В. Деадъективные глаголы в горномарийском языке: словообразование и семантика // Урало-алтайские исследования №4 (27). Москва: Институт языкознания РАН, 2017. С. 7–22. [Dyachkov V.V. Dead"ektivnye glagoly v gornomariiskom yazyke: slovoobrazovanie i semantika [Deadjectival verbs in the Hill Mari language: Derivation and semantics]. Uralo-altaiskie issledovaniya №4 (27). Moscow: Institute of linguistics, RAS, 2017. P. 7–22.]
- Жорник 2016 — Жорник Д.О. Деривация на *-alt* в горномарийском языке. Экспедиционный отчёт, рукопись, 2016. [Zhornik D.O. Derivatsiya na *-alt* v gornomariiskom yazyke [Derivation in *-alt* in Hill Mary]. Fieldwork materials, ms, 2016.]
- Лютикова 2007 — Лютикова Е.А. Гипотеза неаккузативности. Хэндаут к курсу «Общий синтаксис», читаемому на Отделении теоретической и прикладной лингвистики МГУ, URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/syntax/06_Neakkuzativnost.pdf [Lyutikova E.A. Gipoteza neakkuzativnosti [Unaccusativity theory]. Handout for the general syntax course at the department of theoretical and applied linguistics, Lomonosov Moscow State University.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [The introduction into grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011]
- Arkadiev 2008 — Arkadiev P.M. Thematic roles, event structure, and argument encoding in semantically aligned languages. Donohue M., Wichmann S. (eds.). The typology of semantic alignment, Oxford University Press, 2008. P. 101–117.
- Bradley 2016 — Bradley J. Mari Converb Constructions: Productivity and regional variance. Doctoral thesis. Wien: Universität Wien, 2016.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — Levin B., Rappaport Hovav M. Unaccusativity: At the syntactico-lexical semantics interface. Linguistic Inquiry, Vol. 26. Cambridge: MIT press, 1995.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. Lexical items in complex predications: Selection as underassociation. Nordlyd. 2008. Vol. 35, №. 1.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Фёдор Валентинович Голосов

студент 4-го курса бакалавриата, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Theodore V. Golosov

4th year B.A. student, National Research University Higher School of Economics

glabgtodor@mail.ru

СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ АКТАНТЫ ИМЁН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. Б. Летучий

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Тема статьи — сентенциальные актанты (СА) при русских номинализациях (именах, соотносительных с глаголами vs. с прилагательными / предикативами). Показано, что для описания ситуации необходимо несколько параметров: семантическая роль СА, оппозиция собственно аргументов и модификаторов, оппозиция имён сложного события vs. результата — причём ни один из них не описывает всей ситуации. В конце статьи предлагается новый параметр — а именно, противопоставление собственно ситуации и реализации, — который, возможно, описывает наиболее широкую выборку имён и их свойств.

Ключевые слова: сентенциальные актанты, номинализации, русский язык, аргумент, модификатор, семантическая роль, реализация, имя сложного события, имя результата.

COMPLEMENT CLAUSES OF NOUNS IN RUSSIAN

Alexander Letuchiy

National Research University Higher School of Economics

The article focuses on complement clauses of nominalizations (deverbal and deadjectival nouns) in Russian. It is proposed that several parameters, such as semantic role, the opposition of proper argument vs. modifier, the opposition of complex event vs. result nominals are necessary to account for the distribution of nouns that take vs. do not take complement clauses, and neither of them accounts for the whole distribution. In the end I propose a new parameter, namely, the opposition of situation proper vs. occurrence that, perhaps, can cover the widest range of nouns and their properties.

Keywords: complement clauses, nominalizations, Russian, argument, modifier, semantic role, occurrence, complex event nominal, result nominal.

1. Introduction

In my paper I consider combinational properties of Russian nominalizations. While aspectual classes and morphological techniques of nominalization have been much studied (see [Pazelskaya 2006], [Paducheva 1986, 2009]), less attention has been given to the syntax of predicate nominals and its correlation with semantic properties.

Nominalizations tend to inherit most properties of the base verb. For instance, they are sometimes compatible with all arguments of the initial situation: if it is a transitive bivalent verb, both Agent and Patient can be expressed. Nominalizations are also often compatible with adverbials, just as finite verbs.

However, as [Grimshaw 1990] shows, sometimes the expression of base predicate arguments is restricted with nominalizations. For instance, some nominalizations are incompatible with complement clauses, which are possible with verbs they are derived from.

The present paper focuses on the distribution of complement clauses in constructions with a nominal head. I show that their distribution is not explained by any one parameter of those proposed by [Grimshaw 1990], [Knyazev 2014] or others, discussed in this article. Rather, several parameters are relevant here.

1.1. Research sample

For the study, nouns of several verbs were taken. All of them belong to groups marked by [Noonan 2007] as complement-taking predicates (CTPs)¹.

Predicate	Noun
Emotion verbs	
<i>ljubit'</i> 'to love'	<i>ljubov'</i> 'love'
<i>bojat'sja</i> 'to fear, to be afraid'	<i>strax</i> 'fear'
<i>razdražat'</i> 'to annoy'	<i>razdraženie</i> 'annoyance'
Property predicates	
<i>stranno, strannyj</i> 'strange'	<i>strannost'</i> 'strangeness'
<i>važno</i> 'important'	<i>važnost'</i> 'importance'

¹ A note should be done on the morphological status of these nominals. They are usually morphologically derived from verbs or predicatives / adjectives. However, some nouns like *strax* 'fear' that semantically correspond to verbs (e.g., *bojat'sja* 'be afraid') but not derived from the are also included. The question if nominals like *vozmožnost'* 'possibility' are derived from the predicative *vozmožno* or the adjective *vozmožnyj* is not discussed here.

vozmožno ‘possible’

vozmožnost' ‘possibility’

interesno ‘interesting’

interes ‘interest’

Modal verbs

umet' ‘can, to be able, to know how’

umenie ‘ability’

upominat' ‘to mention’

upominanie ‘mention’

Cognitive verbs

dokazat' ‘to prove’

dokazatel'stvo ‘proof’

otkryt' ‘to discover’

otkrytie ‘discovery’

privyknut' ‘to get used’

privyčka ‘habit’

priznavat' ‘to recognize’

priznanie ‘recognition’

uverennyj ‘sure’

uverennost' ‘sureness’

znat' ‘to know’

znanie ‘knowledge’

ponimat' ‘to understand’

ponimanie ‘understanding’

Here I did not make any difference between verbs taking finite vs. non-finite complements.

Below the existing accounts of clausal complements of nouns will be sketched.

1.2. Stowell's and Grimshaw's accounts

[Stowell 1981] adopts the most radical point of view, claiming that no nouns can have complement clauses in the proper sense. The clausal constituents of nouns that are virtually similar to complement clauses are in fact something like appositives.

Afterwards, [Grimshaw 1990] introduces a more moderate way of analysis. She classifies nominalizations / predicate nouns into three classes (some of these classes are close to semantic classes distinguished by [Apresyan 1966]):

- 1) Complex event nominals;
- 2) Simple event nominals;
- 3) Result nominals.

She states that Complex Event Nominals (CEN) are the closest to predicates. They are compatible with the same TAM markers and argument expressions as their base verbs.

(1) The government's development of inexpensive housing was applauded.

In (1), the Agent (*government*), the Theme (*inexpensive housing*) are expressed.

By contrast, Result Nominals (RN) tend to prohibit expression of most aspectual and temporal modifiers, as well as arguments. For instance, no argument can be expressed in (2):

(2) The investigation was on the table.

Here, investigation is a RN referring to the result of the dynamic process *investigate* (i.e., the document that reflects what the investigation showed). If NPs referring to the agent and the patient are added, the sentence will become awkward because only the dynamic (Complex Event) reading will be available:

(3) #The investigation of the patient by the medicine was on the table.

(3) is strange because the locative predication *was on the table* calls for a static (result) reading. The expression of the agent and patient calls for a dynamic reading. In the result reading, the agent and patient are not expressed, because they are parts of the dynamic phase. The agent and patient do not participate in the static phase, though the result of their participation (in the dynamic phase) can be observed.

Based on examples like (1), (2) and (3), Grimshaw claims that only CEN have argument structure. Result nominals lack argument structure. Simple event nominals constitute an intermediate class, this is why this class is often ignored in later studies of argument structure.

By contrast, Grimshaw notes that only with result nominals, are complement clauses regularly retained from the verbal construction.

This may seem paradoxical, since in the domain of NP arguments, Result Nominals are incompatible with argument expression. However, in fact, this situation is not a paradox. Grimshaw states that complement clauses of result nominals are not real arguments — they are rather similar to adjectival modifiers.

1.3 Noun complements and relative clauses

The account adopted by [Krapova, Cinque 2015] and many others, such as [Simeonova 2018], especially for Slavic languages, says that clausal complements of nouns are relative clauses, though of different types. For instance, with heads like *vopros* ‘question’, the clause is a canonical RC, while with *znanie* ‘knowledge’, it lays between the restrictive and the nonrestrictive types. [Kayne 2008; 2010] and [De Cuba 2017] also represent complement clauses of nouns as relative clauses, though the technical solution is different.

In my opinion, this account does not cover the whole range of complement-taking nouns. Of course, there are contexts that are intuitively close to relative clauses. For instance, when we have something like *The question where I was that night embarrassed me* it is meant that there are various types of questions, each with its own content, some of them embarrassing and others not. Thus, we speak of properties of questions and / or of their classification based on these properties — the function typical for relative clauses and other types of adjectival modifiers. By contrast, arguments are intuitively more exotic in this function: argument structure marks what the participants of the situation are. Participants are, to a certain degree, autonomous from the event they are linked to, thus, their function is not always to define the properties of the event.

However, as I will show, not all clausal complements of nouns are semantically similar to complements of heads like “question”. And, if we use a syntactic criterion to define if the clause is a modifier / relative clause, some CCs of nouns definitely yield the negative answer in this test.

1.4. Knyazev’s account

[Knyazev 2014] adopts an account related both to pragmatic properties and argument status. Among other things, he shows that some predicate nouns can take complement clauses only if the clause occupies the final position and / or have predicate or quasi-predicate status.

(4) *U Van-i by-l-o ponimani-e što nado*
 at Vanja-SG.GEN be-PST-SG.N understanding-SG.NOM COMP necessary-SG.GEN

što-to menja-t'.
 something.ACC change-INF

‘There was some worries that we would lose.’ [Knyazev 2014: 24]

This account is useful in that it shows that a purely lexical classification of nouns as complement-taking or incompatible with complement clauses is impossible. Many factors, including pragmatic and contextual ones, influence the (un)acceptability of complementation with a particular noun. However, at the same time, Knyazev says nothing about nouns that are unable to take complement clauses at all. Besides this, nonfinite clauses are not considered.

2. Introductory remarks on the syntax of nominalization

2.1. Standard and non-standard expression of participants with nominalization

First, some words on the syntax of nominalization should be said. By default, Russian uses the following pattern of nominalization:

Intransitive verbs: NOM > GEN

- (5) Otjezd Peti (GEN) ‘Petja’s leaving’

Transitive verbs: NOM > INS, ACC > GEN

- (6) Znanie zakonov (GEN) vsemi ljud’mi (INS) ‘Knowledge of laws by all people’

Thus, nominalization is organized ergatively. The Agent of transitive verb is coded specially, while the DO and the S coding is identical. However, the coding changes if the object is sentential. The instrumental coding of the agent becomes impossible:

- (7) *znani-e vs-emi ljud'-mi čto
 knowledge-SG.NOM all-PL.INS people-PL.INS COMP

zakon-y nado vpolnja-t'
 law-PL.ACC necessary obey-INF

Intended: ‘Knowledge of all people (INS) that one should obey the laws.’
 (complement clause)

For *dokazatel'stvo*, instrumental marking is impossible. The genitive one may sound doubtfully but is possible.

- (8) *Dokazatel'stv-o* **Ivanov-ym* / ?*Ivanov-a*
 proof-SG.NOM Ivanov-SG.INS / Ivanov-SG.GEN

čto Zemlj-a krugl-aja.
 COMP Earth-SG.NOM round-F.SG.NOM

‘Ivanov’s proof that the Earth is round.’

This means that the general nominalization pattern is not only related to the verb’s transitivity, but also to the presence of case category. The instrumental marking is possible only if there is a genitive-marked argument — and this is not the case if the object is clausal. This shows, by the way, that the rule of

case assignment is not fully ergative: at least in some ergative languages, A of transitive verbs is ergative-marked simply because the verb is transitive and is not linked to the presence of another case-marked argument.

It seems, however, that the peculiarity of the case-assigning rule does not show that complement clauses of nouns are not arguments. Of course, complement clauses differ from nominal ones in many respects. However, this particular aspect of behavior only shows that complement clauses lack the category of case.

2.2. Some restrictions on complement clauses with nouns

Let us now discuss restrictions on complementation with head nouns. In (9) – (12) I show some examples where the nominalization cannot host complement clauses, whereas the base predicate can.

Property nouns:

- (9) *Stranno* *èto* *sejčas* *obsužda-t'*.
 strange.PRAEDIC this.ACC now discuss-INF
 'It is strange to discuss it now.'

- (9') **strannost'* *èto* *sejčas* *obsužda-t'*
 strangeness.PRAEDIC this.ACC now discuss-INF
 Intended: 'the strangeness to discuss it.'

- (10) *Vážno* *vse* *obsudi-t'*.
 important.PRAEDIC all.ACC discuss-INF
 'It is important to discuss everything.'

- (10') **vážnost'* *vse* *obsudi-t'*
 importance-PRAEDIC all.ACC discuss-INF
 Intended: 'the importance to discuss everything'.

Some emotional nouns:

- (11) *Ego* *razdraža-l-o* *čto* *nad* *nim* *smej-ut-sja*.
 he.ACC annoy-PST-SG.N COMP above he.INS laugh-PRS.3PL-REFL
 'It annoyed him that they laughed at him.'

- (12) ??*Ego* *razdraženi-e* *čto* *nad* *nim* *smej-ut-sja*
 he.GEN annoyance-SG.NOM COMP above he.INS laugh-PRS.3PL-REFL
 'his annoyance that they laughed at him.'

3. Relevant features

In this section, I will consider the parameters that are relevant for (im)possibility of complement clauses with the given noun. Some of these parameters are related to the properties of the head noun, while others are linked to the features of the complement clause itself.

3.1. Argument vs. modifier

The first feature we are interested in is the **argument** vs. **modifier** distinction. The zero hypothesis is that only complement clauses that have modifier properties are compatible with head nouns.

To address the problem, we should first consider what a modifier is and what an argument is. I consider the following criterion to be useful: a modifier can be syntactically parallel to adjectival modifiers like *étot* ‘this’, or *kakoj* ‘which’.

Note that the criterion does not contain a mention of obligatoriness, typical for an argument and not so typical for a modifier. This is because Slavic languages do not strictly oppose obligatory and not obligatory syntactic constituents: on the one hand, almost any type of argument can be omitted under special conditions. On the other hand, some modifiers are almost obligatory.

Another remark is necessary, concerning the use of *étot*. Examples like (13) are irrelevant for the study:

(13) *Ego interesova-l-o, kto pobed-it.*
 he.ACC interest-PST-SG.N who.NOM win-FUT.3SG

Étot interes-∅ pojavi-l-∅-sja davno.
 this.M.SG.NOM interest-SG.NOM emerge-PST-SG.M-REFL long.ago

‘He was interested in who would win. This interest has emerged long ago.’

In (13), it is unclear if *éto* refers to the content of interest or to the fact that the interest was already mentioned. What is relevant are examples like (14) and (15):

(14) *U Pet-i vseгда by-l-∅ strax-∅ opozda-t'.*
 at Petja-GEN always be-PST-SG.M fear-SG.NOM be.late-INF

Étot strax-∅ pojavi-l-∅-sja u nego s junosti.
 this.M.SG.NOM fear-SG.NOM emerge-PST-SG.M-REFL at he.GEN from young-SG.GEN

‘Petja was always afraid to be late. This fear began from the time he was young.’

- (15) *U menja by-l-o oščuščeni-e čto ja sejčas umr-u.*
 at I.GEN be-PST-SG.N feeling-SG.NOM COMP I.NOM now die-FUT.1SG
- Éto oščuščeni-e by-l-o u mnog-ix.*
 this.N.SG.NOM feeling-SG.NOM be-PST-SG.N at many-PL.GEN
- ‘I had a feeling that I would die. Many people had the same feeling.’

How to identify the relevant use of *étot*? It seems that the referential status can be a criterion. In the relevant use, when *étot* refers to the content of emotion, cognitive act and so on, it can refer to an emotion or cognitive act of another person but with the same content. This is the case in (15), where *éto* introduces the same feeling experienced by other people. By contrast, if *étot* marks the fact that the emotion, cognitive act, etc. was already mentioned, it usually refers to literally the same act (i.e., experienced by the same person that has been mentioned before).

The argument vs. modifier opposition seems to be more relevant for the Russian data than Grimshaw’s opposition of complex event vs. result nominals. For instance, it covers some cases for which Grimshaw’s classes are also relevant. As will be shown below, *oščuščenie* ‘feeling’ is a result nominal, and it is compatible with complement clauses. *Osoznanie* ‘realizing’ is a complex event nominal, and it is incompatible with complement clauses. However, the same opposition can be accounted for by saying that with *oščuščenie*, the complement clause is a modifier, and with *osoznanie*, the complement clause is an argument in the proper sense. (15) above is normal, while (16) sounds strange, though not completely unacceptable:

- (16) *postepenn-oe osoznani-e čto my proigra-em*
 gradual-N.SG.NOM realizing-SG.NOM COMP we.NOM lose-FUT.1PL
- ‘The realizing that we will lose.’

Of course, both *éto oščuščenie* and *éto osoznanie* are possible:

- (17) *Ét-o osoznani-e / oščuščeni-e*
 this-N.SG.NOM realizing-SG.NOM / feeling-SG.NOM
- ne dava-l-o emu spa-t’.*
 NEG give-PST-SG.N he.DAT sleep-INF
- ‘He could not fall asleep because of this realizing / feeling.’

Although (20) is acceptable, *étot* does not work in the relevant way here, as referring to the fisher's house as a type of a house. It simply refers to the previous mention of the house (the house we mentioned in the previous text), and it is not important if there is a genitive NP or not.

The same is true for many structures where a nominalization has an NP or PP argument. The adjective pronoun refers to the previous mention and not to the content of emotion, speech act and so on. This is obvious from the difference in referential properties:

- (21) ... *znani-e* *zakon-ov.* *Éto* *znani-e*
 knowledge-SG.NOM law-SG.GEN this.N.SG.NOM knowledge-SG.NOM
- pomoga-l-o* *emu* *v* *žizn-i.*
 help-PST-SG.N he.DAT in life-LOC
- ‘... knowledge of laws. This knowledge has helped him in his life.’

However, this property is not universal for all NP complements. For instance, some structures with genitive complements show that these complements also behave like modifiers, being syntactically parallel to adjective modifiers.

Property nouns: + *vozmožnost'* ‘possibility’, – *nevozmožnost'* ‘impossibility’, + *strannost'* ‘strangeness’, + – *neobxodimost'* ‘necessity’, – *važnost'* ‘importance’, – *uverennost'* ‘sureness’.

Modal: + *umenie* ‘being able’, + *želanie* ‘wish’.

Emotional: + *strax* ‘fear’, – *radost'* ‘happiness’.

Cognitive: + – *znanie* ‘knowledge’, + *ponimanie* ‘understanding’².

3.2. Analogy?

An interesting case is represented by the nominal *nevozmožnost'* ‘impossibility’.¹ Being virtually just a negative derivative of *vozmožnost'* ‘possibility’, in fact it has rather different properties.

- (22) *nevozmožnost'-∅* *napas-t'* *na* *obezjan-u* *vrasplox*
 impossibility-SG.NOM attack-INF on monkey-SG.ACC unawares
- ‘the impossibility to attack the monkey unawares’

- (23) # *ét-a* *nevozmožnost'-∅*
 this-F.SG.NOM impossibility-SG.NOM
- ‘this impossibility’

² Here “+” means that the complement clause behaves as a modifier, while “–” denotes the fact that it is unable to be syntactically parallel to modifiers and “+–” denotes that it is unclear if the complement clause can or cannot be described as a modifier.

Example (23) sounds strange because the pronoun *étot* ‘this’ does not occur here in the relevant reading.³ It denotes the relevant occurrence of the situation (‘the situation of impossibility we spoke about before’), and not the type of situation (‘impossibility of the thing we spoke about before’).

It is tempting to consider that the behavior of *nevozmožnost'* results from the analogy with the affirmative noun *vozmožnost'* ‘possibility’. However, this approach is hardly plausible. For instance, other negative forms, such as *neznanie* ‘ignorance’ or *neponímanie* ‘not understanding’ are barely compatible with complement clauses — they occur in contexts like (22), but very rarely.

It seems that *nevozmožnost'* behaves in some respects differently from property nouns like *strannost'*. For instance, it is compatible with the adjectival pronoun *étot*. An interesting fact is that *nevozmožnost'*, when referred to by means of *étot*, occurs mainly with complement clauses, and not genitive complements.

Table 1. Number of occurrences of the noun *nevozmožnost'* immediately before a genitive and an infinitive and number of occurrences with the pronoun *étot* before a genitive and an infinitive

	GEN	INF
total	2077	2482
with <i>étot</i>	5	26

In other words, it seems that *nevozmožnost'* behaves as a sort of a name of occurrence (see Section 3.6). Of course, the meaning of occurrence is modified here because *nevozmožnost'* is a property noun, and properties cannot usually be divided into realizations. However, this nominal, when used with a complement clause, tends to refer to definite situations where the property (‘impossibility’) manifests itself.

3.3. Semantic role of the complement clause

Although the argument vs. modifier distinction accounts for properties of many nominals, it is problematic in that it is not intuitive: we do not know in advance if a particular noun has a modifier or an argument. Fortunately, it seems that the argument vs. modifier opposition correlates with another parameter:

³ Of course, examples like ‘this impossibility to express my feelings’ will sound normal, but they contain another use of *étot* ‘this’ referring to the situation mentioned before (‘the impossibility to express my feelings I have mentioned before’).

namely, the semantic role of the complement clause. Note that [Giorgi, Longobardi 1992] and some other authors have proposed that syntax of nominalizations crucially depends on their semantics, but their claims were mainly based on NP arguments. Although complement clauses are not compatible with all semantic roles possible for NPs, some range of roles is accessible to CCs:

content: She asked **where he had been**

reason / cause: It resulted from **the fact that he was late**

purpose: seek **to leave**

It turns out that content complement clauses have the best chance to be retained under nominalizations.

The explanation lies on the surface. Content denotes a participant which does not exist and / or is not regarded autonomously from the main situation. In other words, it is not a full-fledged participant, but rather an additional characteristic of the situation. It is not surprising at all that this characteristic is expressed with something that is syntactically a modifier. By contrast, constituents with argument properties tend to represent autonomous entities participating in the main situation.

Very often, the semantic role parameter and the type of syntactic behavior correlate to each other.

However, it is not always the case. For instance, with *znanie*, the CC does not behave like a modifier, but seems to have the semantic role of content of knowledge. As a result, the head noun *znanie* is compatible with complement clauses: cf. *znanie čto ja ošibsja* ‘the knowledge that I made a mistake’, which is perfectly acceptable.

In the class of emotions, the oppositions of argument vs. modifier and non-content vs. content complements correlates with the (ir)reality opposition. For instance, *strax* is compatible with complement clauses (cf. *strax zabolet'* ‘the fear to fell ill’), *ljubov'* is incompatible with them (**ljubov' guljat'* ‘the love to walk’ is ungrammatical), and *razdraženie* is only marginally compatible (cf. (12)). Only with *strax*, does the complement clause have the role of content and behaves as a modifier. This seems to be correlated with the fact that fear is a prospective emotion: it is directed towards an event that has not occurred and perhaps will not. Thus, this event exists only as the content of someone’s fear, not a real event. By contrast, being annoyed is possible only if its stimulus exist (or have existed) and love is used with a CC mainly when the event has occurred at least once.

3.4. Grimshaw's classes

Let us now compare the results acquired so far to results that Grimshaw's [Grimshaw 1990] classes based on syntactic and aspectual properties yield. To some degree, the classification is relevant. For instance, this can be seen on the behavior of nouns *oščuščenje* and *osožnanie*.

Oščuščenje is a result noun. This is obvious in that it is incompatible with the adjective *postepennyj* 'gradual'. By contrast, *osožnanie* 'realizing' is a CEN, and it is compatible with *postepennyj*:

- (24) *postepenn-oe* *osožnani-e* / **oščuščeni-e* *svo-ej* *vin-y*
 gradual-N.SG.NOM realizing-SG.NOM feeling-SG.NOM own-F.SG.GEN guilt-SG.GEN
 'the gradual realizing / *perception of own guilt'

Not surprisingly, as shown above, only *oščuščenje* regularly takes complement clauses. The same is true for cases like *dokazatel'stvo* and *otkrytie*. Both of them take complement clauses. However, none of them are compatible with CCs in the dynamic reading, where the nominalization denotes a process of proving or discovering something.

- (25) *vo vremja* *dokazatel'stva* *teorem-Ø* / **čto*
 in time-SG.ACC proving-SG.GEN theorem-PL.GEN COMP

Zemlj-a *krugl-aja*
 Earth-SG.NOM round-F.SG.NOM

'in the course (during) proving the theorems / that the Earth is round'

- (26) *posle otkrytij-a* *v 2002 god-u* *nov-ogo* *element-a* /
 after discovering-SG.GEN in 2002 year-SG.LOC new-M.SG.GEN element-SG.GEN

**čto est' drug-oj* *element-Ø*
 COMP be.PRS.3SG other-M.SG.NOM element-SG.NOM

'after discovering in 2002 of a new chemical element / *that another element exists'

The difference between *ljubov'* 'love' vs. *privyčka* 'habit' can be accounted for in the same lines. As mentioned above, *ljubov'* does not take an (infinitive) complement: **ljubov' guljat'* 'love to walk' is ungrammatical or awkward. By contrast, *privyčka guljat'* 'habit to walk' is acceptable. The noun *ljubov'* corresponds to the static verb *ljubit'* — thus, it is not a priori clear if it has the properties of result nouns or complex event nouns (the base verb is already static).

By contrast, *privyčka* is derived from the dynamic verb *privyknut'* / *privykat'* and behaves as a result noun. For instance, the dynamic process adverbial *postепенно* 'gradual' is impossible with *privyčka*, though compatible with the parallel complex even noun of the same stem *privykanie* (not surprisingly, *privykanie* is incompatible with complement clauses):

- (27) *postепенное* *privykani-e* / **privyčk-a*
 gradual-N.SG.NOM getting.used-SG.NOM habit-SG.NOM
- k* *mestn-omu* *klimat-u*
 to local-M.SG.DAT climat-SG.DAT
- 'getting used gradually to the local climate / *gradual habit to the local climate'

However, there is a class of nouns that makes Grimshaw's account problematic. I mean nouns derived from predicatives or adjectives and denoting properties: *važnost'* 'importance', *strannost'* 'strangeness', *vozmožnost'* 'possibility', and so on (as mentioned above, *vozmožnost'* is compatible with complement clauses, while *važnost'* and *strannost'* are not, see examples (9') and (10')). For names of properties, the classification to CEN vs. RN is senseless, because the base words do not denote dynamic situations: thus, we can never know if the static semantics of these nouns is inherited from adjectives or brought about by nominalization. As shown before, the opposition based on semantic roles and the opposition of modifiers vs. argument work better for this class.

Another problematic case, contrary to the previous one, is represented by cognitive state nouns like *znanie* 'knowledge', *ponimanie* 'understanding', which take complement clauses. Knowledge and understanding are often interpreted as stative and they are also difficult to test against the CEN vs. RN properties.

3.5. Syntactic position of the complement clause in the base structure

The syntactic position of the complement clause in the base structure with a verb or predicative seems also to be relevant. Notably, nouns generally not taking CCs are heterogeneous. For some of them, mainly property nouns like *strannost'*, *važnost'*, *neizvestnost'*, structures with complement clauses are completely ungrammatical. Others, such as *ljubov'* 'love', *razdraženie* 'annoyance' can be found in some examples, though are not fully acceptable. Some of them change their properties from one period to another.

The reason is that the syntactic position of the complement clause is different. Property nouns are derived from structures where the clausal argument is a subject. This is why, after nominalization, it must be assigned the genitive case. By contrast, nouns like ‘love’, ‘feeling’ and so on can be generalized. In this case, their object is not obligatory. Thus, case marking problem is not relevant for them. This is why subject complement clauses have the worst chance to be retained under nominalization.

3.6. Event proper vs. occurrence

I propose that the central parameter that may be responsible for the distribution of complement clauses is the opposition between names of situations in the proper sense and what I call ‘occurrences (names of occurrence)’. I call situation in the proper sense the event with its aspectual properties and participants but not specified for the number of occurrences and the number of participants involved. For instance, in (28) *ubijstvo* denotes a situation in the proper sense: it denotes simply the action that could take place more than once and involve several animals:

- (28) *Ix* *obvinjaj-ut* *v* *ubijstv-e* *životn-yx*.
 they.ACC accuse-PRS.3PL in killing-SG.LOC animal-PL.GEN
 ‘They are accused in killing animals.’

By contrast, if the object argument is omitted, the noun *ubijstvo* can only refer to one murder (one occurrence of the situation ‘kill’), not to the general process of killing. In (29), the subject carried out only one murder — otherwise, the plural form *ubijstva* would be chosen:

- (29) *Ego* *obvinjaj-ut* *v* *ubijstv-e*.
 he.ACC accuse-PRS.3PL in killing-SG.LOC
 ‘He is accused in a murder.’

I claim that names of occurrences in general have more chance to be compatible with complement clauses than names of the situation in the proper sense. For some lexemes, this parameter yields the same results as Grimshaw’s aspectual / syntactic classes. For instance, *oščuščenje* is both a result nominal and a name of occurrence (it can refer only to one feeling, not to feeling of multiple things). However, there are cases when the occurrence account is more productive — for instance, here belongs the nominal *priznanie* ‘recognition’.

When used with NP arguments, *priznanie* can refer to multiple acts of recognizing something:

- (30) *postojann-oe priznanie drugix vinovat-ymi*
 constant-N.SG.NOM recognition-SG.NOM other-PL.GEN guilty-PL.INS
 ‘constant regarding other people as guilty’

The same seems impossible with complement clauses. Examples like (31) always refer to one act of admitting something — (31) cannot be used if it refers to several people admitting one fact in different time:

- (31) *No èt-o ob"jasneni-e potrebu-et priznani-ja, čto*
 but this-N.SG.NOM explanation-SG.NOM require-PRS.3SG admitting-SG.GEN COMP
naš-a Vselenn-aja ne izotropn-a...
 our-F.SG.NOM universe-SG.NOM NEG isotropic-SHORT.F.SG

‘But this explanation will require that we admit that our universe is not isotropic.’ [Mikhail Vartburg. *Novosti iz sosednei Vselennoi* [News from the neighboring universe]. «Znanie — sila», 2010.

(<http://www.docme.ru/doc/83023>)

Note that *priznanie* is more problematic to be classified as a RN nominal in context like this: Result Nominals rarely occur in prospective / hypothetical context as one in (31).

The situation is more complicated with knowledge items *znanie* ‘knowledge’ and *ponimanie* ‘understanding’. It may seem that knowledge and understanding are indivisible to separate occurrences. However, it turns out that they have different combinational properties when used with NPs vs. complement clauses. With nominal arguments, they are often used as non-referential event denotations (e.g., as markers of situations proper):

- (32) *Znanie zakonov xarakterno dlja ljudej*
 knowledge-SG.NOM law-PL.GEN characteristic for people-PL.GEN
iz razvit-yx stran-Ø.
 from developed-PL.GEN country-PL.GEN

‘Knowledge of laws is characteristic of people from well-developed countries.’

By contrast, with complement clauses, nouns like *znanie* and *ponimanie* are mainly used referentially: they denote one situation. When we say something like *znanie, čto my proigraem* ‘the knowledge that we will lose’ we usually refer to one concrete situation when someone knows something, not a generalized one.

An interesting case is represented by the noun *dokazatel'stvo* 'proof', which is apparently used with complements that do not have the role of content. Moreover, these complements are not modifiers: the combination *eto dokazatel'stvo* refers either to one particular act of proving something that has already been mentioned or to the content of the proof (not to the object that has been proven. It can also hardly be said that *dokazatel'stvo* is a result noun: in example (33), it refers to the process of proving, not to the proof that is already finished:

- (33) *A dlja dokazatel'stv-a čto mne nikak ne men'she*
 and for proving-SG.GEN COMP I.DAT in.no.way NEG less

dvacat-i četyr-ex otrasti-l-Ø bačk-i.
 twenty-GEN four-GEN grow-PST-SG.M whisker-PL.ACC
 'For proving / to prove that I am not less than 24 I grew whiskers.'

The only feature that can favor the complement close is the fact that *dokazatel'stvo* is used here as a name of realization: it refers to one particular situation. In contexts like (34), *dokazatel'stvo* can only host NPs, not complement clauses:

- (34) *Dlja dokazatel'stv-a teorem-Ø často ispol'zuj-ut-sja lemm-y.*
 for proving-SG.GEN theorem-PL.GEN often use-PRS.3PL-REFL lemma-PL.NOM
 'For proving theorems, lemmas are often used.'

In (34), *dokazatel'stvo* refers to the general process of proving something, and this context disfavours complement clauses.

Importantly, the opposition of event proper vs. occurrence can account for the behaviour of property nouns that are hardly explicable by the Grimshaw's opposition. Nouns like *strannost'* 'strangeness' or *važnost'* 'importance' denote generalized properties (situations proper) and are not dividable into occurrences. By contrast, *vozmožnost'* 'possibility', *neobxodimost'* 'necessity', and, to a certain degree, *nevozmožnost'* 'impossibility' behave like occurrence names: *vozmožnost'* with a complement clause denotes only one definite possibility. Thus, the event proper vs. occurrence opposition seems to cover a broader range of phenomena than the Grimshaw's opposition.

4. Conclusions

In this article I considered parameters relevant for (in)ability of nominalizations to take complement clauses. It turned out that Grimshaw's parameter of aspectual / syntactic class (namely, complex event vs. result nominals) is often useful for Russian, but problematic for analysis of some nominals, especially groups of property nouns that do not behave uniformly in the relevant aspect.

Another parameter, namely, the opposition of argument vs. modifier complement clauses, accounts for another part of data. At the same time, it is problematic in another respect. We never know why a particular noun has a modifier vs. an argument: for instance, why is it impossible for the noun *ljubov'* 'love' to have a complement clause that modifies it and clarifies the nature of love.

The semantic ground of the syntactic opposition can be the semantic role. It is important if the clausal complement of the noun has the semantic role of content or another one. Content embedded clauses clarify the nature of the situation denoted by the embedded noun and do not represent an object existing separately from the main situation. This is why content nominals often behave syntactically as modifiers: they do not represent a component / participant of the main situation, but rather show what the nature of the main situation is. For instance, if we have the main situation 'possibility', the thing which is possible has not been realized — it just represents the content of possibility.

It turned out, however, that some nouns like *priznanie* and *dokazatel'stvo* violate the general tendency. They are compatible with complement clauses, though they can hardly be classified as pure result nouns and their complements do not necessarily have the role of content and are not necessary modifiers. I claimed that the key parameter can be the opposition of 'situation proper' vs. 'occurrence'. The thing is that some nominals denote the situation as it is, and it is irrelevant if it has been realized once or several times. Others denote one occurrence of the situation, and if it is necessary to speak of several occurrences of the situation, plural forms or other constructions are used. In my sample, names of one single occurrence of the situation have more chance to take complement clauses than nominals that designate the situation with no reference to the quantity of occurrences. This opposition is related both to Grimshaw's opposition of Complex event vs. Result nominals and to opposition of modifiers and real arguments.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ACC — accusative; COMP — complementizer; DAT — dative; F — feminine gender; FUT — future tense; GEN — genitive; INF — infinitive; INS — instrumental; LOC — locative; M — masculine gender; N — neutral gender; NEG — negation; NOM — nominative; PART — participle; PASS — passive voice; PL — plural; PRAEDIC — predicative (predicative adverbial); PRS — present tense; PST — past tense; REFL — reflexive; SG — singular; SHORT — short form of adjective.

References

- Apresyan 1966 — Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow: Nauka, 1966.
- Paducheva 1986 — Paducheva E.V. O referentsii yazykovykh vyrazhenii s nepredmetnym znacheniem [On the reference of phrases with abstract meaning]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*, Ser. 2, No 1.
- Paducheva 2009 — Paducheva E.V. Possessivy i imena sposoba deistviya [Possessives and names of manner of action]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Iss. 8 (15). Proceedings of “Dialog 2009”. P. 365–372.
- Pazelskaya 2006 — Pazelskaya A.G. *Nasledovanie glagol'nykh kategorii imenami situatsii: na materiale russkogo yazyka* [Inheritance of verbal categories by situational nouns (based on Russian data)]. Ph.D. thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2006.
- De Cuba 2017 — de Cuba C. Noun complement clauses as referential modifiers. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. Vol. 2(1) 3. DOI: <http://doi.org/10.5334/gjgl.53>
- Giorgi, Longobardi 1992 — Giorgi A., Longobardi G. *The syntax of noun phrases: Configuration, parameters and empty categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Kayne 2008 — Kayne R. Antisymmetry and the lexicon. *Linguistic Variation Yearbook*. 2008. Vol. 8. P. 1–31. DOI: <https://doi.org/10.1075/livy.8.01kay>.
- Kayne 2010 — Kayne R. 2010. Why isn't this a complementizer? Kayne R. (ed.). *Comparisons and contrasts*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 190–227.
- Knyazev 2014 — Knyazev M. Structural licensing of sentential complements: evidence from Russian noun-complement constructions. Avram L. (ed.). *Bucharest working papers in linguistics 2*. Bucharest University Press, 2014. P. 21–45.
- Krapova, Cinque 2015 — Krapova I., Cinque G. On noun clausal “complements” and their non-unitary nature. Ms. 2015.
- Noonan 2007 — Noonan M. Complementation. Shopen T. (ed.). *Language typology and syntactic description, Volume 2: Complex constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–150.
- Simeonova 2018 — Simeonova V. Flavors of predicate modification. To be published in Proceedings of CLS 54 Conference.
- Stowell 1981 — Stowell T. *Origins of phrase structure*. Doctoral thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1981.

Статья поступила в редакцию 22.11.2018

The article was received on 22.11.2018

Александр Борисович Летучий

кандидат филологических наук; доцент, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Alexander B. Letuchiy

Ph.D.; associate professor, National Research University Higher School of Economics

alexander.letuchiy@gmail.com

ПОЗИЦИЯ СЧЕТНОГО КОМПЛЕКСА В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

И. В. Неткачев

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

В индонезийском языке счетный комплекс может стоять как перед именем, так и после него. В настоящей работе показано, что позиция счетного комплекса определяется двумя факторами: референциальностью ИГ и информационной структурой предложения; информационная структура также мотивирует «плавание» числительных (quantifier float). Разные порядки имен и числительных внутри ИГ могут быть объяснены с помощью понятия «композициональной обязательности» (compositional obligatoriness).

Ключевые слова: индонезийский язык, числительные, плавающие кванторы, референциальность, информационная структура.

* Эта работа была написана под руководством Ю.А. Ландера — и ему я выражаю благодарность прежде всего. Я также благодарен всем тем, кто обсуждал со мной эту работу на разных этапах ее написания: М.А. Даниэлю, Полине Касьяновой, Марку Донохью, Полине Плешак, Полине Наследсковой и Алексею Козлову. Помимо этого, я очень благодарен Полине Наследсковой и Полине Плешак, которые нашли время полностью прочитать текст статьи и откомментировать его. И еще — спасибо моим информантам: Гири Маулана, Хани Чалиста и Аде Ирма Эльвира. Эта работа была представлена на постерной сессии международной летней школы “Areal Linguistics and Languages of Russia”, 11 октября 2018 г. в Москве; и на восьмой конференции «Типология морфосинтаксических параметров», также в Москве, 22 октября 2018 г. Спасибо аудитории за интересные и важные вопросы. Все ошибки на моей совести.

THE SYNTACTIC POSITION OF NUMERATIVE COMPLEX IN INDONESIAN*

Ivan Netkachev

National Research University Higher School of Economics

In Indonesian, numerative complex may either precede or follow the noun. In my work, I will show that two factors determine the position of the numerative complex: specificity and information structure. Information structure is also found to be significant for related constructions, i.e. those involving “floating” of numerals. I conclude that the position of numerals may be determined by compositional obligatoriness.

Keywords: Indonesian, numerals, quantifier float, specificity, information structure.

* This work would have never been written without comments and supervision of Yuri Lander, and my thanks go to him. Many thanks go to those people who have discussed this work with me and provided useful insights: Michael Daniel, Polina Kasyanova, Mark Donohue, Polina Pleshak, Polina Nasledskova, Alexey Kozlov; additional gratitudes go to Polina Nasledskova and Polina Pleshak, who have read the text of this paper and commented on it. I also thank my Indonesian consultants: Giri Maulana, Hani Calista and Ade Irma Elvira. This paper was presented at the poster session of International Summer School “Areal Linguistics and Languages of Russia” in Moscow, September 11, and also at the The 8th conference in the series “Typology of Morphosyntactic Parameters” in Moscow, October 22. I thank all the audiences for their questions. All mistakes are mine.

1. Introduction

Indonesian is a Malayo-Polynesian language (< Austronesian) spoken in Indonesia. This language is subject to a very high dialectal variation (see, e.g., [Paauw 2008] on the different dialects of Malay/Indonesian); in the present paper, I study literary, or standard Indonesian.

The major part of the data comes from texts found on the Internet: mostly from newspapers and blogs. Some examples were elicited: I used elicitation mainly to get negative grammaticality judgments. All of my consultants are native Indonesian speakers from Jakarta; they do not speak any other language of the area, yet they are fluent in English (and possibly Russian).

As it is noted in some grammars of Indonesian [Mintz 1994: 298; Ogloblin 2008: 157], in constructions with cardinal numerals, a numerative complex (NC, a combination of a numeral and a classifier¹) may either precede or follow the noun:

(1) **NC-N order**

<i>[dua</i>	<i>ekor]</i>	<i>kucing</i>
two	CLF	cat
‘two cats’		

(2) **N-NC order**

<i>kucing</i>	<i>[dua</i>	<i>ekor]</i>
cat	two	CLF
‘two cats’		

The difference in meaning between the two constructions remains unclear. In fact, this issue has not yet been studied in a concise way, although some works provide very useful insights. The present study aims to establish the semantic/pragmatic difference between the two possible word orders. I will also consider the closely related constructions, namely those which involve quantifier float.

In Austronesian languages of Central/Eastern Indonesia, numerals may have morphosyntactic properties of verbs [Klamer 2002; Donohue 2005]. In Indonesian, numerals can (i) be used predicatively and (ii) head relative clauses:

¹ The classifier is non-obligatory when the numerative complex precedes the noun, it is omitted in some examples.

(3) **Predicative use of numerals**

kue di meja lima potong
 cake in table five CLF

‘There are five slices of cake on the table.’, lit. ‘The cake on the table is five pieces.’ [Sneddon 1996: 234-235]

(4) **Numerals heading a relative clause**

anjing yang dua ekor itu
 dog REL two CLF this

‘These two dogs ...’, lit. ‘the dogs that are two’ (<https://www.kaskus.co.id/>)

These constructions are beyond the scope of my study, and I will only consider those examples where the numeral is NP-modifier/quantifier.

I will show that when the numerative complex (NC) is postposed, (i) the nominal is (at least preferably) non-specific and (ii) the NC is in focus (the focus can scope over the whole nominal, or over the whole VP). Further, I will argue that (iii) the “floating” of numerals out of the nominal is motivated by information structure, too: it occurs when the noun is topicalized, and the NC is in focus.

Section 2 is dedicated to the semantic/pragmatic difference between NC-N and N-NC constructions; in section 3, I discuss the floating of numerals in Indonesian. Section 4 provides a possible account for some of the facts observed, drawing upon the notion of compositional obligatoriness. Section 5 is a conclusion.

2. Semantics and pragmatics of the two orders of numerals and nouns

Let us quickly review the previous analyses of the constructions in question.

Hopper [1986: 317] suggests that in 19th century Malay the N-NC construction was used when the nominal is definite. He provides the following example:

(5) *maka ada pun mengerjakan lobang sa-buah itu*
 and be PTCL.FOC making hole one-CLF this

sampai lima enam hari
 take five six day

‘Indeed it took five or six days just to dig that one hole.’

[Hopper 1986: 317]

Yet this suggestion is problematic: this example comes from the text written in 1846, hence, it is not relevant for the study of contemporary Indonesian²; further, it seems that the data provided by Hopper are not sufficient to make any generalization.

Some very important insights are provided by Conklin [1981: 215-8]. She argues that the N-NC construction is used when the numerative complex is focalized (even though she does not use the term “focus”). The following two examples are given (the corresponding WH-questions are provided by Conklin):

(6) {What did you buy?}

saya membeli [_{FOC} *tiga buah keranjang*]
I buy three CLF basket

‘I bought three baskets.’ / ‘I bought three of the baskets.’

(7) {How many (baskets) did you buy?}

saya membeli keranjang [_{FOC} *tiga buah*]
I buy basket three CLF

‘I bought three baskets.’

As I am going to show below, this hypothesis is only partly true.

2.1. Specificity issue

In this section, I am going to show that the order of numerals and nouns is to quite an extent determined by the **specificity** of the nominal.

Following Lambrecht [1994: 80-81], I will draw upon the notion of identifiability to define specificity. Specific referents are identifiable to the speaker (and possibly to the hearer), while non-specific referents are not³.

NC-N is basic word order, and it is used most frequently. Apparently, it can occur in all the contexts, regardless of semantic/pragmatic factors (the relevant examples will be given below). N-NC word order occurs much more rarely.

² Early grammars of Malay suggest that N-NC is the neutral (and, hence, the most common) word order, while NC-N order is used when the numeral is “emphasized” ([Winstedt 1913: 131], cf. [Maxwell 1907: 70-71]; the short overview of the issue is given in [Blust 2013: 294]). As it will be shown below, it does not hold for the contemporary Indonesian.

³ Of course, there are other (more formal) definitions of specificity; see [von Heusinger 2011] for an overview.

N-NC word order is used primarily with non-specific nominals. Consider the examples (8-9): the nominal falls under the scope of a distributive operator, and, consequently, it is clearly non-specific⁴.

(8) **Distributive context: N is non-specific**

Penerima zakat produktif men-dapat ternak
receiver zakat productive ACT-get cattle

kambing tiga ekor per kepala keluarga.
goat three CLF per head family

‘The receivers of productive zakat get three goats per family head.’

(<https://www.republika.co.id/>)

(9) **Distributive context: N is non-specific**

Bagaimana Kelingking bisa menangkap kancil
how Kelingking can catch mouse.deer

dua ekor se-kali-an, padahal yang
two CLF one-time-ABSTR while REL

di-kejar-nya tadi hanya satu?
PASS.3-chase-POSS.3 now only one

‘How can Kelingking catch two mouse deer at once, while he’s now chasing only one?’ (<http://ceritarakyatnusantara.com/>)

In (10) the nominal *telur dua buah* ‘egg two CLF’ is non-specific, too: no “particular eggs” are meant.

(10) *Biasa-nya di-beri-kan telur dua buah.*
usual-POSS.3 PASS.3-give-TR egg two CLF

‘Usually, two eggs are given {to the crocodile}.’ (<http://www.kuebugis.com/>)

The same holds for (11):

(11) *Laki-laki tersebut akan di-denda babi tiga ekor <...>*
man~PL mentioned will PASS.3-fine pig three CLF

‘That man will be fined three pigs <...>’

(<http://www.pusat4.litbang.depkes.go.id/buku/2014/topo%20tawui.pdf>)

⁴ Apparently, (8) involves a participant-distributive operator, and (9) involves event-distributive operator in terms of Cable [2014: 574]. On the interaction of specificity and distributivity see [Tatevosov 2002: 92].

Yet sometimes one can find the examples of clearly specific nominals encoded by N-NC construction, for example:

(12) *Pada saat penangkapan, polisi juga meng-aman-kan*
 in moment arrest police too ACT-arrest-TR

sejumlah barang bukti yakni sapi tiga ekor,
 overall thing evidence namely cow three CLF

satu unit sepeda motor Yamaha Vixion,
 one unit bike motor Yamaha Vixion

dan uang tunai Rp 40 juta.
 and money cash rupiah forty million

‘In the moment of arrest, the police also arrested the following evidence: three cows, one motorbike Yamaha Vixion and 40 million rupiah in cash.’ (<https://beritasampit.co.id/>)

In (12), the referent *sapi tiga ekor* ‘cow three CLF’ is mentioned for the first time in the discourse; after this, it is only mentioned once, hence, one can conclude that this nominal is not prominent in the discourse. This is not unexpected: Givón [1983: 26] suggests that it is typical for languages to encode non-specific nouns and nouns of “lesser importance” in the same way.

The standard NC-N construction can be used to denote both specific and non-specific referents, see (13-14):

(13) **Distributive context: N is non-specific**

... *dengan per-kira-an rata-rata*
 with NMLZ-estimate-ABSTR average~PL

panen dua kucing per tahun
 population two cat per year

‘{There are about 1,000 Pallas cat hunters in Mongolia,} with an estimated annual harvest of two cats.’ (<https://id.wikipedia.org/>)

(14) **Definite nominal**

Namun tiga ekor sapi tersebut di-serahkan
 however three CLF cow mentioned PASS.3-hand.over

ke Polres Pulang Pisau
 to police.station Pulang Pisau

‘However, the three cows were handed over to the police station of Pulang Pisau.’ (<https://beritasampit.co.id/>)

2.2. Focus

Now let us return to the Conklin's suggestion: she argues that when the numerative complex is postnominal, it is focalized. Does focus really affect the order of numerals and nouns?

For the purposes of the present work, I will use the following definition of focus: focus of a statement is "that part of the utterance that answers the Question under Discussion" ([Clopper, Tonhauser 2011] after [Kroeger 2017]; cf. [Roberts 1996]).

In the following examples, Questions under Discussion will be recovered from the context.

Most often, when the N-NC construction is used, not only the numeral is focalized, but the whole nominal, or even the whole VP (so-called predicate focus, see [Lambrecht 1994]). This can be seen in examples (16-18). Examples (15-16) are in fact a question-answer pair, retrieved from a parallel Bible corpus [Christodouloupoulos, Steedman 2014].

(15) "Ada *berapa* *roti* *pada* *kalian?*"
 there.is how.many bread on you.all

tanya *Yesus* *kepada* *mereka.*
 ask Jesus to they

'And Jesus saith unto them, How many loaves have ye?' (Mt. 15:34)

(16) The whole nominal focalized

"*Tujuh,*" *jawab* *mereka,* "*dan* [_{FOC} *ikan* *kecil* *beberapa* *ekor*]"
 seven answer they and fish little some CLF

'And they said, Seven, and a few little fishes.'⁵ (Mt. 15:34)

(17) The whole nominal focalized

{What is usually given to the crocodile?}

Biasa-nya *di-beri-kan* [_{FOC} *telur* *dua* *buah*].
 usual-POSS.3 PASS.3-give-TR egg two CLF

'Usually, two eggs are given {to the crocodile}.'

(<http://www.kuebugis.com/>)

⁵ I assume that *ikan beberapa ekor* 'fish some CLF' is a numerative complex, although *beberapa* 'some' is, strictly speaking, not a numeral.

(18) **Predicate focus**

{What do they do?/What happens to them?}

Mereka bisa punya mobil, malah ada yang
they can have car even there.is REL

[_{FOC} *mendirikan rumah tiga buah dalam se-tahun*],
build house three CLF in one-year

dan sekaligus pula.
and at.once also

‘They can have a car, there are even those that build three houses a year, and all this at the same time.’ (<https://arifuddinli.blogspot.com/>)

Still, it is possible to find the examples where the numerical complex is focalized, while the noun is in topic. Look at the following example, which apparently involves some kind contrastive focus:

(19) **NC focalized**

Sedan dan Station Wagon memiliki lampu
Sedan and Station Wagon ACT:have headlight

depan [_{FOC} *bulat*] [_{FOC} *4 buah*], *sedangkan Hardtop*
front round 4 CLF while Hardtop

dengan lampu depan [_{FOC} *kotak*] [_{FOC} *2 buah*].
with headlight front box 2 CLF

‘Sedan and Station Wagon have **four round** front headlights, while Hardtop has **two box** front headlights.’ (<https://id.wikipedia.org/>)

So, it is true that the N-NC construction is often focalized. But the focus can scope not only over (i) numerative complex, but also over (ii) the whole noun phrase and (iii) the whole VP, so Conklin’s [1986] suggestion cannot be fully accepted.

2.3. Topicalising N-NC construction

According to Alsagoff [1993: ch.4], in Indonesian⁶ the initial argument is always topicalized. Further, Alsagoff argues that the initial argument must be

⁶ In fact, Alsagoff considers not Indonesian, but Malay language. The two languages are mutually intelligible and can be regarded as the dialects of one and the same language; some authors even “merge” the two languages for their purposes, cf. [Kroeger 2014]. I assume that Alsagoff’s suggestions hold for Indonesian language, too.

either specific or definite⁷. As we have already seen, the N-NC construction is used with (i) non-specific nominals and (ii) it usually falls under the scope of focus. Consequently, one would expect that it is impossible for N-NC construction to appear clause-initially, and this is in fact the case:

- (20) ??*teroris dua orang telah di-tahan hari ini*
 terrorist two CLF PST PASS.3-arrest day this
 Intended meaning: ‘Two terrorists have been arrested today.’

- (21) ??*saudara laki-laki dua orang akan pergi ke bioskop*
 sibling male~PL two CLF FUT go to cinema
 Intended meaning: ‘Two brothers will go to the cinema.’

Clearly, if N-NC word order was not associated with specificity and focus, it would be possible for such constructions to occur clause-initially, but it is not.

It is not yet clear which of the two factors – specificity or focus – is the most important one. For example, one could hypothesize that the NC in N-NC construction is focalized because non-specifics tend to be focalized; still, in this work, I will not pursue that issue.

2.4. NP-internal or NP-external?

As it will be discussed below, in Indonesian numerative complex may occur outside of the nominal (i.e. “to float”). Consequently, the N-NC construction as presented above can be analyzed in two ways:

- (22) *Biasa-nya di-beri-kan [_N telur [_{NC} dua buah]].*
 usual-POSS.3 PASS.3-give-TR egg two CLF
 ‘Usually, two eggs are given {to the crocodile}.’

- (23) *Biasa-nya di-beri-kan [_N telur] [_{NC} dua buah].*
 usual-POSS.3 PASS.3-give-TR egg two CLF
 ‘Usually, two eggs are given {to the crocodile}.’

How to decide, then, whether the numerative complex is NP-internal or NP-external in the examples that we have discussed?

⁷ It is well known that topicality normally implies definiteness, although this is not always so. See [Lyons 1999: 232-6] for discussion.

Some authors suggest that in Indonesian the demonstrative *itu* is the right-most element of the NP (see [Razak 1995]; cf. [McCune, Simin 1983: 82]⁸). Hence, one could suggest that it is possible to establish whether the NC is NP-internal or NP-external by using demonstrative:

(24) [_N *buaya* [_{NC} *dua ekor*] *itu*]
 crocodile two CLFt hat
 ‘the two crocodiles’

(25) {*muncul lagi*} [_N *buaya itu*] [_{NC} *dua ekor*]
 appear again crocodile that two CLF
 ‘the two crocodiles {appeared again}’

But the problem is that this would not really help us. B. Partee [Partee 1995a] *inter alia* assumes that non-restrictive modifiers are attached to fully fledged NPs:

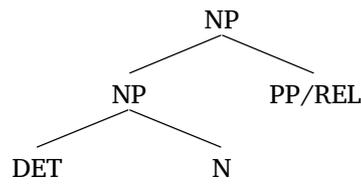

Figure 1. The structure of (English) noun phrase modified by a non-restrictive relative clause/PP [Partee 1995a: 320]

So the structure of (25) can also be as follows:

(25') [_N [_N *kucing itu*] [_{NC} *dua ekor*]]
 cat that two CLF
 ‘the two cats’

Consequently, *itu* cannot be used to verify whether the numerative complex is NP-internal or NP-external, and I could not find any other means to do it.

So, for now, it is unknown whether N-NC construction discussed above is a single phrase or a nominal followed by a floating quantifier.

3. Floated NCs

In Malayo-Polynesian languages numerals often “float” away from their nominal head. The floating of numerals is attested, e.g., in *Tukang Besi* [Donohue 1999: 110], *Nias* [Brown 2001], *Lamaholot* [Nishiyama, Kelen 2007: 39-42]. In Indo-

⁸ McCune and Simin [1983: 82] assume that the demonstrative *itu* is used to “clarify the closure of a heavy NP”.

nesian this construction is possible, too; but, rather impressionistically, I would suggest that in Indonesian, constructions with floating numerals are more peripheral (i.e. less frequent) than in (some) other Malayo-Polynesian languages. In Nias, for example, “disjoint quantifier phrases ... are, in fact, more frequent than phrases in which the numeral, classifier and noun occur together” [Brown 2001: 433].

[Conklin 1981] was the first work to provide the evidence of floating of numerals in Indonesian; she also attempted to describe the meaning of such constructions, but did it in a very brief and impressionistic way. The floating of numerals in Indonesian is also mentioned in [Jenks 2013a]. Still, the phenomenon has not yet been studied thoroughly.

Virtually, floating numerals may (i) be adjacent to the nominal over which they quantify and (ii) they may be floated to the right periphery of the clause, as in (26). In this work, I will only discuss the second case, since I did not manage to find enough data to study the first one.

(26) *Udang Purba itu Tinggal Dua Ekor*
 shrimp ancient that live two CLF

‘Only 2 (of those) shrimps are living.’ (<https://tulisan.reynoldsumayku.com/>)

Note that in (26), as well as in other examples given in this section, the floated numerals may be in fact outside of the clause.

It seems that the floating of numerals is motivated by information structure, since it only occurs in contexts where the numeral and the noun do not form a single information unit. As examples from texts suggest, floated numerals occur when the noun is topicalized, while the numerical expression is an answer to a QUD, i.e. while it is in focus⁹.

(27) {How many Sumatran Rhinos are left now?}

Kini, badak sumatera di Malaysia tinggal dua ekor.
 now rhino Sumatran in Malaysia live two CLF

‘Now, only two Sumatran rhinos are left.’ lit. ‘Only two Sumatran rhinos are living now.’ (<https://www.republika.co.id/>)

⁹ Apparently, when the numeral is floated to the right periphery of the clause, some kind of “exhaustive” interpretation arises: the quantity of rhinos in (27) can only be equal to two, not more. It may be an instance of so-called identificational focus [Kiss 1998]; yet that issue requires a special investigation.

Further, when floated rightwards, numerals often occur with focus particles *hanya* and *saja*:

(28) ... *dan pada tahun 1998 di-lapor-kan*
and in year 1998 PASS.3-report-TR

burung ini hanya tinggal enam ekor saja
bird this only live four CLF only

‘... and in 1998 it was reported that only four (of) these birds are living.’
(<http://ndobos.blogdrives.com/>)

(29) *teman datang ke pesta se-puluh orang saja*
friend come to party one-ten CLF only

‘Only ten friends (of mine) came to the party.’

A somewhat similar picture can be seen in Thai and Burmese [Jenks 2013b; Simpson 2011]; the numeral is floated when it is focalized, the noun being familiar to speaker and hearer.

(30) Burmese

{How many bungalows are free?}

bangalo kò wàng yùu sóng-sám-láng

bungalow PRT vacant ASP 2/3-CLF

‘Two or three of the bungalows are free.’

[Simpson 2011: 135] (the QUD is reconstructed by me)

Note that, apparently, in all the contexts where the noun is topicalized and the numeral is in focus the standard NC-N construction can be employed (yet some additional investigation is required):

(31) {How many bears did you kill this time?}

kali ini saya membunuh [FOC tiga] beruang

time this I kill three bear

‘This time I killed three bears.’

4. Headedness in constructions with numerals

Since Indonesian is a right-branching language, it is tempting to suppose that the numerals are heads in standard NC-N construction and dependents in non-standard N-NC construction. But how one could account for this?

According to [Lander, Tyshkevich 2015: 195], “there are two sources of the syntactic headedness effects, namely the relevance and the **compositional obligatoriness**”. Compositional obligatoriness “may be thought ... to be a matter of connecting an expression to its immediate context” ([Lander 2009]; cf. [Partee 1995b]). For example, in this line of reasoning, determiners (*a, the, most* etc.) are compositionally obligatory, since they define the reference of the noun.

I suggest that the head properties of the numerative complex in NC-N construction are due to the fact that in such constructions numerals are determiner-like: they (can) restrict the reference of the noun, and hence NC-N constructions may be used with definite referents. In N-NC construction, numerals are not determiner-like: they do not affect the reference of the noun, and, consequently, the noun is (most commonly) non-specific.

(Of course, all this reasoning makes sense only if we assume that numerals in N-NC construction are NP-internal).

The example (32) seem to support the hypothesis I have put forward:

(32) *Setelah itu* [_{FOC} *Kartini* *meng-angkat* *Mala*
 after that Kartini ACT-take.away Mala

dan tidak lama muncul lagi buaya itu dua ekor],
 and NEG longtime appear again crocodile that two CLF

satu-nya ukuran kecil dan satu-nya ukuran besar hitam panjang.
 one-POSS.3 size little and one-POSS.3 size big black long

‘After that Kartini took away Mala, and the two crocodiles appeared: one was small and the other was big, long and black.’

(<https://nasional.republika.co.id/>)

Possibly, in this example we have not a noun followed by the floated numeral, but a noun phrase modified by a non-restrictive NC. *dua ekor* ‘two CLF’ is clearly non-restrictive since the reference has already been established in the previous discourse. If so, the NC here is not compositionally obligatory, and this could explain the fact that it occurs on the right side of the noun.

5. Conclusion

It has been shown that (i) the standard NC-N construction can be used to denote all kinds of referents (specific/non-specific); apparently, it is not sensible to the information structure of the sentence and can be used in any context.

(ii) N-NC construction is (primarily) used to denote non-specifics; this construction also implies that the numeral/the nominal/the VP is focalized. (iii) the numeral may be floated out of the nominal; the floating of numerals is motivated by information structure: it occurs when the NC is in focus, and the noun is topicalized. (iv) in standard NC-N construction numerals (possibly) head the nominal; the headedness effect may be due to the fact that in NC-N constructions the numerals are determiner-like, and hence compositionally obligatory.

My study showed that the existing treatments of the subject [Hopper 1986: 317, Conklin 1981: 215-8] are not (fully) consistent with the actual data. Still, there are many questions yet to be answered. The most important ones are: how to establish NP constituency in Indonesian? how to establish whether – in some contexts – the NC is a floating quantifier adjacent to the noun or a non-restrictive modifier? which factor is more important for the ordering of nouns and numerals – specificity or information structure? Hopefully, they will be answered in subsequent work.

Abbreviations

2/3 — second/third person; 3 — third person; ABSTR — abstract; ACT — active voice; ASP — aspect; CLF — classifier; FOC — focus; FUT — future tense; NEG — negation; NMLZ — nominalization; PASS — passive voice; PL — plural; POSS — possessive; PST — past tense; PTCL — particle; REL — relative pronoun; TR — transitive.

References

- Alsagoff 1993 — Alsagoff L.S. Topic in Malay: The other subject. Ph.D. thesis. Stanford University, 1993.
- Brown 2001 — Brown L. A grammar of Nias Selatan. Ph.D. thesis. University of Sydney, 2001.
- Blust 2013 — Blust R. The Austronesian languages: Revised edition. Canberra: Pacific Linguistics, 2009.
- Christodouloupoulos, Steedman 2014 — Christodouloupoulos C., Steedman M. A massively parallel corpus: The Bible in 100 languages. *Language Resources and Evaluation*. 2015. Vol. 49. No. 2. P. 375–395.
- Cable 2014 — Cable S. Distributive numerals and distance distributivity in Tlingit (and beyond). *Language*. 2014. Vol. 90. No. 3. P. 562–606.
- Conklin 1981 — Conklin N.F. The semantics and syntax in numeral classification in Tai and Austronesian. Ph.D. thesis. University of Michigan, 1981.
- Clopper, Tonhauser 2011 — Clopper C.G., Tonhauser J. On the prosodic coding of focus in Paraguayan Guaraní. Washburn M.B., McKinney-Bock K., Varis E., Sawyer A., Tomaszewicz B. (eds.). *Proceedings of the 28th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2011. P. 249–257.
- Donohue 1999 — Donohue M. A Grammar of *Tukang Besi*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.

- Donohue 2005 — Donohue M. Numerals and their position in Universal Grammar. *Journal of Universal Language*. 2005. Vol. 6. P. 1–37.
- Givón 1983 — Givón T. 1983. Topic continuity in discourse: An introduction. Givón T. (ed.). *Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1983. P. 1–43.
- Hopper 1986 — Hopper P. Some discourse functions of classifiers in Malay. Craig C.G. (ed.). *Noun classes and categorization: Proceedings of a symposium on categorization and noun classification*. Amsterdam: John Benjamins, 1986. P. 309–325.
- von Heusinger 2011 — von Heusinger K. Specificity. Maienborn C., von Heusinger K., Portner P. (eds). *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. Vol. 2. P. 1024–1057.
- Jenks 2013a — Jenks P. Accounting for a generalization about quantifier float and word order in classifier languages. Paper presented at the 23rd annual meeting of the Southeast Asian linguistics society (SEALS23). Bangkok, May 29–31, 2013.
- Jenks 2013b — Jenks P. Quantifier float, focus, and scope in Thai. *Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. 2013. Vol. 39. No. 1. P. 90–107.
- Kiss 1998 — Kiss K. E. Identificational focus versus information focus. *Language*. 1998. Vol. 74. No. 4. P. 245–274.
- Klamer 2002 — Klamer M. Typical features of Austronesian languages in central/eastern Indonesia. *Oceanic Linguistics*. 2002. Vol. 41. No. 2. P. 363–383.
- Kroeger 2014 — Kroeger P. External negation in Malay/Indonesian. *Language*. 2014. Vol. 90. No. 1. P. 137–184.
- Kroeger 2017 — Kroeger P. Basic concepts in information structure: Topic, focus, and contrast. *GIALens*. 2017. Vol. 11. No 1.
- Lambrecht, K. 1994. *Information structure and sentence form: A theory of topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge/New York: Cambridge University Press, 1994.
- Lander 2009 — Lander Yu. Western Indonesian pronominal modifiers and compositional obligatoriness. Kasevich V.B., Vydrin V.F., Lander Yu.A., Shakhbieva M.Kh. (eds). VIII Mezhdunarodnaya konferentsiya po yazykam Dal'nego Vostoka, Yugo-Vostochnoi Azii i Zapadnoi Afriki (Moskva, 22-24.09.2009): tezisy i doklady. Moscow: Kluch-C, 2009. P. 242–257.
- Lander, Tyshkevich 2015 — Lander Yu., Tyshkevich N. True, liminal and fake prototypes in syntactic typology. Lyutikova E.A., Zimmerling A.V., Konoshenko M.B. (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2015»* [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”]. Iss. 2. Moscow: Moscow State University of Education, 2015. P. 185–199.
- Lyons 1999 — Lyons Ch. *Definiteness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Maxwell 1907 — Maxwell W.E. *A manual of the Malay language, with an introductory sketch of the Sanskrit element in Malay*. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1907.
- McCune, Simin 1983 — McCune K., Simin A.M. Anaphoric markers in Indonesian texts. Halim A., Carrington L., Wurm S. (eds). *Papers from the Third International Conference on Austronesian Linguistics*. Vol. 4: Thematic Variation. Canberra: Pacific Linguistics C-77, 1983. P. 71–100.
- Mintz 1994 — Mintz M.W. *A Student's Grammar of Malay and Indonesian*. Singapore: EPB publishers, 1994.
- Nishiyama, Kelen 2007 — Nishiyama K., Kelen H. *A grammar of Lamaholot, Eastern Indonesia: The morphology and syntax of the Lewoingu dialect*. München: Lincom Europa, 2007.

- Ogloblin 2008 — Ogloblin A.K. Grammatika indoneziiskogo literaturnogo yazyka [Grammar of standard Indonesian]. Saint Petersburg: Izd. SPbGU, 2008.
- Partee 1995a — Partee B.H. Lexical semantics and compositionality. Gleitman L.R., Liberman M. (eds). An invitation to cognitive science: Language. Vol. 1. Cambridge/Massachusetts: A Bradford Book/The MIT Press, 1995. P. 311–361.
- Partee 1995b — Partee B.H. Quantificational structures and compositionality. Bach E., Jelinek E., Kratzer A., Partee B.H. (eds). Quantification in natural languages. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 543–601.
- Paauw 2009 — Paauw S.H. The Malay contact varieties of eastern Indonesia: A typological comparison. Ph.D. thesis. State University of New York at Buffalo, 2009.
- Razak 1995 — Razak R. The syntax and semantics of quantification in Malay — a government and binding approach. Ph.D. thesis. University Sanis Malaysia, 1995.
- Roberts 1996 — Roberts C. Information structure in discourse: Towards an integrated formal theory of pragmatics. OSU Working Papers in Linguistics. 1996. Vol. 49. P. 91–136.
- Simpson 2011 — Simpson A. Floating quantifiers in Burmese and Thai. Journal of the South-east Asian Linguistics Society. 2011. Vol. 4. No. 1. P. 115–146.
- Sneddon 1996 — Sneddon J.N. Indonesian: A comprehensive grammar. London/New York: Routledge, 1996.
- Tatevosov 2002 — Tatevosov S.G. Semantika sostavlyayushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova [Noun phrase semantics: Universal quantifiers]. Moscow: Nasledie, 2002.
- Winstedt 1913 — Winstedt R. Malay grammar. Oxford: Clarendon Press, 1913.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Иван Валерьевич Неткачев

студент 3-го курса бакалавриата, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Ivan V. Netkachev

3rd year B.A. student, National Research University Higher School of Economics

netkachev.hum@gmail.com

**ДВЕ КЛАУЗЫ В ОДНОМ СЛОВЕ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ
МОРФОЛОГИЧЕСКИ СВЯЗАННОЙ КОМПЛЕМЕНТАЦИИ***

А. Б. Панова

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Морфологически связанная комплементация — это конструкция, в которой матричный предикат и вершина его сентенциального актанта составляют одну морфологически слитную глагольную словоформу, однако сохраняют свою синтаксическую и семантическую независимость. В настоящей статье, во-первых, рассматриваются основные признаки этого типа подчинения в разных языках; во-вторых, обсуждается, где можно ожидать такие морфологически и синтаксически необычные конструкции, и какие свойства языковых систем способствуют их появлению.

Ключевые слова: морфологически связанная комплементация, морфологизация, фузия клауз, грамматикализация, лингвистическая типология.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 18-05-0014) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Автор благодарен всем работавшим с ним носителям абазинского языка, особенно З. М. Чуковой, за помощь и терпение, участникам конференции ТМП 2018 за ценные комментарии и замечания. Особую благодарность автор выражает П. М. Аркадьеву и Т. А. Майсаку, которые руководили данным исследованием и помогали на всех этапах работы.

**TWO CLAUSES IN A SINGLE WORD:
PRELIMINARY TYPOLOGY
OF MORPHOLOGICALLY BOUND COMPLEMENTATION***

Anastasia Panova

National Research University Higher School of Economics

Morphologically bound complementation is a construction where a matrix predicate and the head of its sentential complement constitute a single verb morphologically but retain their syntactic and semantic independence. In this article I consider the main features of this type of subordination in different languages and then discuss where such morphologically and syntactically peculiar constructions can be expected, and which properties of linguistic systems facilitate it.

Keywords: morphologically bound complementation, morphologization, clause fusion, grammaticalization, linguistic typology.

* This article was prepared as part of a project (№ 18-05-0014) realized through ‘The National Research University — Higher School of Economics’ Academic Fund Program in 2018 and financed through the Russian Academic Excellence Project ‘5-100’. I wish to thank all my consultants and in particular Zalina Chukova for their time and patience, participants of the conference TMP 2018 for their comments and remarks. I am especially grateful to Peter Arkadiev and Timur Maisak who supervised this research and helped a lot.

1. Введение

Статья посвящена морфологически связанной комплементации¹, то есть таким полипредикативным конструкциям, в которых матричный предикат и вершинный предикат его сентенциального актанта, сохраняя каждый свою синтаксическую и семантическую автономность, кодируются как одна морфологически цельная словоформа. В качестве примера ниже приведена конструкция в абазинском языке, содержащая матричный глагол *зəʃ'a* ‘думать, казаться’ и морфологически слитный с ним сентенциальный актант:

(1) абазинский, абхазо-адыгские

[*awəj d-ʃa-j-wa*]-*zə-w-ʃ'-əj-t*²

DEM 3SG.N.ABS-DIR-идти-IPF-LOC-2SG.M.IO-казаться-PRS-DCL

‘Тебе кажется, что он идёт сюда.’

В рамках настоящего исследования морфологически связанная комплементация анализируется как особый тип подчинения, и на типологическом материале выделяются его основные признаки.

2. Материал

Подходящим материалом для типологического обзора морфологически связанной комплементации могли служить только те конструкции, для которых в литературе описаны одновременно свойства биклаузальности и морфологической слитности, либо (в случае абазинского языка) необходимые доказательства этих свойств получены автором в поле.

В выборке присутствуют конструкции с матричными предикатами разных семантических типов [Givón 1980]:

- манипулятивные (‘заставлять’, ‘приказывать’ и т.д.)

(2) японский [Tsuji-mura 1996: 261-262, цит. по Алпатов и др. 2008: 141]

Naŋaoya ga Taroo ni hon o yom-ase-ta

мать NOM Таро DAT книга ACC читать-CAUS-PST

‘Мать сделала так, чтобы Таро читал книгу.’

¹ Термин ‘morphologically bound complementation’ введён в [Maisak 2016: 837-838].

² Здесь и далее примеры без указания источника — полевые материалы автора, собранные в 2017-2018 гг. в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского района Республики Карачаево-Черкесия.

- модально-аспектуальные ('хотеть', 'начинать' и т.д.)

(3) яки, юто-ацтекские [Escalante 1990: 70]

Peo [Maria-ta bwiik]-'ii'aa

Пео [Мария-ACC петь]-DES

'Пео хочет, чтобы Мария пела.'

- предикаты восприятия, мысли и речи ('думать', 'видеть', 'знать', 'говорить' и т.д.)

(4) юпик, эскимосско-алеутские [Miyaoka 2012: 1143]

[arna-t tekic]-uk-ai angut-e-m

женщина-ABS.PL приезжать-думать-IND.3SG.PL мужчина-EV-ERG.SG

'Мужчина думает, что женщины приехали.'

Распределение типов матричных предикатов в исследованных языках представлено в таблице 1.

Таблица 1. Матричные глаголы в морфологически связанной комплементации.

языки ³	манипулятивные	модально-аспектуальные	восприятия, мысли и речи
абазинский (абхазо-адыгские)	(заставлять) ⁴		думать
агульский и арчинский (нахско-дагестанские)			проверять, говорить
карачаево-балкарский (тюркские)	заставлять		
мамаинде (намбикварские)		хотеть, пытаться	ошибочно предполагать
нивхский	(заставлять)	хотеть, бояться, заканчивать, ...	знать, слышать, помнить, ...
юпик (эскимосско-алеутские)	заставлять, просить		думать, говорить, не знать, ждать
яки (юто-ацтекские)	заставлять, приказывать, ...	хотеть, начинать, намереваться, ...	видеть, слышать, ...
японский	заставлять	хотеть	

³ Автор признателен за помощь в поиске языков П. М. Аркадьеву, А. Ю. Бугаевой, А. И. Виняру и М. А. Даниэлю.

⁴ В нивхском и абазинском языках существует морфологический каузатив, однако он образуется не по модели морфологически связанной комплементации, и аргументов в пользу его биклаузальности либо нет, либо недостаточно.

В литературе проблема биклаузальности морфологически слитной словоформы лучше всего описана для конструкций с манипулятивными предикатами, т.е. для морфологических каузативов, см. [Лютикова и др. 2006: 131–136] для карачаево-балкарского, [Алпатов и др. 2008: 143–150] для японского, [Çetinoğlu et al. 2009] для турецкого, [Say 2013: 269–272] для калмыцкого. В этих работах предлагаются тесты на определение биклаузальной структуры словоформы, часть из которых представлена в разделе 4.

3. Признаки морфологической слитности матричного и вложенного предикатов

В данном разделе будут кратко описаны признаки, указывающие на морфологическое единство словоформы. Каждый из признаков показан на примерах из того языка, где этот признак является определяющим.

3.1. Сингармонизм, внутренние сандхи

В нивхском языке единство словоформы определяется фонологическими чередованиями, и инкорпорация вершины сентенциального актанта вызывает те же фонологические изменения, что инкорпорация имени, ср. [Mattissen 2003]. В примерах (5a) и (5b) видно, что при инкорпорации имени в глагол ‘радоваться’ изменился первый согласный основы ($z > s$); то же самое чередование представлено и в примере (5c), где произошла инкорпорация вершины сентенциального актанта.

(5) нивхский [Nedjalkov, Otaina 2013: 204]

a. *ñi e-zmu-ɖ*
я 3SG-радоваться-IND/NML
‘Я люблю это/его; Я радуюсь.’

b. *ñi p'-ətək-smo-ɖ*
я RFL-отец-радоваться-IND/NML
‘Я люблю своего отца.’

c. *ñi parvət-ŋan*
я быть.вечером-CVB:ANT/SIM

[*tiv-ux nən-ɖ*]-*smo-ɖ*
дорога-ЛОСТ/ABL гулять-IND/NML-радоваться-IND/NML
‘По вечерам я люблю гулять вдоль дороги.’

3.2. Цельнооформленность

В абазинском языке глагольное отрицание выражается префиксом *g'*- и суффиксом *-m*. Обычно при отрицании внешней клаузы они появляются только на матричном глаголе (6а), однако в конструкции с *zəš'a* 'казаться' префикс *g'*- присоединяется к вложенному предикату, а суффикс *-m* — к матричному, тем самым аффиксы оформляют целиком всю словоформу.

(6) абазинский

a. *sara* [d-ʕa-j-ta] *g'-qa-s-ç-wə-m*
 я 3SG.H.ABS-DIR-идти-ADV NEG.EMP-LOC-1SG.ERG-верить-IPF-NEG
 'Я не верю, что он пришёл.'

b. [awəj d-g'-ʕa-j]-zə-s-š'-wə-m
 DEM 3SG.H.ABS-NEG.EMP-DIR-идти-LOC-1SG.IO-казаться-IPF-NEG
 'Мне не кажется, что он пришёл.'

Так же релятивный префикс *an(ə)*- 'когда' обычно присоединяется к матричному глаголу (7а), но в конструкции с *zəš'a* он появляется среди префиксов вложенного предиката (7b).

(7) абазинский

a. [d-ʕa-j-ta] *anə-z-ba*
 3SG.H.ABS-DIR-идти-ADV REL.TMP-1SG.ERG-видеть
s-maçawa *s-a-la-ga-ṭ*
 1SG.ABS-готовить-IPF 3SG.H.ABS-3SG.N.IO-LOC-начинать-DCL
 'Когда я увидела, что он пришёл, я начала готовить.'

b. [d-an-ʕa-j]-zə-s-š'a
 3SG.H.ABS-REL.MNR-DIR-идти-LOC-1SG.IO-казаться
s-maçawa *d-a-la-ga-ṭ*
 1SG.ABS-готовить-IPF 3SG.H.ABS-3SG.N.IO-LOC-начинать-DCL
 'Когда мне показалось, что он пришёл, я начала готовить.'

Таким образом, в абазинском морфологическое слияние конструкции с *zəš'a* проявляется в том, что аффиксы, маркирующие некоторые морфосинтаксические операции, присоединяются не к модифицируемому ими предикату, а к конструкции целиком.

3.3. (Не)прозрачность происхождения

Морфологически связанный матричный предикат может синхронно не иметь очевидного лексического источника (такое часто бывает с каузативами, ср. тюркские каузативные суффиксы), либо сильно от него отличаться. Например, показатель верификатива *-кш-* ‘проверять’ в арчинском языке восходит к глаголу *акш* ‘видеть’ [Daniel 2006, Даниэль, Майсак 2014; Chumakina in press]. Как видно из примеров (8)-(9), глагол изменил свою фонологическую форму, семантику и даже модель управления: в примере (8) субъект глагола *daksh* в дативе, в (9) субъект показателя *-кш-* ‘проверять’ в эргативе.

(8) арчинский [Chumakina in press: 13]

Rasul-li-s *Ajša* *d-aksh*
 Расул(1)-OBL.SG-DAT Айша(II)[SG.ABS] II.SG-видеть.PFV
 ‘Расул видел Айшу.’

(9) арчинский [Даниэль, Майсак 2014: 394]

[tu-w-mi *baʔkʰ* *bu-lʰu-r]-ksh-qi* *zari*
 тот-1-ERG баран 3-резать-IPF.Q-VERIF-FUT я.ERG
 ‘Я проверю, зарежет ли он барана.’

4. Признаки биклаузальности словоформы

Представленные в этом разделе тесты на разграничение моноклаузальных и биклаузальных структур распределены на две группы. В 4.1 обсуждаются тесты, имеющие отношение к аргументной структуре предикатов и таким образом затрагивающие синтаксис конструкции. В 4.2 собраны тесты на возможность отдельной модификации главной и зависимой клауз, и эти тесты могут рассматриваться как имеющие отношение скорее к семантическому разграничению событий, обозначаемых предикатами.

4.1. Аргументная структура

В биклаузальных конструкциях с сентенциальными актантами матричный предикат должен иметь свою собственную аргументную структуру [Schmidtke-Bode 2014: 27-28] (т.е., например, падежное маркирование его актантов не должно определяться вложенным предикатом).

4.1.1. Наличие субъектов и их маркирование

Когда аргументные структуры двух предикатов абсолютно независимы, субъекты матричной и вложенной клауз могут быть оформлены одним и тем же падежом, ср. два эргатива в (10).

(10) агульский [Даниэль, Майсак 2014: 379]

zun [me k'ež na lik'.i-f-e-j]-čuk'.a-a
 я(ERG) DEM письмо кто(ERG) писать.PF-S-COP-CVB-VERIF.IPF-PRS
 'Я проверяю, кто писал это письмо.'

Чуть хуже в отношении этого критерия ведут себя конструкции, в которых субъект вложенной клаузы входит в аргументную структуру матричного предиката, ср. субъект переходного глагола в аллативе в (11).

(11) юпик [Miyaoaka 2008: 152]

anngar-ma panig-minun atur-ute-sqe-a-i
 старший.брат-1SG/3SG.ERG дочь-3R.SG/3SG.ALL петь-BEN-просить-IND.TR-3SG/3PL
 'Мой старший брат (ERG) попросил свою дочь (ALL) спеть для них (ABS).'

Ещё сложнее говорить о независимости аргументной структуры вложенного предиката, когда субъект вложенной клаузы в принципе не выражается, например, в случае фазовых предикатов (12).

(12) яки [Tubino Blanco et al. 2014: 7]

Santos i'an huubwa [hippon]-naate-k
 Сантос сейчас только играть-начинать-PRF
 'Сантос сейчас только начинает играть.'

4.1.2. Логофорические местоимения

Если в языке есть логофорические местоимения, они могут служить для определения количества клауз. Поскольку логофорические местоимения в нахско-дагестанских языках не могут быть использованы в независимой клаузе, их появление всегда будет указывать на биклаузальность конструкции, ср. (13).

(13) арчинский [Chumakina in press: 7]

buwa-tu [inž d-aʀc'a-r-t'o]-r
 мать(II)-SG.ERG LOGOPH.SG.ABS I.SG-IPF>заполнять-IPF-NEG-REP
 'Мама_i говорит, что она_i не наелась (т.е. ещё голодная).'

4.1.3. Рефлексивы

Возможность связывать рефлексивы — стандартный тест на статус подлежащего [Тестелец 2001: 325-326], таким образом, если в конструкции рефлексив может быть связан и субъектом главной клаузы, и субъектом зависимой клаузы, с точки зрения этого параметра конструкция содержит два субъекта, даже если они маркированы по-разному, как в языке яки. В (14а) рефлексив связан субъектом вложенной клаузы, а для указания на кореферентность субъекту матричной клаузы, используется местоименная клитика 3 лица (14b).

(14) яки [Haugen et al. 2009: 87-88]

a. *Heidi*₁ [*Art-ta*₂ *au*^{*1/2} *sua*]-*mahta*
 Хайди:НОМ Арт-АСС 3SG.RFL заботиться-учить
 ‘Хайди учит Арта заботиться о себе/*о ней.’

b. *Heidi*₁ [*Art-ta*₂ *aa*_{1/*2} = *sua*]-*mahta*
 Хайди:НОМ Арт-АСС 3SG = заботиться-учить
 ‘Хайди учит Арта заботиться о ней/*о себе.’

4.2. Модификаторы

В конструкции, обозначающей два отдельных друг от друга события, каждая из клауз должна независимо модифицироваться различными операторами. В 4.2.1 отдельно рассматривается отрицание, далее идут другие модификаторы: они могут быть как самостоятельными словами — обстоятельствами (4.2.2), так и аффиксами (4.2.3).

4.2.1. Отрицание

Возможность отдельного отрицания клауз предлагается как основной критерий для разграничения моно- и биклаузальных конструкций в [Haspelmath 2016: 298-301]. При этом примеры, которые приводят авторы описаний, говоря о отдельном отрицании, бывают двух типов. Во-первых, однозначная трактовка сферы действия показателя отрицания может достигаться за счет морфологических средств, как в агульском: в (15а) внешнее отрицание следует из отрицательной формы копулы, в (15b) внутреннее отрицание образуется путем присоединения отрицательного префикса к вложенному предикату.

(15) агульский [Даниэль, Майсак 2014: 379-380]

a. *zun* [gi dars-ar ruχ.u-naj]-čuk'.a-s-tawa
я(ERG) DEM(ERG) урок-PL учить.PFV-PRF-VERIF.IPF-INF-COP:NEG

[uč.i-n dad.a ruχ.u-naj]-čuk'.u-raj
сам-GEN отец(ERG) учить.PFV-PRF-VERIF.PFV-JUSS

‘Я не буду проверять, выучил ли он уроки, пусть его отец проверяет (выучил ли)!’ (отрицание > верификатив)

b. [gada.ji dars-ar ruχ.u-naj]-čuk'
парень(ERG) урок-PL учить.PFV-PRF-VERIF(IMP)

[da-ruχ.u-naj]-čuk'
NEG-учить.PFV-PRF-VERIF(IMP)

‘Выясни, выучил мальчик уроки или не выучил.’ (верификатив > отрицание)

Во-вторых, раздельное отрицание считается возможным, когда у одного и того же предложения, содержащего показатель отрицания, возникает несколько интерпретаций. Например, в карачаево-балкарском языке предложения с дистантным морфологическим каузативом могут иметь до трех интерпретаций (16): 1) отрицание обоих событий сразу, 2) отрицание только главной клаузы (ситуации каузации), 3) отрицание только вложенной клаузы (каузируемой ситуации).

(16) карачаево-балкарский [Лютикова и др. 2006: 132]

ata-si [alim-ge cap]-tir-ma-di
отец-3 Алим-DAT бегать-CAUS-NEG-PST.3SG

1. ‘Отец не заставил Алима бегать {Алим не бегал}.’
2. ‘Отец не заставлял Алима бегать
{Алим бегал по собственному желанию}.’
3. ‘Отец заставил Алима не бегать.’

4.2.2. Обстоятельства

Неоднозначность референции обстоятельств может разрешаться порядком слов, как в абазинском (17), либо также ожидается несколько интерпретаций, как в японском (18).

(17) абазинский

sara acə [wara waχ'čʷa χabajz
я вчера ты сегодня Хабез

wə-c-wə-š]-z-s-š'-wə-n

2SG.M.ABS-идти-IPF-FUT-LOC-1SG.IO-казаться-IPF-PST

‘Я вчера думал, что ты сегодня пойдёшь в Хабез.’

(18) японский [Shibatani 1976: 245, цит. по Алпатов и др. 2008: 147]

Taroo wa Hanako o roku-ji ni oki-sase-ta
Таро TOP Ханакo ACC шесть-час DAT проснуться-CAUS-PST

1. ‘Таро разбудил Ханакo в 6 часов.’

2. ‘Таро сделал так, чтобы Ханакo проснулась в 6 часов.’

4.2.3. Аффиксы

Показатели ТАМ, а также различные деривационные аффиксы могут относиться как ко всей конструкции, так и только к одному из предикатов. Однозначная трактовка сферы действия этих операторов следует из позиции аффиксов в словоформе. Например, в (19) показатель *-qa-* ‘только’ и показатель прошедшего времени *-llru-* модифицируют исключительно вложенный предикат.

(19) юпик [Miyaoka 2008: 152]

pissur-ni-qa-llru-yuk-aqa arna-mun angun
идти.охотиться-говорить-только-PST-думать-IND.1SG.3SG женщина-ALL.SG мужчина.ABS.SG

‘Я думаю, женщина кратко упомянула, что мужчина пошёл охотиться.’

Также вложенный предикат может присоединять личные аффиксы, индексирующие только его актаны, ср. аффиксы, индексирующие непрямой объект в (20).

(20) мамаинде [Eberhard 2009: 423]

[ta-ʔeh-tu tu-ka-na]-sitoh-ta-lat^ha-Ø-wa
PS1-топор-FNS получить-ОBL-O2-хотеть-O1-S3-PRS-DCL

‘Мне хочется забрать у тебя свой топор (обратно).’

В литературе упоминаются также тесты на пассивизацию, эллипсис, единицы отрицательной полярности, контроль и др., однако эти тесты практически не отражены в описаниях морфологически связанных конструкций в рассматриваемых языках.

5. Обсуждение

Признаки биклаузальности, которые в первую очередь отмечались для морфологических каузативов, так же или даже в большей степени характерны для конструкций, где в качестве аффикса выступают матричные предикаты других семантических типов. Таким образом, вместе с морфологическими каузативами они образуют тип полипредикации, в котором в качестве матричного могут выступать предикаты, находящиеся в любом месте “шкалы связанности” Т. Гивона [Givón 1980].

5.1. Признаки морфологически связанных конструкций с синтаксическими актантами

Результаты применения тестов на биклаузальность и морфологическую слитность представлены в таблице 2.

Таблица 2. Тесты на морфологически связанную комплементацию.

№	Тип теста	Тест	Абазинский	Агульский	Арчинский	Карачаево-балкарский	Мамаинде	Яки	Нивхский	Юпик	Японский
1	аргументная структура	Маркирование аргументов	+	+	+	+/-	+	+/-	+	+/-	+/-
2		Контроль связывания				+		+			+
3		Логофорические местоимения			+						
4	модификаторы	Модификация обстоятельствами	+	+	+	+					+
5		Отрицание вложенной клаузы	+	+		+		-			
6		Деривационные аффиксы у зависимого предиката	+		+/-	-	+		+	+	-
7		ТАМ-аффиксы у зависимого предиката	+	+/-	+	-		+/-	+	+	-
8	морфологическая слитность	Цельнооформленность	+								+
9		Сингармонизм, внутренние сандхи				+			+		+
10		Непрозрачность происхождения	-	+	+	+	+	+	-		+

Пояснения к таблице 2: 1) серые клетки обозначают, что либо тест для этого языка нерелевантен, либо его результаты неизвестны; 2) знак «+/-» в строке 1: субъект зависимой клаузы выражен, однако оформлен иначе, чем субъект главной клаузы; 3) знак «+/-» в строке 6: репортатив +, про верификатив неизвестно; 4) знак «+/-» в строке 7: в агульском верификатив +, репортатив -, в яки + только при одном матричном глаголе.

Из таблицы 2 можно сделать два практических вывода. Во-первых, примерно четверть из всех клеток таблицы не заполнена, потому что поведение конструкций в отношении этих тестов неизвестно, т.е. для изучения морфологически связанной комплементации часто бывает недостаточно сведений, представленных в грамматических описаниях, и необходимы специальные полевые исследования.

Во-вторых, в таблице достаточно много минусов, тем самым морфологически связанную комплементацию можно определять лишь как прототип, которому в большей или в меньшей степени соответствуют те или иные конструкции или типы конструкций в конкретных языках.

5.2. Порядок элементов

Все рассмотренные языки с морфологически связанной комплементацией имеют базовый порядок слов SOV, а матричный предикат занимает позицию суффикса, а не префикса⁵. Очевидно, что на основе той небольшой выборки, которая использовалась в данном исследовании, нельзя делать однозначных выводов о порядке элементов в морфологически связанной комплементации. Однако сделанное наблюдение о постпозиции матричного предиката хорошо согласуется с другими работами, основанными на материале больших типологических выборок.

Во-первых, согласно [Caballero et al. 2008: 394], при именной инкорпорации имя чаще располагается перед глагольной основой, чем после неё. Во-вторых, в статье [Schmidtke-Bode, Diessel 2017] авторы исследуют порядок слов в конструкциях с сентенциальными актантами и отмечают, что сентенциальные актаны, расположенные перед матричным глаголом, обычно содержат зависимые глагольные формы и для них характерна как потеря словоизменительных категорий, так и морфосинтаксической сложности в целом. А сентенциальные актаны, расположенные после матричного глагола, чаще всего не отличаются от независимых клауз. Морфологически связанная комплементация, видимо, является частным случаем этой закономерности: предглагольный сентенциальный актант теряет свою морфологическую сложность.

⁵ Хотя известно, что в моноклаузальных морфологически связанных конструкциях порядок вершины и зависимого может отличаться от порядка OV/VO, см. [Caballero et al. 2008] для именной инкорпорации, [Vinyar 2018] для глагольно-глагольных компаундов.

В целом, хорошо известно, что языки стараются избегать «тяжёлых» составляющих перед глаголом [Hawkins 1990], и один из способов решить эту проблему — перенести «тяжёлый» объект направо. Есть и другой способ: сделать объект как можно более компактным, например, инкорпорировать его, что и происходит в случае морфологически связанной комплементации.

В работе [Hawkins 2014] делается ещё более сильное утверждение о связи левого ветвления с суффиксацией. Дж. Хокинз замечает, что в OV языках второй элемент в конструкциях “имя — послелог”, “имя — артикль”, “вложенная клауза — комплементайзер” нередко становится суффиксом на первом элементе. Это объясняется более быстрой обработкой связей между элементами, см. рисунок 1: суффикс вершины Y конструирует YP и XP одновременно, тем самым время обработки конструкции сокращается на одно слово (X).

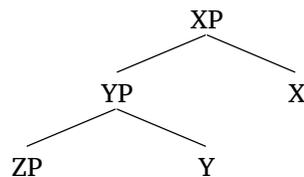

Рисунок 1. Левое ветвление [Hawkins 2014: 156].

Таким образом, морфологически связанную комплементацию можно рассматривать как один из примеров морфологизации в OV языках, вызванной описанным механизмом: матричный предикат (X) становится суффиксом зависимого от него предиката (Y).

Условные обозначения и сокращения

ABL — аблатив; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ADV — адвербиалис; ALL — аллатив; ANT — предшествование; CAUS — каузатив; COP — связка; CVB — деепричастие; DAT — датель; DCL — декларатив; DEM — демонстратив; DES — дезидератив; DIR — директив; EMP — эмфаза; ERG — эргатив; EV — эпентетический гласный; FNS — финальный именной суффикс; FUT — будущее время; GEN — генитив; H — личный род; IMP — императив; IND — индикатив; INF — инфинитив; IO — не прямой объект; IPF — имперфектив; JUSS — юссив; LOC — локативный преверб; LOCT — местный падеж; LOGOPH — логофорическое местоимение; M — мужской род; MNR — способ; N — неличный род; NML — номинализация; NEG — отрицание; NOM — номинатив; O — объект; OBL — косвенный падеж; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PS — посесивность; PST — прошедшее время; Q — интеррогатив; R — реципиент; REL — релятивизация; REP — репортатив; RFL — рефлексив; S — субъект; SIM — одновременность; SG — единственное число; TMP — темпоральная релятивизация; TOP — топик; TR — транзитивность; VERIF — верификатив.

Литература

- Алпатов и др. 2008 — Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х кн. М.: Издательство «Наталис», 2008. [Alpatov V.M., Arkad'ev P.M., Podlesskaya V.I. Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Theoretical grammar of Japan]. In 2 vol. Moscow: Izdatel'stvo «Natalis», 2008.]
- Даниэль, Майсак 2014 — Даниэль М.А., Майсак Т.А. Грамматикализация верификатива: об одной агульско-арчинской параллели. Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 377–406. [Daniel' M.A., Maisak T.A. Grammatikalizatsiya verifikativa: ob odnoi agul'sko-archinskoi paralleli [Grammaticalization of verificative in Agul and Archi]. Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika. Saint Petersburg: Aleteiya, 2014. P. 377–406.]
- Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006. [Lyutikova E.A., Tatevosov S.G., Ivanov M.Yu., Pazel'skaya A.G., Shluinskii A.B. Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: IMLI RAN, 2006.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testeleets Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to general syntax]. Moscow: RGGU, 2001.]
- Caballero et al. 2008 — Caballero G., Houser M.J., Marcus N., McFarland T., Pycha A., Toosarvandani M., Nichols J. Nonsyntactic ordering effects in noun incorporation. *Linguistic Typology*. 2008. Vol. 12. No. 3. P. 383–421.
- Çetinoglu et al. 2008 — Çetinoglu Ö., Butt M., Oflazer K. Mono/bi-clausality of Turkish causatives. *Essays on Turkish linguistics*. Ay S., Aydın Ö., Ergenç İ., Gökmen S., İşsever S., Peçenek D. (eds.). Proceedings of the 14th International conference on Turkish linguistics. Wiesbaden: Harrassowitz, 2008.
- Chumakina in press — Chumakina M. Bound but still independent: Quotative and verificative in Archi. Baerman M., Bond O., Hippisley A. (eds.). *Morphological Perspectives. Papers in Honour of Greville G. Corbett*. In press.
- Daniel 2006 — Daniel M.A. Reported speech in Archi: A new approach to the old data. Handout. Atelier International “Morphosyntaxe des langues du Caucase”, Paris, 2006, December 11-14.
- Eberhard 2009 — Eberhard D.M. *Mamaidê grammar: A Northern Nambikwara language and its cultural context*. Utrecht: LOT Publications, 2009.
- Escalante 1990 — Escalante F. Voice and argument structure in Yaqui. Ph.D. thesis. University of Arizona, 1990.
- Givón 1980 — Givón T. The binding hierarchy and the typology of complements. *Studies in Language*. 1980. Vol. 4. No. 3. P. 333–377.
- Haspelmath 2016 — Haspelmath M. The serial verb construction: Comparative concept and cross-linguistic generalizations. *Language and Linguistics*. 2016. Vol. 17. No. 3. P. 291–319.
- Haugen et al. 2009 — Haugen J., Harley H., Tubino Blanco M. The syntax of hybrid verb/affix lexemes and clause fusion in Hiaki (Yaqui). *Rice working papers in linguistics*. 2009. Vol. 1. P. 79–91.
- Hawkins 1990 — Hawkins J.A. A parsing theory of word order universals. *Linguistic Inquiry*. 1990. Vol. 21. No. 2. P. 223–261.
- Hawkins 2014 — Hawkins J.A. *Cross-linguistic variation and efficiency*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

- Maisak 2016 — Maisak T.A. Morphological fusion without syntactic fusion: The case of the “verificative” in Agul. *Linguistics*. 2016. Vol. 54. No. 4. P. 815–870.
- Mattissen 2003 — Mattissen J. Dependent-Head Synthesis in Nivkh. A contribution to a typology of polysynthesis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2003.
- Miyaoka 2008 — Miyaoka O. Morphological strategies for ‘complex sentences’ and polysynthesis in Central Alaskan Yupik (Eskimo). Vajda E.J. (ed.). *Subordination and coordination strategies in North Asian languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 143–165.
- Miyaoka 2012 — Miyaoka O. *A grammar of Central Alaskan Yupik: An Eskimo Language*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2012.
- Nedjalkov, Otaina 2013 — Nedjalkov V.P., Otaina G.A. *A syntax of the Nivkh Language: The Amur dialect*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013.
- Say 2013 — Say S. Kalmyk causative constructions: case marking, syntactic relations and the speaker’s perspective. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 2013. Vol. 94. P. 257–280.
- Schmidtke-Bode 2014 — Schmidtke-Bode K. *Complement clauses and complementation systems: A cross-linguistic study of grammatical organization*. Ph.D. thesis. Friedrich-Schiller-Universität Jena, 2014.
- Schmidtke-Bode, Diessel 2017 — Schmidtke-Bode K., Diessel H. Cross-linguistic patterns in the structure, function, and position of (object) complement clauses. *Linguistics*. 2017. Vol. 55. No. 1. P. 1–38.
- Shibatani 1976 — Shibatani M. Causativization. Shibatani M. (ed.). *Japanese Generative Grammar*, Vol. 5: Syntax and Semantics. New York: Academic Press, 1976. P. 239–294.
- Tubino Blanco et al. 2014 — Tubino Blanco M., Harley H., Haugen J.D. Affixal light verbs and complex predicates in Hiaki (Yaqui). Kishimoto H., Yumoto Y. (eds.). *Complex predicate research now*. Tokyo: Hituzi Syobo, 2014. P. 257–290.
- Vinyar 2018 — Vinyar A.I. *Head-modifier relations in verb-verb compounds: A preliminary typology*. BA thesis. National Research University Higher School of Economics, 2018.

Статья поступила в редакцию 25.11.2018

The article was received on 25.11.2018

Анастасия Борисовна Панова

стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Anastasia B. Panova

research assistant, National Research University Higher School of Economics

anastasia.b.panova@gmail.com

МАРКИРОВАНИЕ ИМЕННОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В КАКЧИКЕЛЕ

П. С. Плешак

*МГУ имени М. В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН*

В статье описывается маркирование множественного числа в ИГ в языке какчикель. Морфологический показатель множественности присоединяется только к закрытому списку именных основ. В прочих случаях омонимия снимается иначе. В данной статье внимание сконцентрировано на синтаксисе частицы *taq*, которая проявляет свойства «словоизменительного» (inflectional) множественного числа. Показывается, что она не является чисто диминутивной, поскольку занимает другую позицию внутри ИГ и может лицензировать ИГ в аргументных позициях. В отличие от морфологического показателя множественности, частица *taq* факультативна, числовое согласование прилагательного при ней не обязательно, а также она может оказываться внутри композитов. Таким образом, частица *taq* представляет собой пример перехода из диминутивного показателя в показатель множественности.

Ключевые слова: число, множественность, диминутив, словоизменительный, частица, какчикель, согласование.

NOMINAL PLURAL MARKING IN KAQCHIKEL

Polina Pleshak

*Lomonosov Moscow State University,
Institute of Linguistics RAS*

This paper describes nominal plural marking in Kaqchikel where only a closed set of nouns can bear a dedicated morphological plural marker. Other means are used for disambiguation elsewhere. I concentrate on the diminutive particle *taq*, which displays properties of non-inflectional plural. I argue that it is not a pure diminutive. Compared to morphological plural, the particle *taq* is optional, does not trigger obligatory agreement on the adjective and occurs inside compounds. I argue that the particle *taq* undergoes a shift from a diminutive marker to a plural marker.

Keywords: number, plural, diminutive, inflectional, particle, Kaqchikel, agreement.

1. Introduction

Languages vary in the obligatoriness of number expression. In some languages the choice between singular and plural form is required, whereas in others, it is optional [Corbett 2000; Mithun 1999]. This difference can be captured as the difference between inflectional and non-inflectional plural; the former represents functional projection of number [Ritter 1995], whereas the latter is a modifier [Wiltschko 2008]. In Kaqchikel, a Mayan language of Kichean branch spoken in Guatemala, only a closed set of nouns have a morphological plural marker.¹ With all other nouns, the interpretation of number has to be resolved using other means.

The goal of this paper is to provide an overview of the possibilities of plural marking in Kaqchikel, concentrating on one particular encoding: the plural form *taq* of the diminutive emphatic particle *ti*. I argue that this particle serves as a plural marker, and its properties are consistent with the status of non-inflectional plural. As the data provided in the following sections show, Kaqchikel plural is definitely lower than the DP level. I compare Kaqchikel plural marking with the plural marking in related Yucatec Maya, as analyzed by Butler [Butler 2011]. In Yucatec Maya, plural marking is non-obligatory and non-inflectional as well, but the marker is claimed to be an adjunct to the entire DP.

In Section 2, I provide a brief description of different means of plural marking in Kaqchikel and give some arguments in favor of its status as restricted morphological plural hosted by the number head. In Section 3, I compare the properties of plural and singular forms of the diminutive particle and their properties with the properties of other nominal adjuncts, primarily adjectives. In Section 4, I discuss the properties of *taq* as a plural marker.

2. Means of plural marking

Only a closed set of nouns have a **morphologically plural form** in Kaqchikel. These are nouns that denote persons (1a), nouns denoting some animals (1b) and also those denoting some important cultural concepts (1c) [Brown et al. 2010; Matzar et al. 1997]. The morphological plural form is the vowel *a* or *i* and glottal stop.

¹ The data analyzed here were collected during the fieldtrip to the village Patzún (Chimaltenango district, Guatemala) in June 2018.

- (1) a. *achin* [man] ‘man’ — *achi’-a’* [man-PL] ‘men’
 b. *chiköp* [animal] ‘animal’ — *chikop-i’* [animal-PL] ‘animals’
 c. *ch’umil* [star] ‘star’ — *ch’umil-a’* [star-PL] ‘stars’

Some adjectives have plural forms as well (2). The plural forms of the adjectives are *-a’q* or *-äq*.

- (2) *nim* [big] — *nim-a’q* [big-PL]

Those nouns which can bear the plural marker have the projection of number #P [Abney 1987; Bernstein 1991; Ritter 1991; Valois 1991, among others], which creates a new linguistic object selected by D and associated with two values: SINGULAR and PLURAL [Wiltschko 2008: 646]. Taken this way, the difference between the plural in Kaqchikel and the prototypical inflectional plural in English is not the difference between the inflectional and non-inflectional plural. Instead, it amounts to the difference in the selectional properties of Kaqchikel D, which selects #P optionally.

Below, I briefly describe some important properties of the morphological plural. On the one hand, it does not have all the properties of prototypical inflectional plural; on the other, it differs from prototypical non-inflectional plural as well. Therefore, the relationship between prototypical properties and the labels “inflectional” / “non-inflectional” is not straightforward. Below, I consider the following properties: obligatoriness of nominal plural inflection; obligatoriness of agreement; licensing of NPs/DPs; occurrence inside compounds, and the ordering with respect to derivational morphology.

Inflectional plural is obligatory in plural contexts. Consequently, an unmarked form is interpreted as singular in such a system. The morphological plural in Kaqchikel is obligatory for nouns presented above. Accordingly, the singular form of the noun *umül* ‘rabbit’ in the example below, cannot be interpreted as plural.

- (3) *rin n-qa chi nu-wäch ri tz’i’ y ri umul-a’ /*
 I NCMP-like LOC POSS.1SG-eye DEF dog and DEF rabbit-PL

#*umül*

rabbit

‘I like dogs and rabbits.’

#‘I like dogs / the dog and the rabbit.’

Inflectional plural is expected to trigger obligatory agreement [Wiltschko 2008], which is not the case in Kaqchikel. Plural agreement on an adjective within the NP seems to be obligatory, whereas plural agreement on the predicate is optional. Examples (4)–(5) illustrate this. The verb in (4) can have both plural or singular form. In (5), on the contrary, the singular form of the adjective is ungrammatical with either of the two verb forms.

(4) *x-e-n-tzët* / *x-ø-in-tzët* *ri* *nim-a'q* *umul-a'*
 CMP-B.3PL-A.1SG-see CMP-B.3SG-A.1SG-see DEF big-PL rabbit-PL
 'I have seen the big rabbits.'

(5) **x-e-n-tzët* / *x-ø-in-tzët* *ri* *nim* *umul-a'*
 CMP-B.3PL-A.1SG-see CMP-B.3SG-A.1SG-see DEF big rabbit-PL
 'I have seen the big rabbits.'

Another important property attributed to the inflectional plural is its ability to license NPs/DPs in an argument position [Wiltschko 2008: 668]. According to this criterion, the morphological plural in Kaqchikel is inflectional. Plural-marked nouns can appear in argument positions without an additional determiner. This is shown in the example (6) where the determiner *ka'i'-oxi'* 'some' can be freely omitted. In contrast, unmarked plurals have to follow a determiner (7).

(6) *pa* *jay* *x-e-qan-äj* *kan* (*ka'i'-oxi'*) *chikop-i'*
 LOC house CMP-B.3PL-stay-STEM PTCL two-three animal-PL
 'There stayed some animals in the house.'

(7) *pa* *jay* *x-e-qan-äj* *kan* *(*ka'i'-oxi'*) *tz'i'*
 LOC house CMP-B.3PL-stay-STEM PTCL two-three dog
 'There stayed some dogs in the house.'

The next criterion has to do with plural marking inside compounds. At this stage of research, I do not have enough data to apply this criterion to Kaqchikel; among the attested compounds, none of the non-head roots belongs to the closed set of roots deriving nouns that can bear the morphological plural [Matzar et al. 1997: 108-111].

The criterion of plural marker-derivational morphology order is also difficult to apply in Kaqchikel. Denominal derivation in Kaqchikel is very restricted and does not involve any roots that can be tested [Matzar et al. 1997: 236-239].

Thus far, I conclude that there are two main properties that differentiate the plural marking in Kaqchikel from the prototypical inflectional marking: the restriction to a closed set of nouns and non-obligatoriness of verbal agreement.

Accordingly, the morphological plural meets the criteria on inflectional plural, minus the optionality of verbal agreement.

However, most Kaqchikel nouns do not bear the plural marker discussed so far. Consequently, there have to be some other means of number marking.

One of such means is a **numerical** construction, which forces the plural interpretation on the NP/DP.

- (8) *x-e-n-tzët* *ri* *oxi'* *ru-chaq'* *María*
 CMP-B.3PL-A.3SG-see DEF three POSS.3SG-younger.sister Mary
 'I've seen Mary's three younger sisters.'

Further still, nouns that are compatible with morphological plural marking can appear in the plural or numberless form in a numerical construction. The analysis of number marking in numerical constructions is beyond the scope of this paper.

- (9) *x-in-tzët* *ri* *oxi'* *umul-a'* / *umül*
 CMP-A.1SG-see DEF three rabbit-PL rabbit
 'I've seen the three rabbits.'

Another way to express plurality is the **plural affix on the verb**. Consider example (10), where the only marker of the plurality of the plates is the agreement marker on the verb.

- (10) *Fátima* *x-e-r-paxij* *ri* *läq*
 Fatima CMP-B.3PL-A.3SG-break DEF dish
 'Fatima has broken the plates.'

However, plural agreement on the verb is also optional in most cases [Henderson 2009].² Examples (4)–(5) above show that even plural-marked DPs do not obligatorily trigger verbal agreement. Now compare (10) and (11); the latter may still have a plural interpretation.

² Obligatory plural agreement is beyond the scope of this paper; I address the reader to Henderson's work [Henderson 2009]. The main idea is that plural agreement is obligatory for 1st and 2nd person arguments and animate plural subjects (both ergative and absolutive).

- (11) *Fátima x-u-paxij ri läq*
 Fatima CMP-A.3SG-break DEF dish
 ‘Fatima broke the plate / the plates.’

Another means of expressing plurality is a **relative clause** with the agreeing copula, which can be considered as an instance of plural verbal agreement. As example (12) shows, such marking is also optional.

- (12) *ri (e) ki-chaq’ re xtan-i’ re’*
 DEF 3PL POSS.3PL-younger.sister DEM.PR girl-PL DEM.PR.EMPH

x-e-b’e pa tijob’äl
 CMP-B.3PL-go LOC school
 ‘These girls’ sisters went to school.’

Finally, the **diminutive / emphatic particle** in its **plural form *taq*** is another way of expressing plurality. This is the particle discussed in this paper.

- (13) *pa jay x-e-qan-äj kan taq tz’i’*
 LOC house CMP-B.3PL-stay-STEM PTCL DIM.PL dog
 ‘There stayed some dogs in the house.’

The grammars give only a superficial description of *taq*. One of the grammars simply calls it a “diminutive / affective plural particle” [Matzar et al. 1997: 62] Another grammar gives a brief comment: “If one wishes to emphasize the plurality of these [which do not have morphological plural forms – P.P.] nouns a separate **plural particle *taq*** can be added before the noun” [Brown et al. 2010: 150].

However, the data below show that this particle develops some properties of a genuine plural marker.

3. Semantic and syntactic properties of the diminutive particles *ti* and *taq*

The aim of this section is to investigate semantic and syntactic properties of *taq*. First, I ask the question whether *taq* is simply the plural form of the diminutive *ti* or a special plural particle. Next, the particles *ti/taq* have to be compared with adjectives, as they have similar plural forms and are placed within one and the same domain of the NP. In this section, I consider the following properties: semantic restrictions on *taq* (which are due to its status as a diminutive marker), the place of *ti* and *taq* within the NP, agreement within the NP/DP, and their behavior within compound words.

3.1. Semantic preferences

A number of properties, discussed in the sections below, distinguish *taq* from the singular diminutive *ti*. However, *taq* still has properties as a diminutive marker. Consider the following examples with the adjective *-wit* ‘small’ which requires the diminutive particle.

- (14) *k-e'-a-kaxaj* *pe* *ka'i'* *xara* **(taq)* *wit*
 CMP-B.3PL-A.2SG-give PTCL two cup DIM.PL small
 ‘Give me two small cups.’

Although the particle *taq* can follow a prepositional adjective (and in fact, it is what it normally does by default) (15), it is impossible with the adjective *-wit*. The latter cannot be separated from the diminutive. Compare examples (15) and (17). The placement of *taq* between the adjective and the noun is impossible with *-wit*, (16). It is however possible with other adjectives.

- (15) *k-e'-a-ya-'* *pe* *la* *ko'öl* *taq* *xnakät*
 IMP-B.3PL-A.2SG-give-STEM PTCL DEM.DIS little DIM.PL onion
 ‘Give me those little onions.’

- (16) *k-e'-a-ya-'* *pe* *la* *taq* *wit* *xnakät*
 IMP-B.3PL-A.2SG-give-STEM PTCL DEM.DIS DIM.PL small onion
 ‘Give me those small onions.’

- (17) **k-e'-a-ya-'* *pe* *la* *wit* *taq* *xnakät*
 IMP-B.3PL-A.2SG-give-STEM PTCL DEM.DIS small DIM.PL onion
 Intended meaning: ‘Give me those small onions.’

Another order possible for other adjectives is with *taq* preceding both the noun and the postposed adjective. But this order is still ungrammatical with *-wit* (18), because it violates the requirement that the diminutive particle has to be adjoined immediately.

- (18) **k-e'-a-ya-'* *pe* *la* *taq* *xnakät* *wit*
 IMP-B.3PL-A.2SG-give-STEM PTCL DEM.DIS DIM.PL onion small
 Intended meaning: ‘Give me those small onions.’

In sum, the use of *taq* with the adjective *-wit* shows its function as a diminutive marker, not as a pluralizer. I hypothesize that this function is restricted and lexicalized.

3.2. Diminutive particles *ti* (*taq*) and their place in the NP structure

The diminutive particle *ti* (19), as well as its plural form (20), appear within the NP, after the determiners and numerals (21).

- (19) *t-a-loq-o'* *chw-e* *jun ti uq*
 IMP.B.3-A.2SG-buy-STEM LOC.POSS.1SG-DAT one DIM skirt
 'Bye me a skirt, please.'

- (20) *Fátima x-e-r-paxij ri taq / *taq ri läq*
 Fatima CMP-B.3PL-A.3SG-break DEF DIM.PL DIM.PL DEF dish
 'Fatima has broken the little plates.'

- (21) *t-a-kaxaj pe ka'i' taq / *taq ka'i' qupib'äl*
 IMP.3-A.2SG-give PTCL two DIM.PL DIM.PL two knife
 'Give me two little knives.'

The situation with the order of these particles, adjectives and nouns is more complicated, because the adjectives can either precede or follow the head noun.

The particles *ti* and *taq* can precede pronominal adjectives (22)–(23), as well as postnominal ones (24)–(25).

- (22) *ri tijonel x-u-k'ut-u' ri ti jebël xtän*
 DEF teacher CMP-A.3SG-show-STEM DEF DIM nice girl
 'The teacher presented the very pretty girl.'

- (23) *k-e'-a-ya-' pe la taq ko'öl xnakät*
 IMP-B.3PL-A.2SG-give-STEM PTCL DEM.DIS DIM.PL little onion
 'Give me that little onions.'

- (24) *ri tijonel x-u-k'ut-u' ri xtän ti jebël*
 DEF teacher CMP-A.3SG-show-STEM DEF girl DIM nice
 'The teacher presented the very pretty girl.'

- (25) *k-e'-a-ya-' pe la xnakät taq ko'öl*
 IMP-B.3PL-A.2SG-give-STEM PTCL DEM.DIS onion DIM.PL little
 'Give me that little onions.'

Although both *ti* and *taq* can precede nouns modified by postnominal adjectives (26)–(27), only *taq* can be inserted between pronominal adjectives and nouns (28)–(29).

- (26) *ri tijonel x-u-k'ut-u' ri ti xtän jebël*
 DEF teacher CMP-A.3SG-show-STEM DEF DIM girl nice
 'The teacher presented the very pretty girl.'
- (27) *k-e'-a-ya-' pe la taq xnakät ko'öl*
 IMP-B.3PL-A.2SG-give-STEM PTCL DEM.DIS DIM.PL onion little
 'Give me that little onions.'
- (28) **ri tijonel x-u-k'ut-u' ri jebël ti xtän*
 DEF teacher CMP-A.3SG-show-STEM DEF nice DIM girl
 Intended meaning: 'The teacher presented the very pretty girl.'
- (29) *k-e'-a-ya-' pe la ko'öl taq xnakät*
 IMP-B.3PL-A.2SG-give-STEM PTCL DEM.DIS little DIM.PL onion
 'Give me that little onions.' (= (15))

Although these particles can precede adjectives, as well as nouns, they cannot appear in an NP twice. With *ti*, that could be tested with a postposed adjective, and the result is ungrammatical (30).

- (30) **t-a-loq-o' chw-e jun ti uq ti käq*
 IMP.B.3-A.2SG-buy-STEM LOC.POSS.1SG-DAT one DIM skirt DIM red
 Intended meaning: 'Buy me a red skirt, please.'

With *taq*, both potential structures are ungrammatical.

- (31) **pa qa-jardin e k'o taq ko'öl taq umul-a'*
 LOC POSS.1PL-garden 3PL EX DIM.PL little.PL DIM.PL rabbit-PL
 Intended meaning: 'There are small rabbits in our garden.'
- (32) **pa qa-jardin e k'o taq umul-a' taq ko'öl*
 LOC POSS.1PL-garden 3PL EX DIM.PL rabbit-PL DIM.PL little.PL
 Intended meaning: 'There are small rabbits in our garden.'

In sum, the particles assume different positions in a noun phrase, depending on number. That suggests that the particle *taq* does not belong to the same category as its singular counterpart.

3.3. Particles *taq* and *ti* within compounds

Another property that distinguishes *taq* from *ti* is the difference in their behavior within compound words. In example (33), the particle *taq* can be successfully inserted into the compound word *ruwi' jay* 'roof'. The usage of the particle here does not entail that the houses are small, in other words, it is not diminutive.

- (33) *la tzik'in-a' x-ø-ki-b'än k-achoch*
 DEM.DIS bird-PL CMP-A.3SG-E.3PL-make POSS.3PL-home.PSD
ch-ki-xe' la ru-wi' taq jay
 LOC-POSS.3PL-under DEM.DIS POSS.3SG-hair.PSD DIM.PL house
 'That birds constructed their nests under the roofs (*of small houses).'

In contrast to (33), in (34), the singular *ti* cannot intervene between the two parts of the same compound word, either with the diminutive meaning, or without it.

- (34) *la tzik'in-a' x-ø-ki-b'än k-achoch*
 DEM.DIS bird-PL CMP-A.3SG-E.3PL-make POSS.3PL-home.PSD
*ch-u-xe' la ru-wi' (*ti) jay*
 LOC-POSS.3SG-under DEM.DIS POSS.3SG-hair.PSD DIM house
 'That birds constructed their nests under the roof (of a small house).'

Thus, we see that the plural particle *taq* seems to be closer to the head-noun than the singular *ti* in that it can stand between the adjective and the noun and can be inserted into a compound word.

3.4. Particle *taq* and adjectives: similarities and differences

In this section, the particles *ti/taq* are compared with adjectives. There are two reasons for such a comparison. First, *ti/taq* and adjectives have similar morphological realization of plurality. Second, they share the closest position to the noun head in the hierarchical structure of the Kaqchikel DP/NP.

Adjectives are pluralized with *-a'q/-äq* [Matzar et al. 1997: 154], so, the forms are just quite similar. However, that does not imply that the particles and adjectives represent the same category.

Another criterion has to do with the position within the DP/NP. Although *taq* and adjectives are the closest elements to the head noun in the NP, there is also a positional difference between them, something that has already been discussed in Section 3.1.

First, the particle *taq* cannot be postpositional.

- (35) *Fátima x-e-r-paxij ri taq läq / *läq taq*
 Fatima CMP-B.3PL-A.3SG-break DEF DIM.PL dish dish DIM.PL
 'Fatima broke the big plates.'

Second, plural marking on adjectives is optional (36), whereas for *ti/taq* it is obligatory (37).

(36) *rin x-in-tzeqej ri nim / nim-a'q taq ab'äj*
 I CMP-A.1SG-raise DEF big big-PL DIM.PL stone
 'I rose the big stones.'

(37) *a José x-u-kamisaj ka'i' taq / *ti äk'*
 CLF.M Jose CMP-A.3SG-kill two DIM.PL DIM chicken
 'Jose killed two little chickens.'

To sum up, the data in this section show that the plural form of the diminutive particle *taq*, although occasionally preserving its diminutive functions, shifts to some other category. Its positional properties differ both from the singular diminutive *ti* and those of adjectives.

4. "Plural" properties of *taq*

So far, I have established that the particle *taq* is categorically distinct from the prototypical diminutive and does not pattern with adjective-like adjuncts either. It could be a perfect candidate for the role of a non-inflectional-plural marker. In this section, I use the tests proposed by Wiltschko to determine the categorial status of *taq* [Wiltschko 2008].

4.1. Categorial status of *taq*

In contrast to inflectional plural, non-inflectional plural is optional. That is exactly what we see in the occurrences of *taq*.

(38) *x-e-n-tzët ri (taq) ru-nimal chuqa'*
 CMP-B.3PL-A.1SG-see DEF DIM.PL POSS.3SG-elder.sister and

ri (taq) ru-chaq' xta María
 DEF DIM.PL POSS.3SG-younger.sister CLF.F Mary
 'I've seen elder and younger sisters of Mary's.'

The optionality of verbal agreement is not a good criterion here, as it does not distinguish *taq* from genuine morphological plural. Nonetheless, agreement within the noun phrase is not trivial. As example (36) above shows, the adjective does not have to agree in number with the noun. Contrastingly, the adjective has to agree with morphologically-marked plurals, as it was shown in Sec-

tion 2, (4)–(5). However, the situation becomes more complicated as soon as *taq* and the morphological plural co-occur. Independently of the presence of the morphological plural, the presence of *taq* makes agreement optional.

- (39) *x-e-n-tzët ri nim-a'q / nim taq umul-a'*
 CMP-B.3PL-A.1SG-see DEF big-PL big DIM.PL rabbit-PL
 'I have seen the big rabbits.'

These facts suggest that the morphological plural and *taq* are not in complementary distribution. Accordingly, they are not instances of the same category. That also predicts that the particle *taq* cannot substitute for the morphological form. Indeed, examples where the noun from the closed set of obligatory plurals appears unmarked and is preceded by *taq* are ungrammatical.

- (40) *x-in-tzët ri taq xtan-i' / *xtän*
 CMP-A.1SG-see DEF DIM.PL girl-PL girl
 'I've seen the girls.'

Finally, *taq* can license plural NPs. The crucial fact is that the NPs with plural *taq* do appear in the argument positions without any other determiners.

- (41) *pa jay x-e-qan-äj kan taq tz'i'*
 LOC house CMP-B.3PL-stay-STEM PTCL DIM.PL dog
 'There stayed some dogs in the house.'

In contrast, the singular diminutive particle does not seem to develop the same properties. Example (42) with a specific singular NP is ungrammatical, either bare or with *ti*. An appropriate way to express this is in (43). In exactly the same context, an NP with *taq* is fully acceptable, (44).

- (42) ??*a José x-u-kamisaj (ti) äk'*
 CLF.M Jose CMP-A.3SG-kill DIM chicken
 Intended meaning: 'Jose killed a (little) chicken.'

- (43) *a José x-u-kamisaj jun ti äk'*
 CLF.M Jose CMP-A.3SG-kill one DIM chicken
 'Jose killed a little chicken.'

- (44) *a José x-u-kamisaj taq äk'*
 CLF.M Jose CMP-A.3SG-kill DIM.PL chicken
 'Jose killed little chickens.'

Thus, the particle *taq* is a representation of the non-inflectional plural in Kaqchikel. On the one hand, it is optional and makes agreement within the NP optional, too. On the other hand, it can license noun phrases in argument positions.

4.2. The place of the adjunction

On the base of criteria given in the previous section, I argue that the particle *taq* is a non-inflectional plural marker in Kaqchikel. It is optional and can be inserted into compound words. Moreover, it is categorially distinct from the morphological plural, which is obligatory, does not occur in compounds, and triggers obligatory agreement of the adjectives within the NP/DP.

The plural marker can be merged at different points within the DP [Wiltchko 2008]. For instance, the plural in Halkomelem is merged at the root level [Wiltchko 2008], whereas the plural in Yucatec Maya is merged at the DP level [Butler 2011]. Although Yucatec Maya is related to Kaqchikel, the analysis with the plural marker merging at the DP is incompatible with Kaqchikel data. I argue that it adjoins to the nP (or NP).

Following the analyses cited here, I propose the representation of the DP as in (I). In this representation, the root functions as a syntactic category which is not associated with categorical information [Marantz 1997]; *n* is a categorizing head, #P is the projection of number and DP is the highest projection responsible for referential characteristics of the phrase.

(I) DP > #P > nP > root

Recall the properties of *taq* that were discussed in Section 3. First, *taq* is always closer to the head-noun than numerals and determiners. This means that it is somewhere lower than the DP. Second, *taq* can precede pronominal adjectives, which means that it is not higher than the nP, if one accepts the presence of this projection in syntax [Marantz 1997]. Finally, it cannot be adjoined to the root, as its usage is restricted to nominals. Consequently, it cannot be lower than the nP. This means that it is merged exactly at the nP level, or in more common terms, at the level of the projection of the lexical head N.

4.3. Plural from diminutive

Before proceeding to my conclusions, I would like to make the point that Kaqchikel represents a system where a non-inflectional plural marker develops from a diminutive particle. Such development is not widespread, but there are some cross-linguistic parallels to the expression of number by diminutives.

A possible parallel is in Kambaata (Cushitic), where singulative and diminutive meanings are expressed by the same marker [Treis 2008: 137-144].³ Another example is found in Asmat (Trans-New Guinea), where only diminutives but not regular nouns distinguish number [Derzhanski 2003].

Although the grammaticalization of diminutives into plural markers is far from common, such a shift is not groundless. Plural marking, as well as diminutive marking have properties of both inflection and derivation, falling somewhere in between. Both can be analyzed as adjoined modifiers that do not influence the category of a word [Wiltschko 2008: 669-670]. Thus, Kaqchikel provides an example of the interaction between plural and diminutive markers which share their properties cross-linguistically.

5. Conclusions

In this paper, I have presented some evidence in support of the approach according to which plural marking across languages is not categorially identical. Furthermore, I showed that the variation is attested not only across languages, but also within a single language. Kaqchikel represents such a system; there is a closed set of nouns that have inflectional plural hosted in the head of number projection, while all other nouns can be pluralized with the non-inflectional plural particle *taq*. Compared to morphological plural, the particle *taq* is optional, does not trigger obligatory agreement on the adjective and occurs inside of compounds.

On the surface, this particle is a plural form of the diminutive particle. However, unlike a diminutive, it has a different position within the NP/DP and can license NPs/DPs. I argue that it has shifted from a diminutive to a non-inflectional plural marker which is merged at the NP level.

The data presented here offer an example of shift from diminutive particle to a plural marker. Such developments can shed light on the interaction between plural and diminutive marking.

Abbreviations

1-3 — person; A — ergative agreement; B — absolutive agreement; CLF — classifier; CMP — complete; DAT — dative; DEF — definiteness; DEM — demonstrative; DIM — diminutive; DIS — distal; EMPH — emphatic; EX — existential particle; F — feminine; ICMP — incomplete; IMP — imperative; IRR — irrealis; LOC — locative; M — masculine; PL — plural; POSS — possessor; PSD — possessed form; PTCL — particle; PR — proximal; SG — singular; STEM — special verbal stem.

³ I am grateful to Lisa Bylinina for this reference.

References

- Abney 1987 — Abney S. The English noun phrase in its sentential aspects. Ph.D. thesis. MIT, Cambridge, 1987.
- Bernstein 1991 — Bernstein J. DPs in Walloon: evidence for parametric variation in nominal head movement. *Probus*. 1991. No 3. Pp. 101–126.
- Butler 2011 — Butler L.K. The DP-adjoined plural in Yucatec Maya and the syntax of plural marking. Ms., University of Arizona, UC Santa Cruz, 2011.
- Brown et al. 2010 — Brown R.M., Maxwell J.M., Little W.E. *La ützwäch?: Introduction to Kaqchikel Maya language*. Texas: University of Texas Press, 2010.
- Corbett 2000 — Corbett G.G. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Derzhanski 2003 — Derzhanski I. On diminutive plurals and plural diminutives. *Mediterranean Morphology Meetings*. 2003. Vol. 4. Pp. 73–90.
- Henderson 2009 — Henderson R. A case-agreement split in Kaqchikel. Ms. *Una escisión sujeto-objeto en el sistema de concordancia del Kaqchikel*. Paper, 2009.
- Marantz 1997 — Marantz A. No escape from syntax. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 1997. No. 4. Pp. 201–225.
- Matzar et al. 1997 — Matzar P.G., Guaján J.O.R., Maya'Ajtz'iib O.K. *Rukemik ri Kaqchikel chi'*. Cholsamaj, 1997.
- Mithun 1999 — Mithun M. *The languages of native North America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Ritter 1991 — Ritter E. Two functional categories in modern Hebrew noun phrases. Rothstein S. (ed.). *Perspectives on phrase structure: Heads and Licensing*. *Syntax and Semantics*. Vol. 25. New York: Academic Press, 1991. Pp. 37–60.
- Ritter 1995 — Ritter E. On the syntactic category of pronouns and agreement. *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol 13. 1995. Pp. 405–443.
- Treis 2008 — Treis Y. *A grammar of Kambaata*. Part 1: Phonology, morphology, and nonverbal predication. *Cushitic Language Studies*. Vol. 26 Cologne: Rüdiger Köppe, 2008.
- Valois 1991 — Valois D. *The internal syntax of DP*. Ph.D. thesis. Los Angeles: UCLA, 1991.
- Wiltschko 2008 — Wiltschko M. The syntax of non-inflectional plural marking. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2008. Vol. 26. Pp. 639–694.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Полина Сергеевна Плешак

студент 2-го курса магистратуры, МГУ имени М. В. Ломоносова; лаборант-исследователь, Институт языкознания РАН

Polina S. Pleshak

2nd year M.A. student, Lomonosov Moscow State University; research assistant, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

polinapleshak@yandex.ru

СИНТАКСИС СОЧИНЕНИЯ РУССКИХ ИМЕННЫХ ГРУПП: ЭЛЛИПСИС ИЛИ МАЛЫЕ КОНЪЮНКТЫ?

К. А. Студеникина

МГУ имени М. В. Ломоносова

Данная работа посвящена синтаксису сочинения русских именных групп с разносторонними зависимыми. Традиционно при анализе этих конструкций постулируется наличие эллипсиса или сочинительного сокращения, что подразумевает удаление совпадающих элементов в фонологии. В нашей работе, однако, будет приведена аргументация в пользу подхода с сочинением малых конъюнктов и АТВ-передвижением. Помимо данных о просодической структуре именной группы, показывающих невозможность эллипсиса, мы также проанализируем данные об интерпретации сочиненных именных групп, полученные в ходе проведенных нами экспериментов с оценкой грамматичности.

Ключевые слова: синтаксис сочинения, эллипсис, сочинение малых конъюнктов, именные группы с разносторонними зависимыми, экспериментальный синтаксис.

SYNTAX OF RUSSIAN DP-COORDINATION: ELLIPSIS APPROACH VS. SMALL CONJUNCT HYPOTHESIS

Ksenia Studenikina

Lomonosov Moscow State University

This paper deals with syntax of coordinated DPs with linearly opposite dependents in Russian. Traditionally such constructions have been claimed to result from ellipsis or conjunction reduction, which means deletion of repeated constituents in phonology. In this paper I provide arguments supporting the small conjuncts analysis and ATB-movement. As well as data about prosodic structure of the DP, which shows inapplicability of ellipsis approach, I will also provide some experimental data about interpretation of coordinated DPs.

Keywords: syntax of coordination, ellipsis, small conjuncts coordination, DPs with linearly opposite dependents, experimental syntax.

1. Синтаксис сочинения

В данном разделе мы сосредоточимся на теоретических положениях и проблемах, связанных с синтаксисом сочинения. В подразделе 1.1 будут подробно рассмотрены традиционно выделяемые подходы к анализу сочинения. В разделе 1.2. мы обратимся к ныне существующим анализам русских именных групп и предложим альтернативу традиционному анализу.

1.1. Подходы к анализу синтаксиса сочинения

Можно выделить два подхода к анализу синтаксиса сочинения: анализ с сочинением больших конъюнктов и последующим эллипсисом вершины (1a) и анализ с сочинением малых конъюнктов и АТВ-передвижением вершины из обоих конъюнктов (1b). Наиболее подробно плюсы и минусы обоих подходов описаны в работах [Wilder 1994, 1997]. Автор анализирует сочинение клауз и глагольных групп на материале английского и немецкого языков, последовательно отвергая применимость подхода с сочинением малых конъюнктов и приводя аргументы в пользу эллиптического анализа.

- (1) a. [_{CP} *Maria ist reingekommen*] *und* [_{CP} *Maria hat sich hingesetzt*]
 Мария быть.3SG входит.PART и Мария
 иметь.3SG REFL.3SG садиться.PART
- b. [_{CP} *Maria ist reingekommen*] *und* [_C *hat sich hingesetzt*]
 Мария быть.3SG входит.PART и иметь.3SG
 REFL.3SG садиться.PART
 ‘Мария вошла и села.’ {a = b} [Wilder 1997: 63]

Рассмотрим подробнее каждый из подходов к анализу сочинения.

При АТВ-передвижении конъюнкты сочиняются и оказываются вложенными в некоторую другую составляющую, которая является для них общей (2a). Далее из каждого конъюнкта выдвигается некоторый совпадающий элемент — в примере (2b) это вопросительное слово *what*, след выдвижения обозначен как *t*. В соответствии с ограничением на сочиненные структуры (Coordinate Structure Constraint) тот элемент, который был выдвинут, после

выдвижения связывает след в каждом конъюнкте. Анализ с АТВ-передвижением предполагает сочинение малых конъюнктов и опирается на допущение, что сочиняться могут составляющие любых категорий (За-d).

(2) a. Wh- ... [[... t ...] & [... t ...]]

b. What did John lose and Mary find?

‘Что Джон потерял и Мэри нашла?’ [Wilder 1994: 291]

(3) a. C° & C°:

[[Can] and [will]] you do this?

‘Ты можешь и будешь делать это?’

b. N° & N°:

He is both the [[father] and [employer]] of my friend.

‘Он одновременно отец и работодатель моего друга.’

c. A° & A°:

... both [[glad] and [sad]] about this ...

‘одновременно рад и расстроен из-за этого’

d. D° & D°:

... [[one] or [two]] books

‘одна или две книги’ [Wilder 1994: 293]

В работах [Wilder 1994, 1997], однако, предполагается, что анализ с эллипсисом для синтаксиса сочинения является более подходящим. В данном случае эллипсис понимается как удаление совпадающего материала не в синтаксической, а в фонологической структуре. При таком анализе сочиняться могут только составляющие максимального размера, а именно клаузы CP (за исключением сочинения в именных группах, где сочинение происходит на уровне DP). В связи с этим данный подход также называют анализом с сочинением больших конъюнктов.

Некоторые исследования, касающиеся проблемы размера конъюнктов, были выполнены и на материале русского языка. Нам кажется необходимым упомянуть в этом разделе статью [Казенин 2011], в которой показано, что для сочиняемых дополнений, глагольных групп и зависимых клауз наиболее адекватен анализ с сочинением малых конъюнктов. Среди прочих аргументов, автор также использует тест на сочетаемость с двойными

союзами. Позиция двойных союзов при сочинении подлежащих показывает, что анализ с эллипсисом невозможен (4а). Если бы эллипсис происходил, позиция двойных союзов в примере (4б) была бы грамматична, однако этот пример оказывается неграмматичным. Это говорит в пользу анализа с сочинением малых конъюнктов. Позицию двойных союзов как «индикатор» размера конъюнктов мы также анализировали при исследовании синтаксиса сочинения ИГ, что будет описано подробнее в пункте 3.1 данной работы.

(4) а. Маша вытерла и чашки, и ложки.

б. *Маша и вытерла чашки, и ~~вытерла~~ ложки. [Казенин 2011: 48]

1.2. Синтаксис сочинения именных групп

В данном разделе мы сосредоточимся на синтаксисе сочинения именных групп. В разделе 1.2.1. мы рассмотрим исследования ИГ с сочиненными левосторонними зависимыми (прилагательными, притяжательными местоимениями, причастиями), а также те общие черты, которые есть у этих конструкций и у сочиненных ИГ с разносторонними зависимыми. В разделе 1.2.2. будет обобщен анализ синтаксиса ИГ с разносторонними зависимыми, осуществленный в предшествующих исследованиях.

1.2.1. Сочинение ИГ с левосторонними зависимыми

Важным морфологическим явлением, присущим сочиненным группам, интерпретация которого влияет на анализ собственно синтаксической структуры, является вариативность числового маркирования вершины существительного. Наиболее явно это явление проявляется в частности при сочинении ИГ с левосторонними зависимыми (5а,б).

(5) а. зимний и летний сезон

б. зимний и летний сезоны

Один из наиболее подробных анализов этого явления представлен в работе С. В. Кодзасова [Кодзасов 1987]. В данном исследовании выделяется несколько семантических параметров, влияющих на выбор числа. К ним относятся признаки существительного, как, например, необходимость интерпретации конъюнктов как цельной сущности (6а) или же как отдельных

объектов (6b). Кроме того, выделяется семантический параметр, обусловленный свойствами прилагательных, а именно сочетаемость двух признаков в одной сущности. Если прилагательные обладают противоположными значениями и не могут относиться к одному объекту, существительное маркируется единственным числом (7). Если же значения сочетаемы и при употреблении единственного числа может возникнуть омонимия, существительное маркируется множественным числом.

(6) а. материальная и техническая база

б. 1-я и 2-я базы [Кодзасов 1987: 206]

(7) Больная и здоровая нога внешне ничем не отличались.
[Кодзасов 1987: 207]

Предполагается, что в зависимости от выбора числа конструкции обладают различной структурой: для ИГ с существительным в единственном числе подразумевается эллипсис, однако для ИГ с существительным во множественном числе — сочинение прилагательных и их присоединение к существительному.

Подробный анализ ИГ с сочиненными прилагательными был также проведен в работе [Belyaev et al. 2015] в рамках лексико-функциональной грамматики. В этой работе различия в числовом маркировании объясняются свойствами именного согласования (concord): оно может быть дистрибутивным, и тогда существительное получает такой же признак, как и каждый конъюнкт-прилагательное — единственное число, либо же недистрибутивным, и в этом случае существительное получает множественное число даже тогда, когда конъюнкты-прилагательные стоят в единственном.

Важно отметить, что при анализе ИГ с разносторонними зависимыми ранее подобных наблюдений за вариативностью числового маркирования не проводилось. В пункте 3.2 данной работы мы, однако, выскажем некоторые предположения относительно наличия этого явления в сочиненных ИГ с разносторонними зависимыми.

1.2.2. Сочинение ИГ с разносторонними зависимыми

Прежде подробный анализ синтаксиса сочинения именных групп с разносторонними зависимыми осуществлялся лишь в статье К. И. Казенина [Казенин 2007]. Некоторое описание этих конструкций содержится в работе

Е. В. Падучевой [Падучева 1974], Я. Г. Тестельца [Тестелец 2011], а также в его лекции [Тестелец 2017]. Все они предлагают схожее описание для сочинения рассматриваемых нами ИГ: для анализа сочинения используется подход с сочинением больших конъюнктов и последующим эллипсисом (8). Однако эллипсис при сочинении ИГ с разносторонними зависимыми возможен лишь в том случае, когда в ИГ происходит инверсия, из-за которой зависимые становятся по одну сторону от вершины. В этом случае «прямой» порядок слов, когда согласуемые зависимые — прилагательные, притяжательные местоимения, причастия — располагаются слева от вершины, а несогласуемые — предложная группа, существительное в генитиве — справа, нарушается. Инвертированный порядок, обычно неграмматичный (9a), при сочинении и последующем эллипсисе перестает быть таковым (9b).

(8) Пусть твоя доброта обернется счастьем твоим и ~~счастьем~~ твоей дочки.

(9) а. *счастьем твоим

б. счастьем твоим и ~~счастьем~~ твоей дочки [Казенин 2007: 94]

Однако эллипсис при сочинении ИГ с разносторонними зависимыми без инверсии оказывается невозможным. Неграмматичность конструкций наподобие (10), как кажется автору, объясняется наличием в русском языке запрета на сокращение линейно противоположных вершин. К. И. Казенин формулирует этот запрет следующим образом: «Если сочиняются составляющие, у которых вершины совпадают, а зависимые находятся по разные стороны от вершин, сокращение вершины невозможно, за исключением того случая, когда вершина сокращается при согласуемом зависимом.» [Казенин 2007: 94].

(10) *твоим счастьем и ~~счастьем~~ твоей дочки

Грамматичными оказываются случаи сокращения вершины при согласуемом зависимом, так как в данном случае происходит субстантивация зависимого, оно принимает все согласовательные признаки вершины и переходит в категорию существительного (11).

(11) Пусть твоя доброта обернется счастьем твоей дочки и ~~счастьем~~ твоим. [Казенин 2007: 94]

Цель нашей работы, однако, заключается в том, чтобы показать, что некоторые языковые факты противоречат возможности анализа с эллипсисом для ИГ в русском языке. В последующих разделах мы продемонстрируем, что наиболее вероятным анализом синтаксиса сочинения русских ИГ является анализ с сочинением малых конъюнктов. Предполагаемую синтаксическую структуру исследуемых конструкций можно описать следующим образом: как на уровне глубинной, так и на уровне поверхностной структуры есть только одно существительное-вершина. Внутри образуемой им ИГ происходит сочинение зависимых предикативных групп PredP [Bowers 1993], содержащих нулевую функциональную вершину Pred, левостороннее или правостороннее зависимое в комплементе и нулевой оператор, коиндексированный с существительным, в спецификаторе (12). Изначально это могут быть составляющими различных категорий (AP (12a, b), DP (12a), PP (12b) для русского).

- (12) а. $[_{NP} \text{книги}_i [_{PredP} \text{Op}_i [_{Pred'} [_{Pred} e] [_{AP} \text{его}]]]] \text{ и } [_{PredP} \text{Op}_i [_{Pred'} [_{Pred} e] [_{DP} \text{Маши}]]]]]$
- б. $[_{NP} \text{книги} [_{PredP} \text{Op}_i [_{Pred'} [_{Pred} e] [_{AP} \text{интересные}]]]] \text{ и } [_{PredP} \text{Op}_i [_{Pred'} [_{Pred} e] [_{PP} \text{о войне}]]]]]$

Отметим, что структурное расположение зависимых прилагательных в предикативной позиции подтверждает ряд семантических фактов. Так, прилагательные, употребление которых грамматично только в атрибутивной позиции (13a) и невозможно в предикативной (13b), недопустимы в ИГ с разносторонними зависимыми (13c). Кроме того, в том случае, если прилагательное, имеющее несколько значений в атрибутивной позиции (14a), теряет их в предикативной (14b), в сочиненной ИГ с разносторонними зависимыми будет возможно только то значение, которое возникает в предикативной позиции (14c).

- (13) а. $[[_{AP} \text{сладкая}] [_{NP} \text{жизнь}]]]$
- б. $*[_{NP} \text{жизнь} [_{PredP} \text{Op} [_{Pred'} [_{Pred} e] [_{AP} \text{сладкая}]]]]]$
- с. $*[_{NP} \text{жизнь}_i [_{PredP} \text{Op}_i [_{Pred'} [_{Pred} e] [_{AP} \text{сладкая}]]]] \text{ и } [_{PredP} \text{Op}_i [_{Pred'} [_{Pred} e] [_{PP} \text{без забот}]]]]]$

- (14) a. [[_{AP} бедная] [_{NP} женщина]]
 бедная = ‘не имеющая денег’, ‘несчастливая’
- b. [_{NP} женщина [_{PredP} Оп [_{Pred'} [_{Pred} е] [_{AP} бедная]]]]
 бедная = ‘не имеющая денег’, * ‘несчастливая’
- c. [_{NP} женщина [_{PredP} Оп_i [_{Pred'} [_{Pred} е] [_{AP} бедная]]]] и [_{PredP} Оп_i [_{Pred'} [_{Pred} е] [_{PP} с тремя детьми]]]]
 бедная = ‘не имеющая денег’, * ‘несчастливая’

Дальнейшая структура работы такова: в разделе 2 мы покажем, что некоторые просодические характеристики ИГ с разносторонними зависимыми противоречат наличию эллипсиса в исследуемых конструкциях. При наличии эллипсиса элидируемый компонент являлся бы акцентоносителем, что невозможно. В разделе 3 мы продемонстрируем, что для интерпретации некоторых сочиненных ИГ необходимо признать сочинение малых конъюнктов. Наши теоретические предположения будут проверены на экспериментальных данных.

2. Просодическая структура именной группы и возможность эллипсиса

В этой главе мы рассмотрим просодические характеристики ИГ с разносторонними зависимыми (*книги Маши и его книги*). Мы покажем, что существуют такие просодические характеристики ИГ в русском языке, которые говорят в пользу анализа сочинения малых конъюнктов. В пункте 2.1 данной главы мы опишем особенности выбора акцентоносителя в русских ИГ, а в пункте 2.2 покажем, как правила выбора акцентоносителя соотносятся с анализом сочинения.

2.1. Правила выбора акцентоносителя в русских ИГ

В зависимости от порядка слов и расположения зависимых, ИГ в русском языке делятся на два типа: с «прямым» порядком слов и с инверсией. В первом случае согласуемые зависимые (прилагательные, причастия, притяжательные местоимения) стоят слева от вершины (15a), несогласуемые (генитивные и предложные зависимые) — справа (15b). В инвертированных ИГ левосторонние зависимые оказываются справа (из-за передвижения вершинного существительного, см. (16a)), а правосторонние — слева (из-за передвижения группы зависимого, см. (16b)).

(15) а. [его [книги]]

б. [книги [Маши]]

(16) а. [книги_i [его [t_i]]]

б. [Маши_i [книги [t_i]]]

Существует множество работ по фразовой акцентуации в русском языке для ИГ с прямым порядком слов, наиболее известные — исследования Коздасова [1996а, 1996б], Янко [2001]. В них содержится перечень правил, по которым происходит выбор акцентоносителя. Все они сходятся на том, что фразовый акцент связан с её внутренней синтаксической структурой, а именно всегда падает на самое «вложенное» слово составляющей (17а, б). В исследовании [Янко 2010] также было показано, что выбор акцентоносителя определяется сугубо внутренней структурой группы, а не порядком слов, синтаксической или коммуникативной структурой предложения (при постановке именной группы в позицию темы или ремы меняется тип акцента, но не его место, ср. 18а и 18б).

(17) а. [книги [Маши]]

б. [его [книги]]

(18) а. Книги /Маши || он не берет, у него есть свои. (ИГ в позиции темы)

б. Чьи книги ты взял почитать? Книги \Маши. (ИГ в позиции ремы)

Что касается правил выбора акцентоносителя в инвертированных ИГ, они подробно описаны в работе [Лютикова 2012]. По отношению к фразовой акцентуации они делятся на два типа: акцентоноситель может меняться, а может оставаться прежним, как и до инверсии. Инверсия первого типа происходит в синтаксисе, из-за чего неинвертированная и инвертированная группы различаются по семантике и синтаксическим свойствам, инверсия второго типа — в фонологии, поэтому различие ограничивается стилистической окраской, сами же модификации вызваны информационной структурой, так как наиболее важный элемент сообщения перемещается вперед. К первым относятся, например, сортовая, аппроксимативная инверсия (19а, б), ко вторым — инверсия, характерная для разговорного стиля (19с).

- (19) а. [Аникеева:] Не трогайте **макака /суматранского!** Это же единственный экземпляр у нас в стране! [Х/ф «Гараж»]
- б. Зараз уносили в мешке **торфин /шесть,** если были сыроваты, торфин десять, если сухие. [Александр Солженицын. Матренин двор (1960)]
- с. **/Редактор наш ||** был добродушным человеком. [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]

2.2. Применимость правил выбора акцентоносителя к анализу сочинения

Эллипсис является фонологическим процессом, в ходе которого в фонологии удаляется совпадающий материал, не несущий фразового акцента. Таким образом, если при подробном анализе просодической структуры сочиненных ИГ с разносторонними зависимыми окажется, что элемент, который должен быть элидирован, является акцентоносителем, мы будем вынуждены предположить отсутствие эллипсиса и наличие сочинения малых конъюнктов.

Рассмотрим сочинение ИГ, где в первом конъюнкте вершина присоединяет левосторонние зависимые, а во втором — правосторонние (20а). В соответствии с пунктом 2.1, акцентоносителем в каждом конъюнкте будет самый «вложенный» или самый «правый» элемент: *книги* в первом, *Маши* — во втором (20b). Акцентоноситель в соответствии с нотацией, принятой в [Truckenbrodt 2006], обозначается двойным подчеркиванием. Как указано в работе [Казенин 2007], необходимо «выравнивание» зависимых, они должны располагаться по одну сторону от вершины. В данном случае вершина в первом конъюнкте должна передвинуться и встать слева от зависимого (20с). Такая инверсия не меняет акцентоноситель, она происходит не в синтаксисе, а в фонологии, так как не изменяет синтаксическую и семантическую дистрибуцию ИГ. При попытке осуществления эллипсиса можно увидеть, что невозможно элидировать вершину в первом конъюнкте, мы получаем неграмматичную конструкцию (20d). Элидировать вершину во втором конъюнкте возможно — полученная конструкция грамматична, элидируемый элемент не является акцентоносителем (20е). Таким образом, при сочинении данных ИГ данные просодии не отвергают анализ с эллипсисом.

- (20) a. его книги и книги Маши
- b. [его [книги]] и [книги [Маши]]
- c. [книги_i [его [t_i]]] и [книги [Маши]]
- d. * [~~книги~~_i [его [t_i]]] и [книги [Маши]]
- e. [книги_i [его [t_i]]] и [~~книги~~ [Маши]]

Однако мы получим иной результат, если рассмотрим сочинение ИГ, где в первом конъюнкте вершина присоединяет правосторонние зависимые, а во втором — левосторонние (21a). Выбор притяжательного местоимения третьего лица *его* в качестве левостороннего зависимого неслучаен: большинство других левосторонних зависимых (прилагательные, причастия, притяжательные местоимения 1 и 2 лиц) при употреблении без зависимого субстантивируются. Они принимают все признаки существительного, с которым согласуются (род, число, падеж). Однако притяжательные местоимения третьего лица *его*, *её*, *их* — неизменяемые, они не согласуются с вершиной-существительным, из-за чего возможность анализа с эллипсисом еще присутствует. В данном примере акцентоносителем также будут самые «вложенные» компоненты группы: *Маши* в первом конъюнкте и *книги* — во втором (21b). После осуществления инверсии — передвижения вершины второго конъюнкта, акцентоноситель не меняется (21c): эта инверсия также происходит в фонологии, а не в синтаксисе, она не влияет синтаксические и семантические свойства ИГ. Если предположить, что эллипсис при сочинении данных ИГ возможен, возникнет противоречие. При эллипсисе вершины в первом конъюнкте, несмотря на то, что вершина не является акцентоносителем, полученная конструкция будет неграмматична (21d). Приняв же наличие эллипсиса вершины во втором конъюнкте, мы столкнемся с тем, что на элидируемый элемент падает фразовый акцент — значит, данный элемент не может быть элидирован (21e). Это говорит о том, что анализ с эллипсисом для данных конструкций является неверным.

- (21) a. книги Маши и его книги
- b. [книги [Маши]] и [его [книги]]

- c. [книги [Маши]] и [книги_i его [t_i]]
- d. * [~~книги~~ [Маши]] и [книги_i его [t_i]]
- e. * [книги [Маши]] и [~~книги~~_i его [t_i]]

Итак, данные просодии показывают верность анализа с сочинением малых конъюнктов. В следующем разделе мы продемонстрируем результаты экспериментов, связанных с особенностями интерпретации ИГ с разносторонними зависимыми.

3. Интерпретация сочиненных именных групп: экспериментальные данные

Данный раздел посвящен описанию языковых конструкций, интерпретация которых показывает необходимость признать верным анализ сочинения малых конъюнктов и отказаться от анализа с эллипсисом. Все теоретические установки были проверены на экспериментальных данных. Испытуемым предлагалось оценить предложения от 1 до 5 по шкале Ликерта.

3.1. Позиция двойных союзов как «индикатора» размера конъюнктов в именных группах с разносторонними зависимыми

Позиция двойных союзов как *и...и*, *или...или*, *ни...ни* и других является своеобразным «индикатором» в вопросе размера конъюнктов в русском языке. Неграмматичность двойных союзов в одной позиции и грамматичность в другой была использована для доказательства отсутствия эллипсиса в глагольной группе в работе [Казенин 2011: 48-49]. Дело в том, что двойные союзы указывают левую и правую границу первого конъюнкта. Они не могут вклиниваться внутрь составляющей, в этом случае предложение становится неграмматичным. Таким образом, если предположить, что при сочинении именных групп происходит эллипсис, схема (22a) должна соответствовать грамматичной фразе: двойной союз *и...и* показывает границы именной группы в первом конъюнкте. Однако в том случае, если данные предложения находятся на грани приемлемости, а грамматичными являются предложения, соответствующие схеме (22b), где двойной союз обрамляет предикативную группу в первом конъюнкте, мы можем постулировать отсутствие эллипсиса и наличие сочинения малых конъюнктов.

(22) а. ???[и X [Y]], [и X [Z]]

б. [X [[и Y], [и Z]]]

Данные гипотезы были проверены с помощью эксперимента с оценкой грамматичности. Примеры стимульных предложений можно увидеть в (23). В пункте «а» указано предложение, оценка которого должна быть выше при возможности эллипсиса, так как в них двойные союзы обрамляют ИГ в первом конъюнкте (см. схему (22а) и пример (23а)). Оценка предложения в пункте «б» должна быть выше в том случае, если верен анализ с сочинением малых конъюнктов, так как в нем двойные союзы показывают границу предикативной группы в первом конъюнкте (см. схему (22б) и пример (23б)).

(23) а. У него всегда или взгляд суровый, или из-под бровей.

б. У него всегда взгляд или суровый, или из-под бровей.

Эксперимент показал, что во всех парах предложений, которые отличаются только позицией двойных союзов, более низкую оценку получило предложение в пункте «а», где двойные союзы обрамляют ИГ в первом конъюнкте, а предложения в пункте «б», где двойные союзы показывают границы предикативной группы в первом конъюнкте, получили более высокую оценку. График, отражающий соотношение оценок предложений обоих типов, можно увидеть на рисунке 1.

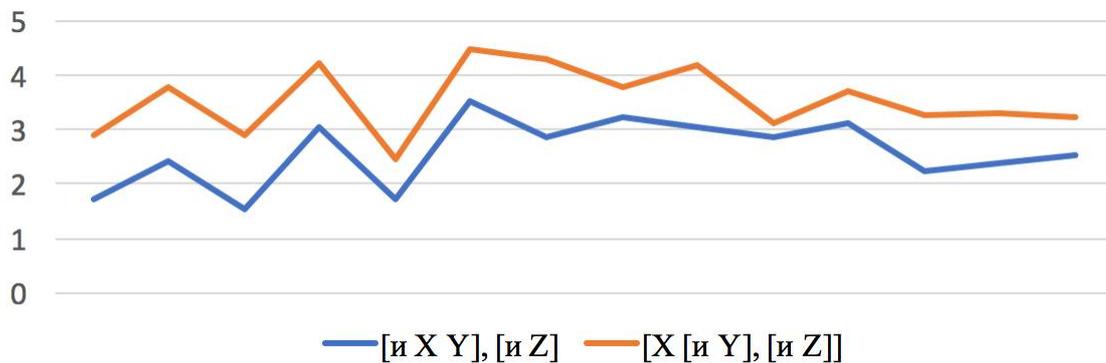

Рисунок 1. Результаты эксперимента с двойными союзами

В силу того, что некоторые стимульные предложения прагматически более удачны, другие — менее, трудно сравнивать все оценки между собой. На основании сравнения оценок предложений из разных пар нельзя делать выводы о том, какой анализ верный — с эллипсисом или с сочинением

малых конъюнктов. Разные примеры могут обладать разной степенью прагматичности, так как не все разносторонние зависимые одинаково приемлемы с точки зрения прагматики. Таким образом, необходимо сравнивать именно оценки предложений внутри каждой пары.

Данные результаты эксперимента демонстрируют следующее: все предложения, где двойные союзы обозначают границы ИГ в качестве первого конъюнкта, получили меньшую оценку, чем примеры, где двойной союз обрамлял границы предикативной группы как первого конъюнкта. Таким образом, позиция двойных союзов указывает на то, что эллипсис при сочинении именных групп невозможен — значит, сочиняются малые конъюнкты.

3.2. Особенности сочетаемости с предлогом *между*

При эллипсисе при сочинении с вершиной-существительным в единственном числе существует две разных сущности, указание на которые в синтаксисе присутствует, но одна из которых не озвучивается в фонологии. Так как семантический уровень интерпретирует синтаксическую структуру, в семантике должны сохраняться обе сущности. В работе [Казенин 2007] все примеры на сочинение именных групп содержат либо вершину во множественном числе (*книги*), которая уже подразумевает несколько сущностей вне зависимости от наличия/отсутствия эллипсиса, либо абстрактные понятия (*счастье*), которые наоборот не употребляются во множественном числе (**счастья*) и сложнее семантически дифференцируются по числу (сложно точно проинтерпретировать ИГ *счастье твоё и твоей дочери*, а именно описывает она «одно и то же» счастье или же разное).

Цель данного эксперимента состояла в том, чтобы подобрать такие примеры, где необходима интерпретация с двумя референтами и которые при интерпретации с одним референтом будут неграмматичны: это в частности примеры с предлогом *между* в пространственном употреблении и существительными, которые хорошо дифференцируются по числу. Если при сочинении именных групп эллипсис происходит, предложения с синтаксической структурой, обозначенной в (24а), где X — существительное в единственном числе, будут оценены испытуемыми как грамматичные, так как в семантике интерпретируются оба референта, и синтаксическая структура в (24а) верна. Неграмматичность этих примеров объяснялась бы отсутствием эллипсиса, сочинением малых конъюнктов и верностью синтаксической структуры в (24b), где X — существительное во множественном числе (множественное число оно получает от нулевого оператора после АТВ-выдвижения из обоих конъюнктов, см. подробнее

пункт 1.2.2). Если эллипсис не происходит и существительное X присутствует в синтаксической структуре только один раз, оно должно стоять во множественном числе.

(24) а. между [X [Y]] и [X [Z]]

б. между [X [Y] и [Z]]

Некоторые стимульные предложения представлены в примере (25). Предложения с зависимыми предлога *между* в единственном (25а) и во множественном числе (25б) были полностью идентичны за исключением различия в числе.

(25) а. Положи таблетки на полку между **пластырем** перцовым и от мозолей.

б. Положи таблетки на полку между **пластырями** перцовым и от мозолей.

В отличие от эксперимента с позицией двойных союзов, описанного в разделе 3.1, результаты эксперимента с предлогом *между* оказались не столь же однозначны. Для 9 стимулов оценка предложения с существительным во множественном числе оказалась выше, однако 7 примеров с существительным в единственном числе получили более высокую оценку. Распределение оценок можно увидеть на графике на рисунке 2.

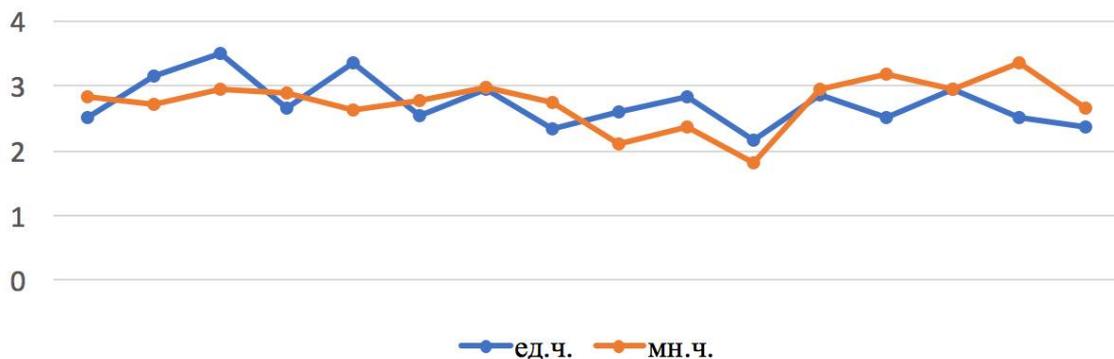

Рисунок 2. Результаты эксперимента с предлогом *между*

Понять механизм приписывания множественного числа можно, обратившись к работам, описывающим числовое маркирование вершины-существительного в ИГ с сочиненными прилагательными, а именно [Кодзасов 1987] и [Belyaev et al. 2015]. Как было подробно описано в разделе 1.2.1,

выделяется несколько семантических признаков, влияющих на выбор числа. Для примеров, использованных в эксперименте, оказывается релевантным совместимость / несовместимость выражаемых зависимыми значениями, а также необходимость разграничения описываемых сущностей (см. таблицу 1). Так, предложение (26) получило более высокую оценку с существительным во множественном числе. Значения, выражаемые прилагательным *золотой* и предложной группой с *бриллиантом*, совместимы, их может сочетать в себе один объект, а именно одно кольцо. В этом случае необходимо поставить существительное во множественное число, чтобы снять омонимию. Однако предложение (27) получило более высокую оценку с существительным в единственном числе, что тоже поддается объяснению. Свойства, обозначаемые прилагательным *деревянный* и предложной группой *из белого камня*, не могут сочетаться в одной сущности. Значит, омонимия невозможна: тот факт, что описываются две сущности, два дома, понятен из значения зависимых существительного, что делает маркирование множественным числом на фонологическом уровне излишним.

(26) а. Покажите кулон, который лежит между **кольцом** золотым и с бриллиантом.

б. Покажите кулон, который лежит между **кольцами** золотым и с бриллиантом.

(27) а. Магазин расположен между **домом** деревянным и из белого камня.

б. Магазин расположен между **домами** деревянным и из белого камня.

Таблица 1. Оценки предложений эксперимента с предлогом *между*

предложение	оценка
(26а)	2,516
(26б)	3,346
(27а)	3,154
(27б)	2,71

Важно отметить, что речь идет именно об отсутствии озвучивания признака множественного числа, то есть о фонологическом процессе. В то время как на семантическом уровне существительное получает признак множественного числа, что доказывается грамматичностью употребления с предлогом *между*, требующим семантически множественного аргумента и обозначающим отношение непременно между двумя и более сущностями.

4. Заключение

Опишем некоторые итоги проведенного исследования. В данной работе была поставлена задача узнать, какой из подходов к анализу сочинения — с эллипсисом вершины или с сочинением малых конъюнктов — применим к анализу синтаксиса сочинения русских ИГ с разносторонними зависимыми.

В разделе 1 мы изложили основные теоретические взгляды на анализ сочинения и проблемы, вызванные тем или иным подходом, а также привели пример синтаксической структуры, на наш взгляд, наиболее точно описывающей исследуемое явление.

Все наши аргументы, которые показывают, что при сочинении русских ИГ эллипсиса не происходит, подробно изложены в разделах 2 и 3. Раздел 2 описывает просодическую структуру русских ИГ с разносторонними зависимыми. В нем мы показываем, что просодические характеристики этих ИГ противоречат наличию эллипсиса при сочинении.

В разделе 3 описываются экспериментальные данные и осуществляется попытка сделать некоторые обобщения на полученном материале. Часть 3.1 посвящена описанию эксперимента с позицией двойных союзов. Его данные однозначно показывают отсутствие эллипсиса при сочинении ИГ и наличие сочинения малых конъюнктов, так как во всех парах стимульных предложений более высокую оценку получили предложения с позицией двойных союзов, при которой они показывали не границу ИГ в первом конъюнкте, а границу предикативной группы.

В части 3.2 был описан эксперимент на сочетаемость с предлогом *между*. Результаты этого эксперимента оказались неоднозначными. Наиболее подходящее объяснение вариативности маркирования множественным числом, как нам кажется, состоит в том, чтобы «делегировать» правила приписывания множественного числа семантике. Критерий совместимости / несовместимости признаков и необходимости снятия омонимии, описанный ранее для ИГ с сочиненными прилагательными, оказывается релевантным и для ИГ с разносторонними зависимыми.

Стоит отметить, что описанные теоретические обобщения не являются окончательными. В дальнейшем мы планируем проводить новые эксперименты, которые помогут уточнить синтаксическую структуру ИГ с разносторонними зависимыми, а также наиболее точно и стройно описать все релевантные для данной конструкции явления.

Условные обозначения и сокращения

3 — третье лицо; PART — причастие; REFL — возвратное местоимение; SG — единственное число.

Литература

- Казенин 2007 — Казенин К.И. О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке. Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 92–107. [Kazenin K.I. O nekotorykh ogranicheniyakh na ellipsis v russkom yazyke [On some constraints on Russian ellipsis]. Voprosy yazykoznananiya. 2007. № 2. P. 92–107.]
- Казенин 2011 — Казенин К.И. Проблема «размеров» конъюнктов русском языке: данные некоторых типов сочинительной конструкции. Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 46–60. [Kazenin K.I. Problema «razmerov» kon'yunktov russkom yazyke: dannye nekotorykh tipov sochinitel'noy konstruktsii [Russian conjuncts' "sizes": The data from some types of co-ordinating constructions]. Voprosy yazykoznananiya. 2011. № 4. P. 46–60.]
- Кодзасов 1987 — Кодзасов С.В. Число в сочинительных конструкциях. Кибрик А.Е., Нариньяни А.С. (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. С. 204–219. [Kodzasov S.V. Chislo v sochinitel'nykh konstruktseyakh [Number in co-ordinating constructions]. Kibrik A.E., Narin'yani A.S. (eds.). Modelirovanie yazykovoi deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh. Moscow: Nauka, 1987. P. 204–219.]
- Кодзасов 1996а — Кодзасов С.В. Законы фразовой акцентуации. Николаева Т.М. (ред.). Просодический строй русской речи. М.: Институт русского языка РАН, 1996. С. 181–204. [Kodzasov S.V. Zakony frazovoy aktsentuatsii [Rules of phrasal accentuation]. Nikolaeva T.M. (ed.). Prosodicheskii stroi russkoj rechi. Moscow: Institute for the Russian language RAS, 1996. P. 181–204.]
- Кодзасов 1996б — Кодзасов С.В. Комбинаторная модель фразовой просодии. Николаева Т.М. (ред.). Просодический строй русской речи. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996. С. 85–123. [Kodzasov S.V. Kombinatornaya model' frazovoj prosodii [Combinatorial model of phrasal prosody]. Nikolaeva T.M. (ed.). Prosodicheskii stroi russkoj rechi. Moscow: Institute for the Russian language RAS, 1996. P. 85–123.]
- Лютикова 2012 — Лютикова Е.А. О двух типах инверсии в русской именной группе. Русский язык в научном освещении. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2012. Т. 2. С. 65–105. [Lyutikova E.A. O dvukh tipakh inversii v russkoj imennoj grupe [Two types of inversion in Russian noun phrases]. Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. Moscow Institute for the Russian language RAS, 2012. Vol. 2. P. 65–105.]
- Падучева 1974 — Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. [Paducheva E.V. O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoj grammatike russkogo yazyka [On syntax's semantics. Data for transformational grammar of Russian]. Moscow: Nauka, 1974]
- Тестелец 2011 — Тестелец Я.Г. Эллипсис в русском языке: теоретический и описательный подходы. Доклад на конференции «Типология морфосинтаксических параметров». М.: МГУ, 2011. [Testelecs Ya.G. Ellipsis v russkom yazyke: teoreticheskij i opisatel'nyj podkhody [Russian ellipsis: Theoretical and descriptive approaches]. A talk presented at the conference "Typology of Morphosyntactic parameters", Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, 2011.]

- Тестелец 2017 — Тестелец Я.Г. Линейный порядок и теория грамматики. Лекция на коллоквиуме отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. М.: МГУ, 2017. URL: <http://tipl.philol.msu.ru/index.php/archive/news/colloquium-29-11-2017> [Testelelets Ya.G. Lineĭnyĭ porjadok i teoriya grammatiki [Linear word order and the theory of grammar]. A talk presented at the Colloquium at the department of theoretical and applied linguistics. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2017]
- Янко 2001 — Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Yanko T.E. Kommunikativnyye strategii russkoĭ rechi [Communicative strategies in oral Russian]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001.]
- Янко 2010 — Янко Т.Е. Обращение в структуре дискурса. Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в различных культурах. М.: Индрик, 2010. С. 456–468. [Yanko T.E. Obra-shchenie v strukture diskursa [Address in the discourse structure]. Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v razlichnykh kul'turakh. Moscow: Indrik, 2010. P. 456–468.]
- Belyaev et al. 2015 — Belyaev O., Dalrymple M., Lowe J.J. Number mismatches in coordination: An LFG analysis. Proceedings of the LFG15 Conference, eds. Butt M., Holloway T.K., P. 26–46. Stanford, CA: CSLI Publications, 2015.
- Bowers 1993 — Bowers J. The syntax of predication. *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. No. 4. P. 591–656.
- Truckenbrodt 2006 — Truckenbrodt H. Phrasal stress. *The encyclopedia of language and linguistic*, 2nd edition, Vol. 9. P. 572–579. Oxford: Elsevier, 2006.
- Wilder 1994 — Wilder Ch. Coordination, ATB and ellipsis. *Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik*. Vol. 37. 1994. P. 291–329.
- Wilder 1997 — Wilder Ch. Some properties of ellipsis in coordination. Alexiadou A., Hall T.A. (eds.). *Studies in universal grammar and typological variation*. Amsterdam, 1997. P. 59–108.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Ксения Андреевна Студеникина

студент 3 курса бакалавриата, МГУ имени М. В. Ломоносова

Ksenia A. Studenikina

3rd year B.A. student, Lomonosov Moscow State University

xeanst@gmail.com

СОЕДИНЕНИЕ ИМЕННЫХ ГРУПП В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

И. А. Хомченкова

МГУ имени М. В. Ломоносова,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Статья посвящена описанию способов соединения ИГ в горномарийском языке, которое может осуществляться с помощью послелогов *saga* ‘около’, *dono* ‘с’ и сочинительных союзов *dä* и *don*. В статье показано, что в конструкциях с послелогом и глагольным согласованием по единственному числу комитативная группа представляет собой адъюнкт к глагольной группе. Конструкция с *dä* и множественным глагольным согласованием является сочинительной, а конструкция с *don* и множественным согласованием — сочинительной комитативной, и группа с *don* является адъюнктом к именной группе. Конструкция с *dono* и множественным глагольным согласованием не может анализироваться как сочинительная комитативная, т.к. комитативная и центральная именная группа не образуют единую составляющую. Предполагается, что множественное глагольное согласование появляется из-за нулевого показателя ассоциативной множественности.

Ключевые слова: комитатив, сочинение, ассоциативная множественность, синтаксис, горномарийский язык, финно-угорские языки.

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

NP CONJUNCTION IN HILL MARI^{*}

Irina Khomchenkova

*Lomonosov Moscow State University,
Vinogradov Russian Language Institute RAS*

This paper describes NP conjunction in Hill Mari, which can be realized with postpositions *saga* 'near', *dono* 'with' and coordinating conjunctions *dä* and *don*. I demonstrate that in constructions with postpositions and singular verbal agreement comitative phrase is a VP-adjunct. The construction with *dä* and plural verbal agreement is coordinating, and the construction with *don* and plural verbal agreement is an instance of comitative coordination, where a phrase with *don* is a NP-adjunct. The construction with *dono* and plural verbal agreement cannot be analyzed as comitative coordination, since comitative and central NPs do not form a constituent. A zero associative plural marker is projected to account for the plural verbal agreement.

Keywords: comitative, coordination, associative plural, syntax, Hill Mari, Finno-Ugric.

^{*} The study has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant # 16-06-00536.

1. Введение

Данная работа посвящена описанию способов соединения именных групп в горномарийском языке (<финно-угорские). Основой исследования послужили материалы, полученные посредством опроса носителей в экспедициях в с. Кузнецово и близлежащих деревнях (Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды, Кожланангер) Горномарийского р-на Республики Марий Эл в 2017–2018 гг, а также корпус текстов, собранный коллективом экспедиции (на данный момент он насчитывает 46532 словоупотреблений). Далее примеры из корпуса помечаются, а записанные при анкетировании примеры — нет.

Пользуясь определением из [Stassen 2000: 4], мы считаем, что предложение содержит соединение именных групп, если, во-первых, оно описывает единичное событие, и, во-вторых, событие заявлено одновременно для двоих участников, которые мыслятся как отдельные индивиды. Первое ограничение позволяет рассматривать предложения типа *Маша и Петя пришли* и *Маша пришла с Петей*, но убрать из рассмотрения предложения типа *Маша пришла, и Петя пришел*, где описывается два события. Второе ограничение позволяет убрать предложения типа *Мои друзья пришли*, где к индивидам не реферируют по отдельности.

В языках мира существует две стратегии кодирования ИГ — сочинительная и комитативная [Stassen 2000]. При комитативной стратегии две ИГ (центральная и комитативная) имеют различный структурный ранг, при этом у центральной ИГ структурный ранг выше, чем у комитативной. При сочинительной стратегии две ИГ выполняют одинаковую синтаксическую функцию. Также при комитативной стратегии две ИГ не образуют единую составляющую, а согласование предиката контролируется только центральной именной группой. При сочинительной стратегии две ИГ образуют единую составляющую и вызывают множественное согласование предиката.

В горномарийском языке в качестве комитативных маркеров могут выступать инструментальный послелог *dono* ‘с’ и апудэссивный послелог *saga* ‘около’. Также существует показатель *-ge*, однако у него есть функции, нехарактерные для комитативов [Хомченкова, в печати], и в данной работе он рассматриваться не будет. Сочинение именных групп может происходить с помощью союзов *dä* и *don*.

Мы рассмотрим конструкции [X Y *saga* V-SG], [X Y *dono* V-SG], [X Y *dono* V-PL], [X *don* Y V-PL], [X *dä* Y V-PL] и проанализируем их синтаксические свойства.

Структура данной работы устроена следующим образом: в **части 2** мы подробно опишем рассматриваемые показатели и конструкции, в которых они употребляются. Затем в **части 3** мы приведем результаты применения стандартных синтаксических тестов, которые используются для анализа комитативных показателей. **Часть 4** представит обсуждение полученных результатов. Наконец, в **части 5** будут подведены итоги и очерчены направления дальнейших исследований.

2. Рассматриваемые показатели и конструкции

Как уже было сказано во введении, в горномарийском языке к комитативным маркерам относятся послелого *saga* ‘около’ и *dono* ‘с’, а к сочинительным — союзы *dä* и *don*. Кратко опишем каждую из единиц.

Основная функция послелога *saga* заключается в выражении апудэссивных значений (локализации объекта около ориентира):

- (1) *šipkä saga pl'etä-mä sündäk*
 люлька около плести-PTCP.PASS сундук
 ‘Рядом с люлькой плетеный сундук <...>.’ [корпус]

Данный послелог может употребляться и в комитативных конструкциях:

- (2) *pajgusävâ-š kü saga kašt-ân-at?*
 Пайгусово-ILL кто около ходить-PRET-2SG
 ‘В Пайгусово с кем ездил?’ [корпус]

К основным функциям послелога *dono* относится выражение комитативно-инструментальных значений. Пример (3) иллюстрирует комитативное значение, а пример (4) — инструментальное.

- (3) *maša šärgä-škä pet'ä dono ke-n*
 Маша лес-ILL Петя с идти-PRET
 ‘Маша пошла в лес с Петей.’

- (4) *sä dono šudâ-žâ-m sal-âmâla*
 коса с трава-POSS.3SG-ACC косить-DEB
 ‘Сено-то надо косить косою.’ [корпус]

Сочинительный союз *dä* заимствован из русского языка [Галкин 1964: 177, Майтинская 1982: 103], а союз *don* считается исконно марийским сочинительным союзом [Саваткова 2002: 256], развившимся из послелого *dono* [Галкин 1964: 178–179; Майтинская 1982: 99]. Их употребление иллюстрируется в (5).

- (5) *maša dä / don pet'ä tol-än-ät*
 Маша и и Петя приходять-PRET-3PL
 ‘Маша и Петя пришли.’

Данные показатели употребляются в следующих конструкциях: [X Y *saga* V-SG], [X Y *dono* V-SG], [X Y *dono* V-PL], [X *don* Y V-PL]¹, [X *dä* Y V-PL]. Рассмотрим их свойства в Таблице 1.

Таблица 1. Рассматриваемые конструкции и их свойства

конструкция	маркер	глагольное согласование
1. [X [Y <i>saga</i>] V-SG]	комитатив	SG
2. [X [Y <i>dono</i>] V-SG]	комитатив	SG
3. [X Y <i>dono</i> V-PL]	комитатив	PL
4. [X <i>don</i> Y V-PL]	комитатив / соч. союз	PL
5. [[X <i>dä</i> Y] V-PL]	соч. союз	PL

В первых двух конструкциях именные группы соединяются с помощью комитативных показателей, и структурный ранг групп с *saga* и *dono* (косвенный объект) ниже структурного ранг центральной именной группы (субъект), а глагол согласуется по единственному числу с центральной именной группой. В пятой конструкции именные группы соединяются с помощью сочинительного союза, и обе ИГ выполняют одинаковую синтаксическую функцию, а глагольное согласование множественное. Таким образом, первые две конструкции представляют собой прототипические комитативные конструкции², а пятая — сочинительную конструкцию.

¹ В спонтанной устной речи *don* и *dono* взаимозаменяемы. В дальнейшем под *don* мы будем понимать единицы, употребляющиеся в конструкциях вида [X *don* Y], а под *dono* — в конструкциях вида [X Y *dono*].

² Прототипическая комитативная конструкция — «морфосинтаксическая конструкция, используемая в данном языке для выражения множественного участника Y ситуации S, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников U1 и U2, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг» [Архипов 2009: 67].

Третья и четвертая конструкции проявляют смешанные свойства. В третьей конструкции используется комитативный показатель, и, как мы покажем далее, две ИГ не образуют единую составляющую и имеют различный структурный ранг, однако глагольное согласование множественное. В четвертой конструкции именные группы соединяются с помощью союза, развившегося из комитативного показателя, которые в спонтанной устной речи взаимозаменяемы, что затрудняет определение равенства / неравенства структурных рангов двух ИГ. Можно предположить, что обе эти конструкции являются промежуточными между комитативными и сочинительными конструкциями, а именно сочинительными комитативными конструкциями³.

В следующем разделе мы более подробно рассмотрим структуру вышеперечисленных конструкций.

3. Анализ

Существует множество вариантов анализа комитативных конструкций. Прототипические комитативы могут анализироваться, например, как адъюнкты именной [Ionin, Matushansky 2003] или глагольной группы [Vassilieva, Larson 2001]. Сочинительные комитативы могут анализироваться, например, как бессоюзные сочинительные конструкции [Duła 1988] или как адъюнкты ИГ [Ionin, Matushansky 2003].

Основываясь на этих вариантах анализа, мы постараемся ответить на следующие вопросы, чтобы понять, как устроены комитативные конструкции в горномарийском языке:

1. Является ли комитативная группа в конструкциях [*X Y saga / dono V-SG*] адъюнктом к глагольной группе или к именной?

2. Является ли конструкция [*X Y dono V-PL*] сочинительным комитативом?

3. Является ли конструкция [*X don Y V-PL*] сочинительным комитативом?

Для того чтобы ответить на первый вопрос, мы рассмотрим, к именным группам в каких структурных позициях может относиться комитативная группа. Для ответа на второй и третий вопросы мы воспользуемся стандартными тестами, применяемыми для анализа комитативов (см., например, [Duła, Feldman 2008]).

³ Сочинительная комитативная конструкция — конструкция, в которой центральная ИГ и комитативная ИГ образуют единую составляющую, которая реферировать ко множественному объекту и требует маркирования глагола множественным числом. Например, *Даша с Иваном пошли гулять* (ср. **Даша пошли гулять с Иваном*).

3.1. Структурные позиции

Согласно [Ionin, Matushansky 2003] в русском языке и в сочинительно-комитативной конструкции типа *Маша с Петей пришли*, и в комитативной конструкции *Маша пришла с Петей* комитативные группы анализируются единообразно — как адьюнкты к ИГ. Одним из аргументов в пользу такого анализа является то, что центральные ИГ могут находиться в разных структурных позициях: в (6a) комитативная группа связана с ИГ в позиции посессора, в (6b) в позиции непрямого дополнения, а в (6c) в позиции прямого дополнения.

- (6) а. Это дом Маши с Петей.
 б. Я дала Пете с Машей яблоко.
 в. Петя ударил Машу с Катей.

Анализ комитативной группы как адьюнкта к глагольной группе в данном случае затруднителен. Если бы комитативная группа — адьюнкт к глагольной группе могла относиться только к субъекту, то она должна порождаться в специальной позиции внутри глагольной группы. Если же этот адьюнкт может относиться не только к субъекту, то неясно, где именно он мог бы порождаться. Вследствие этого унифицированный анализ комитативных групп как адьюнктов ИГ более приемлем [Ionin, Matushansky 2003].

В горномарийском языке комитативная группа может относиться только к субъекту (7), а, например, в позиции посессора (8) и непрямого объекта (9) комитативные группы запрещаются.

(7) *maša pet'a saga / dono tol-ân*
 Маша Петя около с приходить-ПРЕТ
 'Маша пришла с Петей.'

(8) **ti toma maša-n pet'a dono / saga*
 этот дом Маша-GEN Петя с около
 Ожидаемое значение: 'Это дом Маши с Петей.'

(9) **män' pet'a-lan maša dono / saga olma-m pu-en-äm*
 я Петя-DAT Маша с около яблоко-ACC дать-ПРЕТ-1SG
 Ожидаемое значение: 'Я дала Пете с Машей яблоко.'

Таким образом, мы считаем, что комитативная группа в этих конструкциях является адьюнктом к глагольной группе.

3.2. Тесты

Мы рассмотрим стандартные тесты, используемые для анализа комитативных конструкций (см., например, [Duřa, Feldman 2008]), представленные в Таблице 2, которые проиллюстрированы примерами из русского языка.

Таблица 2. Тесты, используемые в данной работе.

К — прототипический комитатив, СК — сочинительный комитатив, С — сочинение

тест	пример	К	СК	С
разрыв	<i>Оля в лес с Юрой ушла</i> <i>*Оля в лес с Юрой ушли</i> <i>*Оля в лес и Юра ушли.</i>	ОК	*	*
рефлексив ₁	<i>Оля_i пришла с Юрой_j в свой_{i, j, *i+j} дом.</i> <i>Оля_i с Юрой_j пришли в свой_{*i, *j, i+j} дом</i> <i>Оля_i и Юра_j пришли в свой_{*i, *j, i+j} дом</i>	i	i + j	i + j
рефлексив ₂	<i>Оля пришла со своим другом</i> <i>Оля со своим другом пришли</i> <i>*Оля и свой друг пришли.</i>	ОК	ОК	*
деепричастие	<i>Улыбаясь_{i, *j, *i+j} Оля гуляла с Юрой.</i> <i>Улыбаясь_{*i, *j, i+j} Оля с Юрой гуляли.</i> <i>Улыбаясь_{*i, *j, i+j} Оля и Юра гуляли.</i>	i	i + j	i + j
дистрибутивность	<i>*Оля получила по пять рублей с Юрой.</i> <i>Оля с Юрой получили по пять рублей.</i> <i>Оля и Юра получили по пять рублей.</i>	*	ОК	ОК

Эти тесты демонстрируют различия между комитативными и сочинительными конструкциями, а также позволяют изучить структуру сочинительных комитативных конструкций: из столбца СК в Таблице 2 мы видим, что в русском языке сочинительные комитативы имеют как сочинительные, так и комитативные свойства.

Первый тест показывает, что в сочинительной конструкции нельзя разорвать составляющую. В комитативной же конструкции центральная и комитативная ИГ не образуют единую составляющую, поэтому вставка между ними других слов допустима.

Во втором тесте в комитативной конструкции *свой* может реферировать только к объекту, принадлежащему референту центральной именной группы, а в сочинительной конструкции — к референтам двух соединяемых именных групп.

Третий тест демонстрирует, что в комитативной конструкции допустимо использование слова *свой* в комитативной группе, в то время как сочинить именные группы при наличии в одной из них этого слова невозможно.

Из четвертого теста видно, что в комитативной конструкции только центральная ИГ контролирует нулевой субъект деепричастной клаузы. В сочинительных же конструкциях нулевой субъект контролируется обоими ИГ.

Наконец, пятый тест показывает, что в комитативных конструкциях невозможно получить дистрибутивную интерпретацию, в то время как в сочинительных конструкциях она допустима.

Итак, применим данные тесты к горномарийским данным.

3.2.1. Разрыв составляющей

В комитативной конструкции центральная и комитативная ИГ не образуют единую составляющую, поэтому вставка слова между ними допустима:

- (10) *maša šärgä-škä pet'ä saga / dono ke-n*
 Маша лес-ИЛЛ Петя около с идти-ПРЕТ
 'Маша пошла в лес с Петей.'

В конструкциях с *dä* и *don* две именные группы образуют единую составляющую, которая не может быть разорвана (11). Таким образом, эти конструкции можно анализировать как сочинительные.

- (11) **maša šärgä-škä dä / don pet'a ke-n-ät*
 Маша лес-ИЛЛ и и Петя идти-ПРЕТ-3PL
 Ожидаемое значение: 'Маша и Петя пошли в лес.'

В конструкции с *dono* и множественным глагольным согласованием разрыв двух ИГ допустим:

- (12) *maša šärgä-škä pet'a dono ke-n-ät*
 Маша лес-ИЛЛ Петя с идти-ПРЕТ-3PL
 'Маша пошла в лес с Петей.'

Таким образом, в конструкции [*X Y dono V-PL*] центральная и комитативная ИГ не образуют единую составляющую, поэтому ее нельзя анализировать ни как сочинительную, ни как сочинительную комитативную конструкцию.

3.2.2. Рефлексив₁

В конструкциях с глагольным согласованием по единственному числу употребление слова *ške* 'свой' и посессивного показателя 3 л. ед. ч. допустимо (13), а в сочинительных конструкциях такое употребление запрещено (14).

- (13) *maša pet'a saga / dono ške toma-škâ-žâ tol-ân*
 Маша Петя около с свой дом-ILL-POSS.3SG приходить-PRET
 'Маша пришла с Петей в свой дом.'

- (14) **maša dä / don pet'a ške toma-škâ-žâ tol-ân-ât*
 Маша и и Петя свой дом-ILL-POSS.3SG приходить-PRET-3PL
 Ожидаемое значение: 'Маша и Петя пришли в дом Маши.'

В конструкции [X Y dono V-PL] употребление *ške* и посессивного показателя 3 л. ед. ч. допустимо, что еще больше сближает ее с прототипическими комитативными конструкциями:

- (15) *maša pet'a dono ške toma-škâ-žâ tol-ân-ât*
 Маша Петя с свой дом-ILL-POSS.3SG приходить-PRET-3PL
 'Маша пришла с Петей в свой дом.'

3.2.3. Рефлексив₂

В конструкциях с *saga* и *dono* и глагольным согласованием по единственному числу слово *ške* свой может быть использовано в комитативной группе (16), а в сочинительных конструкциях такое употребление разрешают не все носители (17).

- (16) *maša ške täng-žâ saga / dono lapka-š ke-n*
 Маша свой друг-POSS.3SG около с магазин-ILL идти-PRET
 'Маша пошла в магазин со своим другом.'

- (17) %*maša dä / don ške täng-žâ lapka-š ke-n-ât*
 Маша и и свой друг-POSS.3SG магазин-ILL идти-PRET-3PL
 'Маша и ее друг пошли в магазин.'

В конструкции с *dono* и множественным глагольным согласованием на употребление *ške* запретов зафиксировано не было:

- (18) *maša ške täng-žâ dono lapka-š ke-n-ât*
 Маша свой друг-POSS.3SG с магазин-ILL идти-PRET-3PL
 'Маша со своим другом пошла в магазин.'

Таким образом, по этому тесту конструкция [X Y dono V-PL] тоже похожа на прототипический комитатив.

3.2.4. Деепричастие

В комитативной конструкции с *saga* и *dono* только референт центральной именной группы может быть коиндексирован с конвербом (19), а в сочинительной конструкции с конвербом коиндексированы обе ИГ (20).

- (19) *jär-en kat'a pet'a dono / saga kino-škâ ašked-än*
 улыбайся-CVB Катя Петя с около кино-ILL шагать-PRET
 'Улыбаясь_{i,*j,i+j}, Катя_i шла в кино с Петей_j.'

- (20) *jären kat'a dä / don pet'a kino-škâ ašked-än-ät*
 улыбайся-CVB Катя и и Петя кино-ILL шагать-PRET-3PL
 'Улыбаясь_{i+j,*i,*j}, Катя_i и Петя_j шли в кино.'

Конструкция с *dono* и множественным глагольным согласованием тоже допускает только коиндексацию «по сумме» двух именных групп:

- (21) *jären kat'a pet'a dono kino-škâ ašked-än-ät*
 улыбайся-CVB Катя Петя с кино-ILL шагать-PRET-3PL
 'Улыбаясь_{i+j}, Катя_i и Петя_j шли в кино.'

3.2.5. Дистрибутивность

Конструкции [*X Y saga / dono V-SG*] не могут употребляться при дистрибутивной интерпретации (22), в то время для конструкций [*X dä / don Y V-PL*] такое употребление грамматично.

- (22) **maša kat'a dono / saga kâtm kanfet gâc kačk-än*
 Маша Катя с около три конфета из есть-PRET
 Ожидаемое значение: 'Маша с Катей съели по три конфеты.'

- (23) *maša dä / don kat'a kâtm kanfet gâc kačk-än-ät*
 Маша и и Катя три конфета из есть-PRET-3PL
 'Маша и Катя съели по три конфеты.'

Конструкция [*X Y dono V-pl*] допускает дистрибутивную интерпретацию, что сближает ее с сочинительными конструкциями:

- (24) *maša kat'a dono kâtm kanfet gâc kačk-än-ät*
 Маша Катя с три конфета из есть-PRET-3PL
 'Маша с Катей съели по три конфеты.'

Обобщим полученные результаты в Таблице 3.

Таблица 3. Результаты применения синтаксических тестов

тест	<i>X Y saga/dono V-SG</i>	<i>X Y dono V-PL</i>	<i>X dä/don Y V-PL</i>
разрыв	ОК	ОК	*
рефлексив ₁	ОК	ОК	*
рефлексив ₂	ОК	ОК	%
причастия	i	i + j	i + j
дистрибутивность	*	ОК	ОК

По всем тестам комитативные конструкции (*[X Y saga / dono V-SG]*) противопоставляются сочинительным (*[X dä / don Y V-PL]*). Поскольку в конструкции *[X don Y V-PL]* невозможен разрыв составляющей, мы считаем, что перед нами сочинительная комитативная конструкция. Вопрос о том, почему эту конструкцию нельзя считать просто сочинением (как конструкцию *[X dä Y V-PL]*), т.к. результаты применения всех рассмотренных тестов идентичны, мы рассмотрим в следующем разделе.

По первым трем тестам конструкция *[X Y dono V-PL]* не отличается от комитативной — в ней допустимо употребление рефлексивов, а комитативная группа и центральная именная группа не образуют единую составляющую, поэтому данная конструкция не является сочинительной комитативной. Однако из-за множественного глагольного согласования по последним двум тестам эта конструкция имеет некоторые сочинительные свойства: она допускает дистрибутивную интерпретацию, а причастие коиндексировано с двумя соединяемыми именными группами. В следующем разделе мы рассмотрим, что может лицензировать множественное глагольное согласование в отсутствие сочиненных ИГ.

4. Обсуждение

4.1. Конструкция *[X don Y V-PL]*

Итак, несмотря на то, что результаты применения всех рассмотренных тестов для конструкций *[X dä Y V-PL]* и *[X don Y V-PL]* идентичны, мы не можем считать конструкцию с *don* просто сочинительной.

Например, для польского языка в работе [Dyła 1988] утверждалось, что сочинительный комитатив не отличается от сочинения, поскольку они обладают одинаковыми свойствами. Например, в отличие от русского языка в польском невозможно употребление с рефлексивами как сочинительного комитатива (25), так и сочинения (26).

- (25) **Dorota_i ze swym_i chłopakiem poszli na plażę*
 Дорота.NOM с свой.INSTR друг.INSTR пошли.MASC на пляж.ACC
 Ожидаемое значение: ‘Дорота со своим другом пошли на пляж.’
 [Dyła, Feldman 2008: 11]

- (26) **Dorota_i i swój_i chłopak poszli na plażę*
 Дорота.NOM и свой.NOM друг.NOM пошли.MASC на пляж.ACC
 Ожидаемое значение: ‘Дорота и ее друг пошли на пляж.’
 [Dyła, Feldman 2008: 11]

Однако в [Trawiński 2012] высказывается иное мнение: сочинительный комитатив не может анализироваться как сочинение, поскольку структурный ранг у двух именных групп разный: комитативной группе всегда присывается творительный падеж, вне зависимости от того, в каком падеже стоит центральная ИГ. Таким образом, сочинительная комитативная конструкция и сочинительная конструкция имеют разные структуры и в первой конструкции комитативная группа является адьюнктом к ИГ.

В горномарийском языке свойства двух союзов тоже отличаются. Во-первых, при *dä* падежное маркирование одинаково на обоих конъюнктах, а при *don* — нет (ср. недопустимость употребления *don* с падежным маркированием обоих конъюнктов в (27) и недопустимость *dä* с различным падежным маркированием на двух конъюнктах (28)).

- (27) *mən' maša-m dä / *don daša-m jarat-em*
 я Маша-ACC и и Даша-ACC любить-NPST.1SG
 ‘Я люблю Машу и Дашу.’

- (28) *mən' maša don / *dä daša-m jarat-em*
 я Маша и и Даша-ACC любить-NPST.1SG
 ‘Я люблю Машу и Дашу.’

Во-вторых, *dä* может соединять любые группы, а *don* только именные: например, *don* не может соединять прилагательные (29), в то время как *dä* грамматичен в данном примере.

- (29) *kat'a cever dä / *don äš-an ädäräš*
 Катя красивый и и ум-PROP девушка
 ‘Катя красивая и умная девушка.’

В-третьих, *dä* может сочинять три и более конъюнкта, а *don* — нет (30).

- (30) *maša, pet'a dä / *don kat'a škol-âš ke-ät*
 Маша Петя и и Катя школа-ILL идти-NPST.3PL
 'Маша, Петя и Катя идут в школу.'

При наличии трех именных групп и употреблении *don* допустима лишь интерпретация, где *don* соединяет только соседние ИГ, образуя группу, которая потом соединяется с первой ИГ посредством интонации (31).

- (31) *pet'ä, [maša don vas'a] škol-âš ke-ät*
 Петя Маша и Вася школа-ILL идти-NPST.3PL
 'Петя и Маша с Васей идут в школу.'

Также аргументом в пользу того, что группа с *don* может анализироваться как адьюнкт к ИГ, является то, что, согласно [Галкин 1964: 179] «последеложное значение 'с кем, с чем' развилось в союзное соединительное значение 'и'. Книга ден тетрадь 'Книга и тетрадь' первоначально должно было означать 'с книгой тетрадь'».

Несмотря на взаимозаменяемость в устной речи элементов *dono* и *don*, конструкции [*X Y don(o)*] и [*X don(o) Y*] имеют разные свойства. Например, в (32) в конструкции [*X don(o) Y*] глагольное согласование по единственному числу невозможно, а в (33) в конструкции [*X Y don(o)*] при выносе комитативной группы допустимо и множественное, и единственное глагольное согласование, поскольку после группы [*maša dono*] есть пауза.

- (32) *maša don ivan kino-škâ ke-n-ät / *ke-n*
 Маша и Иван кино-ILL идти-PRET-3PL идти-PRET
 'Маша и Иван пошли в кино.'

- (33) *maša dono, ivan kino-škâ ke-n-ät / ke-n*
 Маша с Иван кино-ILL идти-PRET-3PL идти-PRET
 'Маша с Иваном пошли в кино.'

Таким образом, структура конструкций [*X dä Y V-PL*] и [*X don Y V-PL*] не идентична: в первом случае мы видим пример сочинения, а во втором случае комитативная группа является адьюнктом к ИГ.

4.2. Конструкция [*X Y dono V-PL*]

Как уже было сказано выше, в конструкции [*X Y dono V-PL*] допустимо употребление рефлексивов, а комитативная группа и центральная именная

группа не образуют единую составляющую, что сближает ее с прототипической комитативной конструкцией. Однако эта конструкция имеет некоторые сочинительные свойства: она допускает дистрибутивную интерпретацию, а нулевой субъект деепричастной клаузы коиндексирован с двумя соединяемыми именными группами, что происходит из-за множественного глагольного согласования. Попробуем ответить на вопрос, что может лицензировать множественное глагольное согласование в отсутствие сочиненных ИГ.

Аналогичное явления было зафиксировано в языке цоциль (< майянские): центральная и комитативная ИГ не образуют единую составляющую, но при этом глагольное согласование может быть множественным [Aissen 1989]. Это объясняется с помощью ассоциативной множественности и подкрепляется тем, что в примере (34) допустимы две интерпретации: центральная группа может реферировать к одному человеку или к нескольким сразу.

(34) *ʔi-veʔ-ik xchiʔuk jkaxlan li Xune.*

ASP-есть-PL с Йкахлан DEF Ксун

1. 'Ксун ел с Йкахланом.'

2. 'Ксун и еще кто-то ели с Йкахланом.' [Aissen 1989: 533]

Такой анализ подтверждается примером (35): употребление ИГ без комитативной группы, но с множественным глагольным согласованием допустимо.

(35) *ʔi-veʔ-ik li Xune.*

ASP-есть-PL DEF Ксун

'Ксун ел с кем-то.' [Aissen 1989: 533]

Интересно, что в хантыйском языке (< обско-угорские) центральная и комитативная ИГ тоже могут быть разорваны (36), т.е. они не образуют единую составляющую, а ассоциативная множественность тоже может выражаться словом без показателей множественного числа (37) [Соколова 2018].

(36) *maʃaj-en wənt-a pet'aj-en pɪl-a mǎn-s-əŋən*

Маша-POSS.2SG лес-DAT Петя-POSS.2SG с-DAT идти-PST-3DU

'Маша с Петей пошли в лес.'

(37) *waʃaj-en woʃ-a kasλ-λ-əŋən*

Вася-POSS.2SG город-DAT переезжать-NPST-3DU

'Вася переезжает в город с кем-то еще.' [Соколова 2018]

Таким образом, для хантыйского языка доступен анализ, что множественное глагольное согласование, как в (36), лицензируется именной группой с нулевым показателем ассоциативной множественности, что дословно значит «Маша и X пошли в лес, где X = Петя».

Однако в горномарийском языке ассоциативная множественность не может быть выражена нулевым показателем:

- (38) *maša*(-vlä) tol-ân-ât*
 Маша-PL приходит-PRET-3PL
 ‘Маша и члены ее семьи / друзья пришли.’

При этом предложения, где центральная ИГ одновременно содержит показатель ассоциативной множественности (в случае горномарийского языка это базовый аффикс мн. ч.) и комитативный показатель, признаются приемлемыми не всеми носителями:

- (39) *maša(°-vlä) pet'ä dono tol-ân-ât*
 Маша-PL Петя с приходит-PRET-3PL
 ‘Маша с Петей пришли.’

Тем не менее нам встретился пример с выраженным показателем ассоциативной множественности в вопросительном предложении (40). Можно предположить, что он может быть выражен только в специальных контекстах, например, в вопросительных предложениях или в предложениях без комитативной группы (38).

- (40) *maša(-vlä) kü dono tol-ân-ât?*
 Маша-PL кто с приходит-PRET-3PL
 ‘Маша с кем пришла?’

Также нам встретился пример с вопросительным предложением, где множественное глагольное согласование появляется и в присутствии послелога *saga* (41). Можно предположить, что при наличии комитативной группы в вопросительных предложениях показатель ассоциативной множественности может быть опущен (ср. (40)), а в прочих предложениях — должен (ср. (39)).

- (41) *maša kü don / saga tol-ân-ât?*
 Маша кто с около приходит-PRET-3PL
 ‘Маша с кем пришла?’

Таким образом, для горномарийского языка анализ с помощью ассоциативной множественности тоже можно признать допустимым: в конструкции [X Y *dono* V-PL] множественное число лицензируется нулевым показателем ассоциативной множественности, который может возникать в специальных условиях, например, при употреблении комитативных показателей. Тем не менее точный механизм данного явления требует дальнейших исследований.

5. Заключение

Мы описали способы соединения именных в горномарийском языке, которое может осуществляться с помощью послелогов *saga* ‘около’, *dono* ‘с’ и сочинительных союзов *dä* и *don*.

Мы показали, что в конструкциях с послелогом и глагольным согласованием по единственному числу комитативная группа представляет собой адьюнкт к глагольной группе.

Конструкция с *dä* и множественным глагольным согласованием является сочинительной, а конструкция с *don* и множественным согласованием — сочинительной комитативной, и группа с *don* является адьюнктом к именной группе.

Конструкция с *dono* и множественным глагольным согласованием не может анализироваться как сочинительная комитативная, т.к. комитативная и центральная именная группа не образуют единую составляющую. Мы предполагаем, что множественное глагольное согласование появляется из-за нулевого показателя ассоциативной множественности.

Условные обозначения и сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ACC — аккузатив; ASP — аспект; CVB — конверб; DAT — датив; DEB — дебитатив; DEF — определенность; DU — двойственное число; GEN — генитив; ILL — иллатив; INSTR — инструменталис; MASC — мужской род; NOM — номитатив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; PTCP.PASS — пассивное причастие; SG — единственное число.

Литература

Архипов 2009 — Архипов А.В. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009. [Arkhipov A.V. Tipologiya komitativnykh konstruksii [Typology of comitative constructions]. Moscow: Znak, 2009.]

- Галкин 1964 — Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка, морфология. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1964. [Galkin I.S. Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka, morfologiya [Historical grammar of Mari, morphology]. Ioshkar-Ola: Marknigoizdat, 1964.]
- Майтинская 1982 — Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. [Maitinskaya K.E. Sluzhebnye slova v finno-ugorskikh yazykakh [Functional words in Finno-Ugric]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Саваткова 2002 — Саваткова А.А. Горное наречие марийского языка. *Bibliotheca Cere- missica*, 2002. [Savatkova A.A. Gornoe narechie mariiskogo yazyka [The Hill Mari lan- guage]. *Bibliotheca Ceremissica*, 2002.]
- Соколова 2018 — Соколова И.С. Некоторые вопросы, связанные с числом в казымском диалекте хантыйского языка. Экспедиционный отчет, 2018. [Sokolova I.S. Nekotorye voprosy, svyazannye s chislom v kazymском dialekte khantyiskogo yazyka [Some aspects of number in Kazym Khanty]. *Materials of the fieldwork*, 2018.]
- Хомченкова, в печати — Хомченкова И.А. Показатель *-ge* в горномарийском языке: между комитативом и аддитивной частицей. *Acta Linguistica Petropolitana*, в печати. [Khom- chenkova I.A. Pokazatel' *-ge* v gornomariiskom yazyke: mezhdu komitativom i additivnoi chastitsej [The affix *-ge* in Hill Mari: Between a comitative and an additive particle]. *Acta Linguistica Petropolitana*, in press.]
- Aissen 1989 — Aissen J.L. Agreement controllers and Tzotzil comitatives. *Language*. 1989. Vol. 65. No. 3. P. 518–536.
- Dyła 1988 — Dyła S. Quasi-comitative coordination in Polish. *Linguistics*. 1988. Vol. 26. P. 383–414.
- Dyła, Feldman 2008 — Dyła S., Feldman A. On comitative constructions in Polish and Russian. Zybatow G. (ed.), *Formal description of Slavic languages: The fifth conference*, Leipzig 2003. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008.
- Ionin, Matushansky 2003 — Ionin T., Matushansky O. DPs with a twist: A unified analysis of Russian comitatives. Browne W., Kim J.-Y., Partee B.H., Rothstein R.A. (eds.). *Formal ap- proaches to Slavic linguistics 11: The Amherst Meeting 2002*, Ann Arbor. Michigan Slavic Publications, 2003. P. 255–274.
- Stassen 2000 — Stassen L. AND-languages and WITH-languages. *Linguistic Typology*. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 1–54.
- Trawiński 2012 — Trawiński B. Polish comitative constructions: Empirical investigation and formal description. Ph.D. thesis. University of Tübingen, 2012.
- Vassilieva, Larson 2001 — Vassilieva M., Larson R. The semantics of the plural pronoun con- struction. Hastings R., Jackson B., Zvolenski Z. (eds.). *Proceedings of Semantics and linguis- tic theory (SALT) XI*, Ithaca. CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell Univer- sity, 2001. P. 449–465.

Статья поступила в редакцию 19.11.2018

The article was received on 19.11.2018

Ирина Андреевна Хомченкова

студент 1-го курса магистратуры, МГУ имени М. В. Ломоносова; младший научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Irina A. Khomchenkova

1st year M.A. student, Lomonosov Moscow State University; junior researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

irina.khomchenkova@yandex.ru

СИСТЕМА КЛИТИК В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ЗАКОНОВ*

А. В. Циммерлинг¹, Д. А. Дахин²

¹Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,

¹Московский педагогический государственный университет,

¹Институт языкознания РАН,

²независимый исследователь

В статье методами синхронной и исторической типологии изучаются параметры порядка слов, связанные с ограничениями на линеаризацию финитного глагола и сентенциальных клитик в группе однородных в жанровом отношении текстов древнескандинавских языков — уложениях скандинавского общинного права на древнеисландском (Grágás), древненорвежском (Gulathingsslag), древнегютнийском (Guta Lag), древнешведском (Äldre Vestgötalagen) и древнедатском (Jyske Lov) языках XIII–XIV вв. Все данные языки могут быть отнесены к классу V1/V2 & CL2/CL3.

Ключевые слова: порядок слов, ветвление структура клаузы, языки второй позиции, ограничение V2, клитики, правила рангов, глагол, финитность, древнескандинавские языки.

* Статья написана при поддержке проекта РФФИ № 17-04-00444 «Грамматические категории в структуре клаузы», реализуемого в МПГУ.

THE SYSTEM OF CLITICS IN THE LANGUAGE OF OLD SCANDINAVIAN LAW CODES*

Anton Zimmerling¹, Dmitrij Dahin²

¹*Pushkin State Russian Language Institute,*

¹*Moscow Pedagogical State University,*

¹*Institute of Linguistics RAS,*

²*Independent Scholar*

This paper is addressed the word order parameters constraining the positions of the finite verb and the sentential clitics in a group of Old Scandinavian regional law codes of the XIII-XIV centuries — Old Grágás (Old Icelandic), Gulathinglag (Old West Norwegian), Guta lag (Old Gutnish), Äldre Vestgötalagen (Old Swedish) and Jyske Lov (Old Danish). We argue that all these Old Scandinavian languages pattern with the V1/V2 and CL2/CL3 types.

Keywords: word order, branching, clause structure, 2P languages, V2, clitics, clitic templates, verb, finiteness, Old Scandinavian languages.

* This paper was written with financial support from the research project of the Russian foundation for Basic Research, № 17-04-00444 “Grammatical categories in the clausal structure” realized at Moscow Pedagogical State University.

1. Параметр V2 и языки V1/V2

В настоящей статье обсуждаются параметры, связанные с ограничениями на место финитного глагола и сентенциальных клитик в группе однородных в жанровом отношении памятников древнескандинавских языков. Древнескандинавские языки относятся к северной подгруппе германской группы языков [Noreen 1904; 1913], считающейся хорошо изученной в плане синтаксиса. Одной из самых известных особенностей германских языков является ограничение на место финитного глагола в независимых невопросительных клаузах (далее — ‘ограничение V2’) [Vikner 1995; Holmberg, Platzack 1995]. Ограничение V2 присуще значительному большинству древних и новых германских языков, за вычетом самого древнего документированного — старшего рунического языка [Haugen 1984: 161], а также готского языка, самого распространенного современного германского языка — новоанглийского, древнеанглийского языка и лингвистических креолов новейшего времени [Walkden 2014]. Для отсутствия V2 в конкретных германских языках принято искать специальные объяснения, которые в силу особенностей материала всегда апеллируют либо к архаичности синтаксической системы, либо, наоборот, к ее инновационности и вторичным процессам. Напротив, наличие ограничения V2 по умолчанию принимается за нормальную или исконную характеристику системы порядка слов германского языка.

У.Ф. Леман и П. Хоппер [Lehmann 1974: 245–250; Hopper 1975] объясняют несоблюдение ограничения V2 в языке старших рунических надписей 200–600 гг. тем, что в этот период древние германские языки якобы сохраняли базовый порядок SOV, унаследованный из индоевропейского праязыка. Напротив, О.А. Смирницкая считает тексты старших рунических надписей непрезентативными в плане синтаксиса и отвергает гипотезу Лемана — Хоппера *ipso facto*, поскольку наличие самой линейной организации слов в текстах старших рунических надписей филологически недоказуемо [Смирницкая 1990: 1994: 202, 206]. В [Топорова 1990: 217–220; Циммерлинг 1998: 201] наличие синтаксической организации в языке старших рунических надписей все же допускается, но делается вывод, что говорить о фиксированном месте глагола в этой группе памятников нельзя. Даже если верить, что в руки лингвиста каким-то образом попал алгоритм расположения слов на поверхности камня, например — только слева направо или справа налево, приходится признать многообразие линейных поряд-

ков — SOV, SVO, OVS, VOS. В истории английского языка ограничение V2 ни в один момент времени не было зафиксировано, хотя оно есть в древнесаксонском языке, близкородственном древнеанглийскому [Ries 1907]. Дж. Уокден объясняет этот факт тем, что английский язык подвергся креолизации в ситуации переселения народов и интенсивных контактов с негерманскими языками. В качестве параллели он приводит отступления от V2 в субнормативных вариантах современных континентальных германских языков в речи иммигрантов [Walkden 2017]. Обрисованный Уокденом социолингвистический механизм правдоподобен, но предложенное им объяснение явно не может быть единственным. Поскольку древние германцы в эпоху переселения народов в любом месте сталкивались с негерманскими субстратными языками, отсутствие явных нарушений V2 в континентальных древнегерманских языках и в древнескандинавских языках, применительно к которым в последние годы была обоснована гипотеза о масштабном саамском влиянии [Kusmenko 2008; Кузьменко 2011], непонятно.

С точки зрения современной лингвистической типологии гипотеза Лемана — Хоппера о том, что отсутствие V2 связано с порядком SOV и левым ветвлением в глагольной группе (дополнения и прочие глагольные зависимые стоят перед глагольной вершиной), а становление V2 — с переходом SOV \Rightarrow SVO и правым ветвлением в глагольной группе (дополнения и прочие глагольные зависимые стоят после глагольной вершины), сформулирована некорректно. Параметр V2, т.е. ограничение на число групп, стоящих перед финитным глаголом, формулируется в терминах структуры клаузы [Roberts 2012; Zimmerling, Lyutikova 2019]. В германских языках это ограничение действует лишь в некоторых диагностических типах клауз, прежде всего — в невопросительных независимых финитных клаузах, что было установлено более 100 лет назад Б. Дельбрюком [Delbrück 1911]. Напротив, относительное расположение дополнения и глагола (OV ~ VO) определяется параметром ветвления (*branching condition*), который может быть задан либо как условие развертывания всех бинарных групп, если направление ветвления во всех типах групп одинаково, либо как локальное правило относительного расположения групп заданного типа [Циммерлинг 2008; 2013: 17], например, групп ‘финитный глагол + лексический глагол’, ‘глагол + фразовая частица’, ‘лексический глагол + дополнение’ [Циммерлинг 2002: 239–260]. Типология базовых порядков обобщает упорядочение вершинного и зависимых элементов, в том числе — в группах (S + V) и (V + O) [Dryer 2013].

Языки с параметром V2 запрещают постановку более чем одной синтаксической группы перед финитным глаголом (Vfin) в предложении, но одновременно допускают заполнение предфинитной позиции (XP) по меньшей мере двумя разными типами категорий предложения, например субъектными ИГ (S), объектными ИГ (O) и обстоятельством.

(i) $[_{XP} S \vee O \vee Adv] - Vfin; *S \wedge O - Vfin, *S \wedge Adv - Vfin, *O \wedge Adv - Vfin.$

Формула (i) одновременно определяет позиции Vfin и XP и является дефиниционной характеристикой систем с параметром V2. В языках данного типа позиции финитного и нефинитного глагола (Vlex) различаются, что диагностируется в случае, когда сказуемое является составным (Vfin + Vlex). В германских языках V2, а также в языке кашмири дардской группы [Bhatt 1999] предложения с субъектной ИГ в префинитной позиции значительно преобладают количественно, что не является основанием для того, чтобы интерпретировать позицию XP в этих языках как позицию подлежащего (S) в терминах структуры клаузы¹. В то же время, данный факт позволяет одновременно интерпретировать языки V2 как языки с базовыми порядками SVO или SOV. Они не могут быть строгими языками с начальным глаголом (V1), так как систематический отход глагола от начала клаузы несовместим с определением типа V1. Вместе с тем, древние германские языки допускали коммуникативно-обусловленные предложения с порядком V1 в главных повествовательных клаузах и инверсией глагола и подлежащего, т.н. нарративной инверсией, ср. др.исл. *Hann (1) fór (2) út (3)* ‘Он (1) вышел (2) в море (3)’ \Rightarrow *#(Ok) fór (1) hann (2) út (3)* ‘(И) вышел (1) он (2) в море (3)’. Аналогичные явления отмечены для древних западногерманских языков [Hinterhölzl, Petrova 2010] Доля предложений с нарративной инверсией тем выше, чем ближе памятник к устной традиции [Heusler 1913]. Этот факт был хорошо известен Б. Дельбрюку [ibid.], который полагал, что комбинация ограничения V2 с параметром нарративной инверсии (SV \Rightarrow #VS) в языке древнеисландских саг может быть спроецирована в прагерманское состояние. В начальной позиции Б. Дельбрюк считал финитный глагол ударным, а во второй позиции — атонируемым, безударным элементом. Наличие нарративной инверсии и порядка V1 на материале

¹ Более того, точная диагностика позиции подлежащего в конкретном германском языке обычно связана с его местом в постфинитной части предложения, что впервые показал П. Дидерихсен на материале датского языка [Diderichsen 1946].

древнедатского языка позже показал П. Дидериксен, исследовавший язык одного из уложений областного древнескандинавского права — «Сконского права» [Diderichsen 1941]. Таким образом, отнесение древнескандинавской системы порядка слов к подтипу V1/V2 опирается не только на язык саг и не только на данные древнеисландского языка [Циммерлинг 2002: 317]. Интерпретация языков V1/V2 в терминах структуры клаузы представляет проблему. Приходится либо допустить нарушение формулы (i) в предложениях V1 [Platzack 2008], либо трактовать метафору нарративной инверсии буквально и признать, что уже порожденный порядок V2 под воздействием информационной структуры преобразуется в порядок V1 [Zimmerling 2015b; Zimmerling, Lyutikova 2019].

В языке кашмири параметр V2 комбинируется с последовательным левым ветвлением всех типов лексических категорий [Bhatt 1999: 79]. Современные немецкий и нидерландский языки, где глагол в придаточных клаузах занимает конечное положение (нем. *Er hat das Buch gekauft* 'Он купил эту книгу.' ~ *daß er das Buch gekauft hat*, букв. 'что он эту книгу купил'), в терминах типологии базового порядка являются языками с непоследовательным ветвлением SVO/SOV, а в терминах фразовой структуры — языками с разнонаправленным ветвлением лексических и функциональных категорий [Лютикова, Циммерлинг 2018: 21]. Формула SVO/SOV соответствует распределению линейных порядков с финитным глаголом в языке древнегерманских памятников аллитерационного стиха [Kuhn 1933], но их синтаксическая система и система современных немецкого и нидерландского языков не находятся в отношении исторической преемственности. Конечное положение финитного глагола в придаточных (...V#) данных языков может объясняться независимыми причинами [Смирницкая 1994: 320].

Стабильность параметра V2 в большинстве германских языков на протяжении более тысячи лет оставляет без ответа два важных вопроса. 1) Как ограничение V2 возникло, и какая синтаксическая система ему предшествовала? 2) Почему системы порядка слов с порядками V2 и V1/V2 почти не засвидетельствованы за пределами европейского ареала? Кроме германских языков к данному типу можно отнести только упоминавшийся выше язык кашмири, а также, возможно, язык вамбая семьи минди (Австралия), который согласно описанию Р. Нордлингер [Nordlinger 1998: 206–207], соответствует формуле (i) с той поправкой, что финитный оператор вамбая не имеет глагольной морфологии. Сама Р. Нордлингер, впрочем, данный вывод в своей книге не делает.

Б. Дельбрюк в 1911 г. не только описал параметр V2 на материале древнескандинавских памятников народного стиля, но и предложил диахроническое объяснение, которое с небольшими вариациями воспроизводится в германистике в течение более ста лет. По его мнению, вторая позиция от начала клаузы была позицией атонируемых элементов, финитный глагол в независимых невопросительных предложениях не нес фразового ударения во внутриклаузальной позиции и уподоблялся клитикам. Второе место атонируемого глагола было частным случаем закона Ваккернагеля [Wackernagel 1892], т.е. принципа, по которому клитики уровня предложения занимают место после первого ударного слова или первой группы предложения². В позднем индоевропейском языке закон Ваккернагеля действовал, а в древних германских языках уже нет, клитики исчезли и принцип постановки глагола на второе место от начала клаузы был обобщен, вероятно, еще в дописьменную эпоху. Анализ Дельбрюка в неявном виде содержит два типологических утверждения, возможности для проверки которых в начале XX в. не было. Первое касается возможности включить языки V2 в более обширный класс языков второй позиции (2P), куда входят также языки с клитиками второй позиции (далее — CL2). Языки второй позиции тоже выделяют начальную позицию XP, может быть в разных предложениях заполняться группами по крайней мере двух разных категорий A и B, но в каждом конкретном предложении заполняется ровно одной группой:

$$(ii) \quad [_{XP} A \vee B] - V_{fin}/CL2; *A \wedge B - V_{fin}/CL2$$

Второе утверждение касается того, что системы с ограничением V2 исторически вторичны по отношению к системам с законом Ваккернагеля и клитиками второй позиции (CL2)

$$(iii) \quad XP - CL2 \Rightarrow XP - V_{fin}$$

Формула (ii) правдоподобна, если при описании языков мира с CL2 принять за основу случай, когда клитики размещаются после первой полной группы предложения или могут стоять как после первой группы, так и после ее фрагмента, как, например, в современном сербохорватском языке

² Я. Ваккернагель рассматривал только представленный в древних индоевропейских языках случай, когда клитики уровня предложения стоят после первого фонетического слова.

или языке луйсеньо [Halpern, Zwicky 1996; Spencer, Lúis 2012; Циммерлинг 2012: 17]. К концу XX – началу XXI вв. в разных ареалах было описано значительное количество языков мира с CL2, структурное сходство между которыми в общем случае нельзя объяснить общностью происхождения и географической близостью [Anderson 1993; Roberts 2012; Zimmerling 2015a].

Импликация (iii) сомнительна по двум причинам. Во-первых, при обилии древних и новых языков с CL2 переход $XP — CL2 \Rightarrow XP — V_{fin}$ нигде не засвидетельствован, за вычетом одного спорного случая, где предполагается прямое влияние древних западногерманских языков V2 на старофранцузский язык [Mathieu 2006]. Если переход (iii) регулярен, он должен реализовываться чаще. Во-вторых, неверно, будто германские языки в эпоху действия параметра V2 полностью утратили клитики. В древних германских языках действительно нет унаследованных из индоевропейского состояния дублетных форм личных местоимений типа др.рус. *мнль* '1p.Dat.Sg.' : = *ми* 'CL.1p.Dat.Sg.', представляющих одну и ту же грамему³. Такие морфологические дублетные формы есть в ряде других индоевропейских и неиндоевропейских языков с законом Ваккернагеля, ср. [Зализняк 2008: 35–36; Mushin, Simpson 2008], но их наличие не является общей характеристикой языков CL2. В языке древнеисландских саг есть цепочки слабоударных элементов, которые во внутриклаузуальной позиции упорядочиваются по столь жестким правилам, как цепочки клитик. Такие цепочки могут включать слабоударные субъектные, объектные и рефлексивные местоимения, дейктические частицы *nú* 'теперь', *þá* 'тогда', наречные элементы. Правило рангов древнеисландских клитик впервые было выделено в [Циммерлинг 2002: 368–375] на основе «Саги о Фарерцах» (начало XIII в.). В [Дахин 2018] показано, что то же правило действует в текстах других саг. Близкие правила рангов были выделены для памятников среднешведского и средненорвежского языков XV–XVI вв. [Циммерлинг 2002: 465–471; 2016]. Во всех этих случаях внешняя позиция клитик / цепочек клитик (clitic-external ordering) определяется формулой:

(iv) $XP — V_{fin} — CL \sim \#V_{fin}—CL$

³ Само атонирование личных местоимений во внутриклаузуальной позиции, тем не менее, представлено, ср. комментарии А. Нурена о древнешведских и древнегюттнийских личных местоимениях [Noreen 1904: 390–391]. Грамматика А. Нурена также содержит раздел об общих условиях энклизы и проклизы в данных языках [ibid., 142–143] и дает точное описание особенностей реализации сегментных единиц в слабоударной позиции.

Итак, исследованные ранее древнескандинавские языки одновременно являются языками V1/V2 и языками CL2/CL3. В предложениях V2 клитики / цепочки занимают третью позицию от начала клаузы, а в вопросительных предложениях и предложениях с нарративной инверсией, имеющих порядок V1, — вторую. Формула (iv) помещает древнескандинавские языки в класс языков, где ограничивающим фактором одновременно являются и позиция глагола, и позиция клитик, отсчитываемая от начала клаузы. Большинство языков данного типа известны из филиппинских и некоторых других языков Океании [Lee, Billings 2005], в Европе к ним может быть причислен болгарский и, с оговорками, македонский язык [Zimmerling, Kosta 2013: 202].

В типологической и исторической перспективе полезно выяснить, соответствуют ли все древнескандинавские языки формуле (iv) и используют ли они в позиции CL2/CL3 одинаковые или разные правила рангов, т.е. шаблоны упорядочения внутриклаузальных элементов. Если правила идентичны, это, с большой вероятностью, значит, что принцип (iv) грамматизировался еще в праскандинавском языке. Если правила рангов отличаются, это значит, что они приняли окончательный вид после распада праскандинавского языка. Чтобы проверить эти гипотезы, мы провели сопоставительный анализ синтаксиса клитик в текстах уложений общинного права, впервые записанных в XIII вв. на пяти древнескандинавских языках. Уложения общинного права, по-видимому, являются единственным общим жанром книжного памятника с устной перспективой, охватывающим все сопоставляемые языки.

2. Синтаксис древнескандинавских законов

Материалом для исследования послужили записанные в середине XIII века уложения общинного права на древнеисландском (Grágás, 1260–1280), древненорвежском (Gulathingssloven, ок. 1267), древнедатском (Jyske Lov, ок. 1241), древнегютнийском (Guta Lag, ок. 1220) и древнешведском (Äldre Västgötalagen, ок. 1220) языках. Нами были взяты контрольные фрагменты законов размером 1600 финитных клауз каждый⁴. Проверялось расположение финитного глагола от левой границы клаузы, расположение клитики / цепочки относительно финитного глагола и внутренний порядок клитик внутри цепочек.

⁴ Во всех случаях исследовался начальный раздел памятника.

Внутриклаузальная позиция (V2) безударных финитных словоформ вспомогательных глаголов ‘быть’ (др.исл. *vera*), ‘иметь’ (др.исл. *hafa*), ‘долженствовать’ (др.исл. *skulu*), ‘собираться’ (др.исл. *munu*) отмечалась как позиция первой клитики цепочки. Контактно расположенные личные местоимения, дейктические частицы др.исл. *þá* ‘тогда, вот’ и *nú* ‘теперь’, общее отрицание *ei(gi)*, наречия и поствербы трактовались как энклитики, составляющие цепочку во внутриклаузальной позиции. Следует иметь в виду, что древнескандинавское отрицание *ei(gi)* было постпозитивным элементом, возникшим на основе сочетания наречия **aiw* ‘всегда’ с отрицательной частицей *-gi* [Noreen 1904: 368; Lehmann 1986: 266]. Краткая форма без *-gi*, ср. др.гутн. *ai*, др.швед., др.норв. *æ*, *ei* на синхронном уровне описания является не продолжением о.г. **aiw*, а результатом опрощения *ei-g(h)* [Noreen 1904: 117] Общее отрицание занимало постфинитную позицию в древних и новых скандинавских языках [Diderichsen 1941; 1946].

Для дальнейшего изложения существенно не то, обладали ли слабоударные внутриклаузальные элементы всеми свойствами фонетических клитик в древнескандинавских языках, но то, подчинялись ли они правилу рангов, то есть табличному алгоритму упорядочения синтаксических элементов. Именно этот вопрос и проверяется ниже.

2.1. V1/V2

Согласно [Delbrück 1911; Diderichsen 1941], древнеисландский и древнедатский были языками V1/V2. Это ограничение означает, что в независимой декларативной клаузе финитный глагол занимает вторую позицию от начала, первую же позицию в клаузах V2 могут занимать как его аргументы (1a-b), так и неаргументные выражения, например, форма инфинитива (1c) и наречные элементы (1d-e). Данное ограничение соблюдается в текстах законов на всех пяти языках:

(1) а. древнеисландский

Menn skulu trúa á einn guð og á helga menn hans.

‘Люди должны верить в одного бога и в святых людей его.’

б. древнедатский

Æn **køpæjorth fã** börn ækki af, fyrræ æn...

Букв. ‘Но купленную землю получают дети не PV, прежде чем...’

c. древнегутнийский

Vita scal cuna seng sina þann han .i. barn farum liggr.

Букв. ‘**Знать** должна женщина постель свою ту, что она в деторождении занимала.’

d. древненорвежский

Nu kemr sa eigi er feet skyldi taca.

‘**Вот** не приходит тот, кто должен взять имущество.’

e. древнешведский

Sva skulu dötær sum synir skiptæ.

‘**Так** <же> должны дочери, как сыновья, разделить.’

Клаузы с нарративной инверсией, с выдвижением финитного глагола на первую, предположительно ударную, позицию частотны, см. пример (2a) из «Саги об Эгиле». В законах часто встречаются контексты типа #[Если] V_{fin} — ..., [то] V_{fin} — ... , см. пример (2b) и #[Если] V_{fin} — ..., то — V_{fin} — ..., см. (2c).

(2) a. древнеисландский

#Fóru þeir nú sina leið.

‘**Поехали** они теперь своим путем.’

b. древнешведский

#Dör hun af barni bötæ han. III. markær.

Букв. ‘**Умирает** она от ребенка, платит он три марки.’

c. древнедатский

Æn ær athælkonæ barn æi til, tha takær sløkæfrith barn.

‘А если от законной жены ребенка нет, тогда берет [наследство] незаконный ребенок.’

Букв. ‘А **есть** законной жены дитя не в наличии, тогда...’

2.2. CL2/CL3

Параметр, связывающий позицию клитик с позицией финитного глагола (#V_{fin} — CL ~ XP — V_{fin} — CL) на материале нашего корпуса диагностируется для всех древнескандинавских языков. Ср. клаузы V1 — CL2 в (3a–b) и V2 — CL3 (3c–d).

(3) a. древнегутнийский

Dreþr (1) = þu (2) mann haima .j. garþi sinum...

‘Убьешь (1) = ты (2) человека дома во дворе его...’

b. древнедатский

Navæ (1) = the (2) nokær jorth køpt...

Букв. ‘Имеют.AUX (1) = они (2) некую землю купивши...’⁵

c. древнешведский

Syþan (1) = skal (2) = han (3) firi tylpt gangæ.

‘Затем (1) = должен (2) = он (3) на клятву пойти.’

d. древненорвежский

...at hinn siaunda dag hvern vér varna við kiotvi. þann (1) kollom (2)
= vér (3) friadag.

Букв. ‘...что тот седьмой день каждый мы воздерживаемся от мяса, который (1) называем (2) мы (3) день господень.’

2.3. Клитики и цепочки клитик

Исследование показало, что большинство случаев клитизации представляют порядки типа $V_{fin} | = P.nom |$, где в конструкции типа $\#V_{fin} — S$ финитный глагол представлен ударной словоформой и цепочки нет, но есть одиночная аргументная энклитика — подлежащее. Таких случаев — большинство в тексте каждого из законов, в общей сложности — 52,05% (533 цепочки из 1024). Далее по частотности следуют двухэлементные структуры типа:

- $|V_{fin} — P.nom|$, где в конструкциях типа $\#XP — V — CL$ финитный глагол представлен одной из вышперечисленных клитизируемых глагольных словоформ. Это самые частотные цепочки в древнеисландском и древненорвежском языках (в общей сложности 68 цепочек, 6,64 % случаев клитизации в корпусе):

(4) a. древнеисландский

Eigi | = skal = hann | svo drepa barni í snjóinn að...

‘Не | = должен = он | так окунать ребенка в снег, что...’

⁵ Здесь и ниже мы условно передаем причастные перфектные формы древнескандинавских языков русскими деепричастиями.

b. древненорвежский

...af þvi at helldr | = scal = **hann** | hund eta. helldr en hundr ete hann.

‘... потому что скорее | = должен = **он** | собаку есть, скорее чем собака съела бы его.’

- | = P.nom = Neg|, цепочка с общим отрицанием, прилегающая к ударной финитной глагольной словоформе. Такие цепочки, см. (5a–b), наиболее распространены в древнешведских и древнедатских законах (в общей сложности 61 цепочка, 5,96 % случаев клитизации):

(5) a. древнешведский

Vil | = han = **igh** | uif banorþæ gangæ. þa...

‘Если он не хочет выступить со сватовством, тогда...’

Букв. ‘Хочет | = он = **не** | со сватовством выступить, тогда...’

b. древнедатский

Æn havæ | = the = **æi** | börn, tha...

‘А если они не имели детей, то...’

Букв. ‘...Но имели | = они = **не** | детей, тогда...’

Всего двухэлементных цепочек в корпусе текстов 439 единицы, 42,87 % от общего количества случаев клитизации. Редки они и в сагах. Трех- и четырехэлементные цепочки представлены 52 единицами, 5,08%.

2.4. Правила рангов клитик

Имеющихся данных достаточно, чтобы сделать следующие выводы о внутреннем упорядочении слабоударных элементов.

2.4.1. Древнеисландский язык

В ранее исследованных текстах на материале древнеисландских саг [Циммерлинг 2002: 368–371; Дахин 2018] правило рангов выглядит следующим образом:

Таблица 1

1	2	3	4	5	6	7	8
финитный глагол	местоимение			дейктические частицы	отрицание	наречие	постверб
V _{FIN}	P.NOM	P.DAT	P.ACC	þá / ní	NEG	ADV	PV
		P.REFL					

Проведенное исследование позволяет констатировать наличие сходного правила рангов для языка древнеисландских законов:

Таблица 2

1	2	3	4	5	6	7	8
финитный глагол	местоимение			дейктические частицы			постверб
V _{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL		<i>þá / nú</i>			PV
отрицание, наречие							

Отсутствие цепочек, содержащих рефлексив и личные местоимения в дативе и аккузативе, вполне ожидаемо. Действительно, примеры типа (6) ожидать в большом количестве в уложениях общинного права затруднительно:

(6) древнеисландский

Verið | = **þér** = **mig** = **nú** | undan herra?

‘Снимаете ли вы с меня подозрение, господин?’

Букв. ‘Берете | = **вы** = **меня** = **теперь** | прочь, господин?’

Есть отклонения от ожидаемых позиций наречий. В (7a) мы видим предсказанный порядок P.nom — Adv — PV, тогда как в (7b) — нетабличное Adv — P.dat — Adv — PV. Объяснение такого варианта невозможностью контактной расположения наречий места и времени опровергается примером (7c).

(7) a. древненорвежский

Ef goðorð eru smærra deild og skulu | = þeir = **svo** = til | skipta er...

‘Если годорды были поделены на меньшие доли, тогда должны | = они = **так** = PV | делиться, что...’

b. древнеисландский

Nú vill hann hverfa til námsins og skal | = **þar** = honum = þá = til | halda uns hann...

‘Теперь хочет он явиться к принятию и должно | = **там** = ему = тогда = PV | держать, пока он...’

c. древнеисландский

Ef útlendir prestar koma út hingað, þeir er eigi | = hafa = **hér** = **fyrr** | verið, og...

‘Если чужеземные священник пришли извне туда, те, кто не | = имели.AUX = **здесь** = **прежде** | пришедши, то...’

К сожалению, объемы корпуса не позволяют сделать выводы о причинах подобного поведения наречий. Также очевидны некоторые вариации во взаиморасположении наречия и отрицания. Наблюдаются как порядки Adv — Neg, так и Neg — Adv. Это, впрочем, присуще не только древнеисландскому языку, подробнее см. об этом ниже.

2.4.2. Древненорвежский язык

В [Циммерлинг 2016] был изучен язык перевода древнеисландских «Саг о По-сошниках» на данонорвежский, или средненорвежский, язык (конец XVI в.). Правило рангов средненорвежского языка выглядит следующим образом:

Таблица 3

1	2	3	4	5	6	7	8
финит- ный глагол	местоимение			дейктические частицы	отрицание, наречие		постверб
V _{FIN}	P.NOM	P.REFL	P.DAT P.ACC	<i>þá / nú</i>	NEG ADV		PV

В нашем корпусе учтен материал древненорвежского языка. Размещение глагола, местоимений, дейктических частиц и поствербов соответствует как древнеисландскому, так и средненорвежскому правилу, но взаиморасположение рефлексива и местоимений в дативе, аккузативе и генитиве не определяется. Есть отдельные трудности с интерпретацией сочетания отрицания *eigi* и наречия. В примере (8b) *eigi* однозначно интерпретируется как общее отрицание, чтение ‘он должен оставаться не там’ исключено, в то время, как пример (8a) неоднозначен — возможно чтение ‘не прежде’, с частным отрицанием.

(8) древненорвежский

a. Hinn scal = oc = **eigi fyrr** taca aðra konu. nema hann vili.

‘Тот должен = также = **не прежде** брать другую женщину, разве только он сам хочет’

b. ...oc a hann engan ervingia i fylki. oc var = **eigi** = **þar** nott hina helgu. þa...

‘...и если у него нет наследника в округе, и он не оставался там на праздник, то...’

Букв. ‘...и имеет он никаких наследников в фюльке, и был = **не** = **там** ночь ту святую, тогда...’

Древненорвежское правило рангов выглядит так:

Таблица 4

1	2	3	4	5	6	7	8
финит- ный глагол	местоимение			дейктические частицы	отрицание, наречие		постверб
V _{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL P.GEN		<i>þá / ní</i>	NEG ADV		PV

2.4.3. Древнедатский язык

Для древнедатского языка исследования подобного рода ранее не проводились. Морфосинтаксис древнедатского уже в середине XIII в. в значительной мере отличался от близкородственных языков [Naugen 1984: 264], но правило рангов клитик выглядит вполне предсказуемо и наиболее полно документировано из всех пяти языков:

Таблица 5

1	2	3	4	5	6	7	8
финит- ный глагол	местоимение			дейктические частицы	отрицание	наре- чие	постверб
V _{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL		<i>þá / ní</i>	NEG	ADV	PV

Только для древнедатского языка в нашем корпусе обнаруживается цепочка из двух местоимений. Если считать, что слабоударная форма им.–вин.п. местоимения *thæt* упорядочивалась одинаково тогда, когда она стояла в позиции синтаксического им.п., и тогда, когда она стояла в позиции дополнения, то порядок =*them*=*thæt* в примере (9) соответствует таблице 5. Непосредственно проверить это в нашем материале нельзя.

(9) древнедатский

Giftær fathær sin dottær ut mæth hemfærth, ok sæl sin sun nokæt i hændær, thær han kvænæs, thæghær theræ fathær ok mothær dø, tha stær = **them** = **thæt** til fullæ i theræ lot.

‘Выдаст отец свою дочь прочь.PV с приданным и даст своему сыну нечто в руки, когда он женится, сразу как их отец и мать умирают, тогда переходит = **им** = **это** в полной мере в их долю.’

2.4.4. Древнегутнийский язык

Древнегутнийский демонстрирует несвойственную остальным древнескандинавским языкам свободу в размещении отрицания *ai*, которое могло стоять левее местоимений в дативе (10a) и номинативе (10b-c). Впрочем, в последнем примере мы вновь имеем дело с им.-вин.п. неодушевленного местоимения ср.р., как в древнедатском примере (9) выше. В других случаях общее отрицание стоит после местоимений, в соответствии с таблицами 1, 4, 5, ср. (11).

Правило рангов древнегутнийского выглядит так:

Таблица 6

1	2	3	4	5	6	7	8
финитный глагол	местоимение			дейктические частицы		наречие	постверб
V_{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL P.GEN		<i>þá / ní</i>		ADV	PV
отрицание NEG							

(10) древнегутнийский

- a. Oc callr barn vari datt burit. Þa þarf | = **ai** = henni | fe fram leggja.
 ‘И объявляет ребенка мертворожденным. Тогда не нужно платить деньги.’
 Букв. ‘И говорит, ребенок был мертвым рожден, тогда нужно | = **не** = ей | деньги вы.PV класть.’
- b. Wil | = hann = **ai** = þa | taka. þa...
 ‘Если он не хочет это тогда брать, то...’
 Букв. ‘Хочет | = он = **не** = это | брать, тогда...’
- c. Ier | = **ai** = þet | til þa...
 ‘Если этого нет в наличии, то...’
 Букв. ‘Есть | = **не** = это | PV, тогда...’

(11) древнегутнийский

Gierir laggipt cuna hor wiþr ogiptan mann. þa schal | = hann = hana = **ai** | hogsla.
 ‘Если замужняя женщина створит блуд с неженатым мужчиной, он не обязан ей ничего платить.’
 Букв. ‘...тогда должен | = он = ее = **не** | компенсировать’

2.4.5. Древнешведский язык

В древнешведском ситуация почти аналогична. В примере (12) общее отрицание *eig* стоит перед личным местоимением в дат.п.

(12) древнешведский

...þa skal han suæriæ mæþ tolf mannum at han | = a = **eig** = hanum | skyld at gialdæ ællær gæf at löna.

‘...тогда должен он поклясться с двенадцатью людьми, что за ним нет невыплаченного долга или невыданного подарка.’

Букв. ‘что он | = имеет = **не** = ему | долг платить или подарок дарить.’

Таблица 7 отражает древнешведское правило рангов.

Таблица 7

1	2	3	4	5	6	7	8
финит- ный глагол	местоимение			дейктиче- ские час- тицы		наречие	постверб
V _{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL		þá / ní		ADV	PV
отрицание							

Сводная таблица демонстрирует тождественность строения цепочки клитик для всех пяти языков (таблица 8).

Таблица 8

язык	1	2	3	4	5	6	7	8
	фин. глагол	местоимение			дейктич. частицы	отри- цание	наре- чие	постверб
др.исл.	V _{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL		þá / ní			PV
др.норв.	V _{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL P.GEN		þá / ní	NEG ADV		PV
др.дат.	V _{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL		þá / ní	NEG	ADV	PV
др.гутн.	V _{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL P.GEN		þá / ní		ADV	PV
др.швед.	V _{FIN}	P.NOM	P.DAT P.ACC P.REFL		þá / ní		ADV	PV

Наиболее полным является правило рангов древнедатского языка. Тот факт, что в нем не удается определить клетку рефлексивного местоимения, неудивителен, ибо размер выборки не позволил сделать это даже в выборке древнеисландских саг.

В целом же достигнутые результаты представляются достаточными для того, чтобы датировать формирование правила рангов клитик праскандинавской эпохой, а наблюдаемые отклонения от базовой структуры считать результатом позднейших изменений.

2.5. Интерпретация линейной комбинаторики и позиция отрицания

Проведенный анализ опирается на допущение о том, что упорядочение слабоударных внутриклаузальных элементов в позиции CL2/CL3 непосредственно регулируется правилом рангов, т.е. табличным алгоритмом, устанавливающим однозначное соответствие между некоторым подмножеством слабоударных элементов и клеткой таблицы. Это упрощающее анализ допущение оправдывается почти везде, кроме примеров с отрицанием, так как общее отрицание могло стоять как до постфинитных слабоударных местоимений, ср. (5a–b), (11) так и перед ними (10a–b), (12). Эти примеры можно объяснить одним из трех способов: а) отрицание не было кластеризуемым элементом в древнескандинавских языках; б) общее отрицание имело не одну, а две клетки в правилах рангов древнескандинавских языках; в) правила рангов древнескандинавских языков отражают диалектные различия. Ответ а) несовместим с гипотезой о табличном распределении, поскольку не-клитики в языках мира не могут разрывать цепочки клитик. Между тем, расположение прочих слабоударных элементов не противоречит правилу рангов. Поэтому следует отвергнуть ответ а) и рассмотреть гипотезу б) о том, что общее отрицание имело в структуре клаузы две позиции — NEG1 и NEG2.

(v) ...Vfin ... NEG1 — PRON ... NEG2

Распределение типа (v) характерно для языков в ситуации синтаксического сдвига, когда часть кластеризуемых элементов получает дополнительную клетку, ср. параллели из древних славянских языков [Циммерлинг 2013: 501]. Гипотеза в) уже обсуждалась А. Хольмбергом, Л. Хелланом и К. Платцаком применительно к современным скандинавским диалектам. В части диалектов обобщен порядок NEG1— PRON, в данную группу входят диалекты Осло, Румсдаля, Тромса, а также шведский, датский,

норвежский, исландский и фарерский литературные языки. В другой части диалектов, куда относятся диалекты Эльвсдалена, Суннмёре и Трансхейма, обобщен порядок PRON — NEG2, который Л. Хеллан и К. Платцак объявляют архаичным [Hellan, Platzack 1999: 126 — 130]. Гипотетический переход PRON — NEG2 \Rightarrow NEG1 — PRON они обозначают термином 'сдвиг объекта' (Object Shift), имея в виду перемещение дополнений в позицию левее отрицания. Эту метафору трудно понять буквально, так как перестановка слабоударных элементов не может вызываться синтаксическим перемещением. Вполне вероятно, впрочем, что сосуществование порядков PRON — NEG2 \Rightarrow NEG1 — PRON в пределах одного и того же древнескандинавского языка, ср. древнегютнийские примеры (10) и (11), отражает тенденцию к модификации правила рангов в соответствующем идиоме. Проведенное исследование побуждает смягчить высказанный в [Циммерлинг 2002: 474] тезис о том, что безударное общее отрицание упорядочивалось во всех древнескандинавских языках по схеме PRON — NEG2 и датировать начало диалектных колебаний более ранней эпохой.

3. Выводы

Корпуса текстов древнескандинавских законов не содержат данных, противоречащих гипотезе о наличии единого правила рангов клитик во всех древнескандинавских языках и подтверждают гипотезу о том, что эти языки относятся к типу V1/V2 & CL2/CL3.

Вместе с тем, частотность цепочек клитик в памятниках данного жанра невысока, полной грамматикализации порядка слов с клитиками нет. Упорядочение древнескандинавских клитик, возможно, послужило шаблоном для ужесточения порядка слов неклитических категорий в последующий период.

Финитные операторы и клитики обладают некоторыми общими свойствами. И те и другие являются функциональными элементами и тяготеют либо требуют фиксированной позиции, отсчитываемой от левой границы клаузы. Своеобразие древнескандинавских языков состоит в том, что при финитном операторе глагольной морфологии они сохраняют неглагольные клитики, смежные с ним, что создает условия для просодического объединения элементов 2-й позиции.

Условные обозначения и сокращения

— граница клаузы; др.гутн. — древнегутнийский; др.дат. — древнедатский; др.исл. — древнеисландский; др.норв. — древненорвежский; нем. — немецкий; др.швед. — древнешведский; о.г. — общегерманский; ACC — аккумулятив; ADV — наречие; DAT — датив; GEN — генитив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; P — местоимение; REFL — рефлексив; PV — постверб; V_{FIN} — финитный глагол.

Источники

- Egils saga Skallagrímssonar. Íslensk Fornrit. Hið íslenska fornritafélag. Reykjavík, 1938.
Grágás. Konungsbók. Odense, Odense universitetsforlag, 1974.
Gulathingslag. Norges gamle Love indtil 1387. B. 1. Keyser R., Munch P.A. (utg.). Christiania, 1846.
Guta Lag. An Edition of the Gutnish Manuscripts of Guta Lag with Introduction, Translation, Commentary and Glossary. Peel C.I. (ed.). London, University of Cambridge, 2006.
Jyske Lov. Nordiske oldskrifter. B. IX. Kong Waldemar den andens Jyske lov. København, Brødrene Berlings Bogtrykkeri, 1850.
Äldre Västgötalagen. Collin H.S., Schlyter C.J. (utg.). Samling av Sweriges gamla lagar. Vol. 1. Stockholm: Haeggström, 1827.

Словари

- Cleasby, Richard, Vigfússon Guðbrandur. An Icelandic-English Dictionary based on the MS. Collection of Richard Cleasby Completed by Guðbrand Vigfússon. 1874. Craigie, 1957.
Fries, Jan, de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: Brill, 1961.
Lehmann, Winfred Philip. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: Brill, 1986.
Söderwall, Knut Fredrik. Ordbok öfver svenska medeltidspråket. Lund, 1884–1918.

Литература

- Дахин 2018 — Дахин Д.А. Цепочки клитик в памятниках древнеисландской литературы. Магистерская работа. М.: МПГУ, 2018. 71 с. [Dakhin D.A. Tsepochki klitik v pamyatnikakh drevneislandskoi literatury [Clitic clusters in Old Icelandic literature]. M.A. thesis. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2018. 71 p.]
Зализняк 2008 — Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008. [Zaliznyak A.A. Drevnerusskie enklitiki [Old Russian enclitics]. Moscow: YaSK, 2008.]
Кузьменко 2011 — Кузьменко Ю.А. Ранние германцы и их соседи. Лингвистика, археология, генетика. М.: Нестор-история, 2011. [Kuz'menko Yu.A. Rannie germantsy i ikh sosedi. Lingvistika, arkheologiya, genetika [The early germans and their neighbours. Linguistics, archeology, genetics]. Moscow: Nestor-istoriya, 2011.]
Лютикова, Циммерлинг 2018 — Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. Типология морфосинтаксических параметров: почему языки такие предсказуемые? // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1. Вып. 1. С. 11–30. [Lyutikova E.A., Zimmerling A.V. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov: pochemu yazyki takie predskazuemye? [Typology of morphosyntactic parameters: Why are languages so predictable?]. Typology of morphosyntactic parameters. 2018. Vol. 1. Iss. 1. P. 11–30.]

- Смирницкая 1990 — Смирницкая О.А. Что такое руническое предложение // Скандинавские языки. Вып. 2. М., 1990. [Smirnitskaya O.A. Chto takoe runicheskoe predlozhenie [What the runic sentence is]. Skandinavian languages. Iss. 2. Moscow, 1990.]
- Смирницкая 1994 — Смирницкая О.А. Язык древнегерманской поэзии. М.: МГУ, 1994. [Smirnitskaya O.A. Yazyk drevnegermanskoi poezii [The language of Old German poetry]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1994.]
- Топорова 1990 — Топорова Т.В. О синтаксисе старших рунических надписей // Скандинавские языки. Вып. 2. М., 1990. [Toporova T.V. O sintaksise starshikh runicheskikh nadpisei [Syntax of Elder runes]. Skandinavian languages. Iss. 2. Moscow, 1990.]
- Циммерлинг 1998 — Циммерлинг А.В. Древнегерманский как язык SOV? // Язык и речевая деятельность. 1998. Т. 2. С. 195–205. [Zimmerling A.V. Drevnegermanskii kak yazyk SOV? [Old German as a SOV language]. Yazyk i rechevaya deyatel'nost'. 1998. T. 2. S. 195–205.]
- Циммерлинг 2002 — Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Zimmerling A.V. Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh yazykov [Typological syntax of Scandinavian languages]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002]
- Циммерлинг 2008 — Циммерлинг А.В. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). Труды международной конференции «Диалог 2008». М.: РГГУ, 2008. С. 551–562. [Zimmerling A.V. Lokal'nye i global'nye pravila v sintaksise [Local and global rules in syntax]. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Iss. 7 (14). Proceedings of “Dialog 2008”. Moscow: RGGU, 2008. P. 551–562.]
- Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А.В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. № 4. М., 2012. С. 3–38. [Zimmerling A.V. Sistemy poriyadka slov s klitikami v tipologicheskom aspekte [Word order systems with clitics in a typological perspective]. Voprosy yazykozvaniya. № 4. Moscow, 2012. P. 3–38.]
- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А.В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Zimmerling A.V. Sistemy poriyadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte [Slavic word order systems in a typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013]
- Циммерлинг 2016 — Циммерлинг А.В. Структура клаузы, линейно-акцентные преобразования и клитики в средненорвежском языке. Циммерлинг А.В., Лютикова Е.А. (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях. М., 2016. С. 209–276. [Zimmerling A.V. Struktura klauzy, lineino-aktsentnye preobrazovaniya i klitiki v srednenorvezhskom yazyke. Zimmerling A.V., Lyutikova E.A. (eds.). Clause Architecture in the Parametric Models. Moscow, 2016. P. 209–276.]
- Anderson 1993 — Anderson S.P. The Wackernagel's revenge. Language. 1993. Vol. 1. P. 98–93.
- Bhatt 1999 — Bhatt R.M. Verb movement and the syntax of Kashmiri. Dordrecht-Boston-London: Kluwer, 1999. 291 p.
- Delbrück 1911 — Delbrück B. Germanische Syntax. Bd. II. Zur Stellung des Verbuns. Leipzig, 1911.
- Diderichsen 1941 — Diderichsen P. Saetningsbygningen i Skaanske Lov. Fremstillet som grundlag for en rationel dansk Syntax. Acta philologica scandinavica. V. 15. 1941.
- Diderichsen 1946 — Diderichsen P. Elementær dansk syntax. København, 1946.
- Dryer 2013 — Dryer M.S. Order of subject, object and verb. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). The world atlas of language structures online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (URL: <http://wals.info/chapter/81>. Accessed on 2018-11-05).
- Halpern 1996 — Halpern A.L. Introduction. Halpern A.L., Zwicky A.M. (eds). Approaching second: Second position clitics and related phenomena. Stanford: CSLI Publications, 1996. IX–XXIII.

- Haugen 1984 — Haugen E. Die skandinavischen Sprachen. Hamburg: Buske, 1984.
- Hellan, Platzack 1999 — Hellan L., Platzack Ch. Pronouns in Scandinavian languages. An overview. van Riemsdijk H. (ed.). Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20–5). Berlin, New York: Mouton, 1999. P. 123–143.
- Heusler 1913 — Heusler A. Altisländisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913.
- Hinterhölzl, Petrova 2010 — Hinterhölzl R., Petrova S. From V1 to V2 in West Germanic. *Lingua* 120. 2010. P. 315–328.
- Holmberg, Platzack 1995 — Holmberg A., Platzack Ch. The role of inflection in Scandinavian syntax. New York: Oxford University Press. 253 p.
- Hopper 1975 — Hopper P. The syntax of the simple sentence in Proto-Germanic. *Janua Linguarum, Seria Practica*. Vol. 143. 1975.
- Kuhn 1933 — Kuhn H. Zur Wortstellung und Betonung im Altgermanischen. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Band 33 (57). 1933.
- Kusmenko 2008 — Kusmenko Ju. Der samische Einfluß auf die Skandinavischen Sprachen. Ein Beitrag zur skandinavischen Sprachgeschichte. Berliner Beiträge zur Skandinavistik. Bd. 10. Berlin, 2008.
- Lee, Billings 2005 — Lee C., Billings L. Wackernagel and verb-adjacent clisis in Central Philippines. Heinz J., Ntelitheos D. (eds.). *UCLA Working Papers in Linguistics*. Vol. 12. Proceedings of AFLA XII.
- Lehmann 1974 — Lehmann W.P. Proto-Indo-European syntax. Austin: University of Texas Press, 1974.
- Mathieu 2006 — Mathieu E. Stylistic fronting in Old French. *Probus*. Vol. 18. P. 219–266.
- Mushin, Simpson 2008 — Mushin I., Simpson J. Free to bound to free? Interactions between pragmatics and syntax in the development of Australian pronominal systems. *Language*. Vol. 84. № 3. 2008. P. 1–31.
- Nordlinger 1998 — Nordlinger R.A. Grammar of Wambaya, Northern Territory (Australia). Canberra: Pacific Linguistics, 1998.
- Noreen 1904 — Noreen A. Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen. Halle, 1904.
- Noreen 1913 — Noreen A. Altisländische und Altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre). Halle, 1923.
- Platzack 2008 — Platzack Ch. The Edge Feature on C. University of Lund, Ms., 2008.
- Ries 1907 — Ries J. Die Wortstellung in Beowulf. *Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. XXXI. 1907.
- Roberts 2012 — Roberts I. Phases, head-movement, and second-position effects. Gallego A.J. (ed.). Phases developing the framework. Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2012. P. 385–440
- Skautrup 1947 — Skautrup P. Det Danske Sprogs Historie. Bd. 1. København, 1944.
- Spencer, Luís 2012 — Spencer A., Luís A.R. Clitics. An introduction. Cambridge, Cambridge University Press, 2012.
- Vikner 1995 — Vikner S. Verb movement and the expletive subjects in the Germanic languages. Oxford: OUP, 1995.
- Vrieland 2017 — Vrieland S.D. Old Gutnish in a Danish Hand. Studies in the B Manuscript of Guta Lag. Ph.D. thesis. Copenhagen: University of Copenhagen, 2017.
- Wackernagel 1892/1953 — Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischer Wortstellung. *Indogermanische Forschungen*. 1. 1892. P. 333–436 [reprinted in: Wackernagel J. Kleine Schriften. Bd. I. Basel, 1953. P. 1–103.]
- Walkden 2014 — Walkden G.L. Syntactic reconstruction and Proto-Germanic. Oxford: OUP, 2014.

- Walkden 2017 — Walkden G.L. Language contacts and V3. New and old. *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 2017. P. 1–33.
- Zimmerling 2015a — Zimmerling A. Parametrizing verb-second languages and clitic-second languages. *Proceedings of the 2015th International Conference on Artificial Intelligence*. Vol. 1. CSREA Press, 2015. P. 281–287.
- Zimmerling 2015b — Zimmerling A. 1P orders in 2P languages. Lyutikova E.A., Zimmerling A.V., Konoshenko M.B. (eds.). *Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”*. Iss. 2. Moscow: Moscow State University of Education, 2015. P. 459–483.
- Zimmerling, Kosta 2013 — Zimmerling A., Kosta P. Slavic clitics. A typology. *Sprachtypologie und Universalforschung (STUF)*. Vol. 66 (2). P. 178–214.
- Zimmerling, Lyutikova 2019 — Zimmerling A., Lyutikova E. Verb second languages and clause structure. Kozerenko E. (ed.). *Intelligent Linguistic Technologies. Transactions in Computational Sciences and Computational Intelligence*. Springer, in press.

Статья поступила в редакцию 19.12.2018

The article was received on 19.12.2018

Антон Владимирович Циммерлинг

доктор филологических наук; профессор, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина; профессор, Московский педагогический государственный университет; ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН

Anton V. Zimmerling

Dr. Phil. Hab.; professor, Pushkin State Russian Language Institute; professor, Moscow Pedagogical State University; principal researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

fagraey64@hotmail.com

Дмитрий Александрович Дахин

магистр лингвистики; независимый исследователь

Dmitrij A. Dahin

M.A. in computational linguistics; independent scholar

dahinn@mail.ru

Типология морфосинтаксических параметров
том 1, выпуск 2

Сайт журнала:

<http://journal.pushkin.institute/tmp/>

Оригинал-макет: Кс. П. Семёнова

Подписано в печать 30.12.2018
Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.
Электронное издание. Объём 177 стр.